В бой ЗА ТЕХНИКУ

АПРЕЛЬ
1938
№4

Аннотация

Эта история о путешествии американского рабочего в сопровождении советского инженера по освоенному и преобразованному людьми Северу после 1938 года не переиздавалась 70 с лишним лет. Беляев выдвигает идеи отопления Арктики и Антарктиды, уничтожения вечной мерзлоты. Герои попадают на подземный курорт, ставший вечнозеленым раем...

Два фрагмента из романа — «Север-завтра» и «Подземный город» — появились еще в 1937 году в журнале «*Вокруг света*» (N 8 и 9) под псевдонимом «А. Романович». Полная публикация состоялась под тем же псевдонимом в журнале «*В бой за технику*». Первые главы напечатаны в N 4, 7 и 9-12 за 1938 год, а окончание последовало в N 1-2 и 4 за 1939 год.

С тех пор роман-утопия никогда не переиздавался. И лишь в 2010 году издательство «Эксмо» публикует роман в сборнике «Ариэль».

Александр БЕЛЯЕВ
ПОД НЕБОМ АРКТИКИ

1. Черный и белый

– Опять кошка за стеной мяучит, – сказал Игнат Бугаев, быстро проглядывая графики нагрузки электростанции.

Уборщица гурьевской гостиницы для приезжающих не поняла шутки и серьезно ответила:

– Это не кошка. Это ваш сосед Джим Джолли играет на гавайской гитаре.

– Негр?

– Да, негр. Он недавно приехал к нам из Америки. Музыка вам не мешает? Я могу сказать…

– Нет, Ашимэ, музыка мне не мешает… – Бугаев задумчиво барабанил толстыми пальцами по графикам, затем быстро встал, вышел в коридор и постучал в соседний номер. Плачущие, мяукающие звуки гитары прекратились.

– Войдите! – послышался певучий тенор.

Посреди комнаты, с опущенной гитарой в левой руке, стоял негр Джим Джолли. Он был высокого роста, здоров и молод. Ворот клетчатой рубашки «апаш» и подвернутые выше локтей рукава открывали темную могучую грудь и мышцы атлета.

– Позвольте познакомиться, товарищ, – сказал по-английски Бугаев. – Я инспектор высоковольтной линии, инженер Игнатий Бугаев.

Глаза негра еще грустили, а толстые губы складывались в радушную улыбку, и уже сверкнули ослепительно-белые зубы. Джим протянул руку, и Бугаев заметил, что ладонь была значительно светлее его темной руки.

– Очень рад познакомиться. Джим Джолли. Рабочий. Эмигрант, – ответил негр.

– Вы не совсем оправдываете свою фамилию, товарищ, – сказал Бугаев. – «Джолли» – веселый, шумный, живой. А ваши глаза и ваша гитара грустят. О чем? О родине? О девушке с цветком на груди?

Они уселись у открытого окна. Джим задумчиво смотрел на море, на далекие дымные пряжи траулеров, на перистые облака, освещенные пурпуром заката. Его темные пальцы уже перебирали по привычке

струны гитары. И под аккомпанемент тихой, грустной песенки он начал говорить о себе. Бугаев слушал слова и незнакомый мотив. Странная музыка с ломающимся ритмом пояснила недосказанное. «Эти синкопы, – думал Бугаев, – говорят больше слов. Джим вышел из «старого ритма» и не вошел еще в новый… Одиночество? Да, конечно, и одиночество. Джим похож на растение, перенесенное на чужую почву. Ботаники называют это «интродукцией». «Интродукционные» растения, вероятно, тоже должны переболеть ностальгией – тоской по родине…»

Джим Джолли работал в Северной Америке на консервном заводе в Кэй-Вест, или «Ки-Уэст», как сказал он. Это самая южная часть Флоридского полуострова. Консервный завод «Бэйлдон и сын». Большое было дело. Свыше ста миллионов долларов. Кризис съел. Из года в год сокращалось производство. Джим был хорошим работником, и его держали до конца. А конец был таков: Бэйлдон и сын не только закрыли дело, но и сломали завод – пустопорожний участок, казалось, легче продать. Но его никто не покупал. На развалинах завода образовался «пещерный» поселок безработных. Питались рыбой, которую сами ловили. Донашивали последнее тряпье. А дальше что?

Джим давно мечтал о поездке в СССР, как и многие его товарищи. Но у них всех не хватало средств на дорогу. Пожалуй, не хватало и решимости. А у Джима она была. И вот три друга Джима сложили свои гроши с его небольшими сбережениями и снарядили его в дорогу. Это был аист не только товарищеской солидарности, но и расчета: устроившись в СССР, Джим выслал бы деньги на дорогу одному из «пайщиков», тот по приезде в СССР – следующему, и так – пока все «пайщики» не переберутся на новую родину.

– Вот и вся короткая история длинного пути от Ки-Уэста до Хурьеф, – улыбаясь закончил Джолли.

– Не Хурьеф, а Гурьев, – поправил Бугаев. – И что же вы хотите делать?

– Консервы, – ответил Джим, издавая на гитаре заключительный аккорд.

– Мне указали этот город. Я не знал СССР. Но у вас здесь другая рыба, другие методы обработки. Надо переучиваться. Мне следовало

бы ехать во Владивосток. Крабы – моя специальность. Но это снова длинный путь, а на поездку у меня уже нет средств.

– А другой специальности у вас нет? – спросил Бугаев. Джим Джолли пожал плечами:

– Я работал в Чарлстоне на стройках. Когда кризис приостановил строительство, пришлось перейти в пищевую промышленность. Думал, что это вернее: люди могут перестать строить, но не есть.

– А оказалось, что они могут перестать и есть? – усмехнувшись сказал Бугаев. У него был густой бас, и Джолли даже вздрогнул, когда Игнат внезапно громко спросил:

– Бетон замешивать умеете?

– Приходилось.

– Отлично, Джим, отлично! Вы будете бетонщиком. Мне писала Вера Колосова… Если вы будете мне аккомпанировать на вашей гитаре, Джолли, я могу вам продекламировать стихи-сказку о голубоглазой девушке, которая живет далеко-далеко, в полуночном краю. Она похожа на ледяную королеву. – Джим улыбнулся. – Но так как вы не играете, то я продолжаю говорить грубой прозой. Она инженер-строитель. И сейчас строит чудесное здание, в котором из полярного холода будут делать тепло и свет.

– Это тоже похоже на сказку, – сказал Джим.

– Когда вы ближе познакомитесь с нашей страной, вы увидите, что у нас немало таких сказок жизни. Да, так о Вере. Она мне писала, что у нее на стройке не хватает бетонщиков. Разрешите мне отвезти вас в подарок Вере Колосовой.

Джим рассмеялся.

– Боюсь, что она не поблагодарит вас за такой подарок. Я поеду с вами, товарищ Бугаев. Но мне хотелось бы знать, что это за ледяная страна и что это за волшебная фабрика для переработки холода в тепло.

– У нас еще будет время поговорить. Пока я должен предупредить об одном: это страна льда, холода, снежных бурь, мрака. После солнечной Флориды такая страна, быть может, покажется вам адом. Подумайте хорошенько.

– Оттуда идет почта в Америку?

– Ну, разумеется. Там есть и почта, и телеграф, и радио. Джим хлопнул по ладони Бугаева своей ладонью.

– Значит, по рукам. Точка, – закончил Игнат по-русски.

2. Живая карта

Джим с интересом наблюдал маленькую кабину дирижабля. Джолли еще никогда не приходилось летать на дирижаблях. Внизу – койка Бугаева, над ней – подвесная койка Джима с высокой сеткой, как в детских кроватках. Стены обтянуты голубым дерматином с тиснеными цветами. Наружная стенка скошена к полу, в стене – низкое, но широкое окно. Занавески. У окна – небольшой столик, застланный белой скатертью, перед столом – два табурета из дюралевых труб. Ничего лишнего. Светло, тепло, пожалуй, даже жарко. Но не душно. На столике работает маленький пропеллер-освежитель. В углу жужжит вентилятор. Как в жаркий день на поле шмели и пчелы. И на фоне этого жужжания приятная музыка – вальс из оперы «Евгений Онегин». Радио… Клонит ко сну. Джим закрывает глаза и видит то густо-синие просторы Мексиканского залива, то гурьевские траулеры… а впереди его ожидает неведомая страна льдов и метелей, которых он не видал никогда в жизни…

Джим встряхнул головой и посмотрел в окно. Степь. Тень дирижабля бежит по земле. Уходит вдаль бесконечная вереница опор высоковольтной передачи. На горизонте блестит озеро, синеют леса. Дирижабль уже несколько дней летит низко над землей. Сколько сменилось картин за эти часы полета! Поля, безводные степи, леса, пустыни и снова леса. Чем дальше на север, тем их становится больше. И всюду – в степях, пустынях, даже в лесах среди длинных широких просек – хлопотливые тракторы, грузовики, краны, деррики, вагонетки, паровозы… Целые полки и батальоны рабочих… День за днем, шаг за шагом люди отвоевывают пустынные пространства, проводят каналы, строят дороги, прорубают просеки в лесах… Какое упорство! Какое напряжение! Впереди – первобытная природа, глушь, леса; позади – дороги, поселки, заводы, города. В пустынях Средней Азии Джим видел множество солнечных и ветросиловых установок. Знойное, иссушающее солнце стало давать воду, вода рождает зелень лугов, сады, рощи, тени, прохладу. Не будет ничего удивительного и в том, если из холода они станут добывать тепло.

А дальше, на север, – леса. Сплошные сибирские леса. С ними, пожалуй, борьба труднее, чем с пустынями. Когда летишь над этими лесами, кажется, весь земной шар покрыт ими. Им нет ни начала, ни конца. Миллиарды деревьев заняли необозримые пространства и стоят на страже своих владений.

В небе летит аэроплан, за ним пять планеров на буксире. «Воздушный поезд». Вот один планер отцепился и снижается на лесную поляну. Он несет лесорубам почту, продовольствие… Уже много таких воздушных поездов видел Джим.

…Высоко в небе медленно движется цельнометаллический дирижабль «Циолковский», его моторы не работают. Он плывет по течению воздушной реки. Бугаев объяснил: «Безмоторный воздушный транспорт».

Радиомузыка кончилась. Стало слышнее шмелиное жужжание судовых пропеллеров и вентиляторов. Началась передача «последних новостей». Но Джим еще плохо понимает русский язык.

Джолли становится скучно. Он идет в кают-компанию.

Бугаев сидит у окна. Ворот белой рубашки расстегнут. На маленьком столе бумага, карандаши. Бугаев держит в руке радиотелефонную трубку, посматривает в окно, задает невидимым собеседникам вопросы, кого-то бранит, быстро записывает ответы.

Бугаев видит Джима, кивает головой и спрашивает:

– Кофе хочешь? – Они уже на «ты».

– Благодарю, я завтракал, – отвечает Джим.

Бугаев познакомил Джима с картой. Вот южная магистральная линия. Она идет от Эльбы до Чарджуя прямо на юг, затем сворачивает на восток – Ташкент, Чирчик, Нарын, Алма-Ата; затем идет на северо-восток – на Иртыш, Бийск, Красноярск, Илим – и оттуда на восток – на Зею, Селенджу, Бурею, Пермскую, Совгавань, берега Тихого океана…

– А вот северная линия: Тюмень, Омск, Новосибирск, Красноярск. Выше, севернее этой линии, находятся лишь отдельные станции. Указываю наиболее северные – Тобольск, Вилюйск, Якутск, Алдан, Колыма. А дальше… Дальше белое пятно. Неосвоенная пустыня. Тундра. Тайга. Несметные спящие богатства.

– Мы ведем на Арктику наступление с юга и штурмуем ее ледоколами со стороны Ледовитого океана. Ведь Арктика – это «мастерская погоды». Метеорологи только тогда смогут безошибочно

предсказывать погоду, когда вся Арктика покроется сетью радио– и метеостанций. Арктика – это страна несметных и еще почти не изведанных богатств. Мы только приоткрыли арктический сундук и уже нашли апатиты, железную руду, уголь, графит, нефть, цветные металлы, торф, сланцы и прочее и прочее, притом в таких количествах, которые изменяют все наши представления о мировых запасах полезных ископаемых. А ее бесконечные леса? А неисчислимое количество морского зверя и рыбы полярных морей, рек, озер? А пушные богатства лесов? А бесчисленные стада диких оленей?

Арктика – это страна будущего, а не страна «погибели и ужаса», какой она была и какой еще кажется многим до сих пор.

Арктика… – Бугаев неожиданно замолчал и хрустнул пальцами. – Мы еще не победили до конца эту страну, – сказал он тише. – Ты спросишь почему…

– Холод? Климат?

– Нет, не холод и не климат – главное препятствие. «Сопротивляемость» Арктики заключается в ее просторах, в бездорожье, в том, что она слишком велика.

В борьбе с бездорожьем мы применяем все виды «оружия» – морской и воздушный флот.

Ты, наверно, читал о наших последних ледоколах-гигантах? Им не страшны больше льды. Великий Северный морской путь проложен.

Наши ледоколы взрывают айсберги, ломают лед тяжелыми корпусами, а иногда и растапливают его. Нос ледокола превращается в раскаленный «электроутюг», который расплавляет лед. Это – наше последнее изобретение.

Но этот утюг требует большого расхода энергии.

Источники энергии у нас есть. Арктика богата каменным углем и в особенности лесом. Но мы не идем по линии наименьшего сопротивления. Мы бережем лес и уголь для более ценного использования в химической промышленности. Зато Арктика богата даровой энергией ветра. И мы все более и более используем эту энергию. Полноводные реки Сибири многие месяцы в году скованы льдом. Наши ученые работают над задачей круглогодового использования энергии этих рек. Сейчас производятся интереснейшие опыты борьбы с образованием льда, замерзанием рек.

Мы взялись вплотную за использование тепловой энергии земли, многочисленных «печей» – сопок Камчатки. Камчатские сопки уже начали давать нам энергию и с каждым годом будут давать все больше. Большое количество энергии мы могли бы перебрасывать с юга, с наших солнечных станций. Но Арктика должна кормить энергией сама себя. И мы решили использовать безграничный источник арктической энергии – холод. Об этой идее я не буду тебе говорить подробно, ты узнаешь на месте сам.

Смотри на карту. Мы находимся вот здесь – севернее Байкала, невдалеке от Ангарской гидростанции. Там мы оставим дирижабль и пересядем на аэроплан, который понесет нас прямо на север через сплошные лесные массивы. Меня вызывают в новый город, Челюскин, для консультации.

– Там живет и «снежная королева»? – спросил Джим.

– Там и живет. Ты уже заинтересовался ею? Но, предупреждаю, она уже невеста, – смеясь ответил Бугаев.

3. Дорожное приключение

Леса, леса, леса… В кабине самолета тепло. Однообразно гудит мотор. Машину покачивает. Опытный пилот Семенов держит курс прямо на север по сто третьей параллели. Вооруженный русско-английским словарем, Джим медленно читает новый русский роман. Игнат у соседнего окна работает с логарифмической линейкой, что-то записывает.

Неожиданно пилот выключает моторы, самолет качнуло.

Игнат взглянул в окно. Казалось, земля вдруг поднялась дыбом и прыгнула на аэроплан. Самолет снижается крутой спиралью на небольшую поляну.

– Держись! – крикнул Игнат Джиму. Но самолет без толчка уже коснулся земли, пробежал по траве и остановился.

– Только наш Семенов мог так ловко сесть, – восхищенно воскликнул Игнат. Он открыл дверь в кабину летчика. Семенов сидел, откинувшись на спинку кресла. Лицо бледное. Из носа течет кровь. Бортмеханик Доронин уже подает первую помощь – смачивает Семенову спиртом виски, вытирает ватой окровавленные руки и лицо.

– У него, – объяснил Доронин, – произошло кровотечение из носа, головокружение… Как себя чувствуешь, Семенов?

Семенов улыбнулся и ответил хрипловатым голосом:

– Сейчас лучше, но голова еще кружится. Понять не могу, отчего это…

Больного летчика осторожно перенесли в кабину кормового отсека и уложили на полу, на разостланном матраце, высоко приподняв голову.

Джим посмотрел в окно кабины. Угрюмая, непроходимая стена леса. Впечатлительному Джиму показалось, что темные лиственницы враждебным и торжествующим строем обступили упавшую с неба стальную птицу. Теперь она вместе с людьми была пленницей леса. Кругом – безлюдье, лесные болота на сотни, быть может, тысячи километров. Заблудишься, умрешь от голода прежде, чем доберешься до людей. В аэроплане продуктов питания всего на несколько дней… Больной Семенов… Невеселая картина!

Но Бугаев совершенно спокоен. Он выжимает воду из полотенца своими крепкими руками и кладет компресс на голову Семенова.

– Что приумолк? – спросил Игнат Джима. – Не беспокойся. Мы везде дома. Если лес еще не вполне побежден, то и над нами он уж не властвует больше. Мы сами не выйдем из лесу – нас найдут.

Слышно было, как Доронин работает на аварийном радиоаппарате и затем разговаривает по радиотелефону. Через несколько минут он вернулся.

– Ближайшее селение находится недалеко, в трехстах километрах, ближайший авиапункт – в пятистах, – сказал он. – Но где-то совсем рядом работает радиостанция корабля «Тайга».

– Корабля? – спросил Семенов, приподнимая голову и пытаясь улыбнуться. – Кто из нас болен, ты или я?

– Может быть, я оглох, не расслышал, – развел руками Доронин. – Но неизвестный радист ясно сказал: «Говорит корабль «Тайга». Мы находимся всего в тридцати километрах от вас, прямо на восток. Через два часа пришлем врача, как только вернется «Стрекоза».

– Но ведь прямо на восток тысячи километров сплошного леса, – снова сказал Семенов.

– Я и сам знаю, что кругом лес и до моря далеко. Какими волнами и ветрами занесло сюда корабль?

– Ты бы и спросил об этом, – сказал Игнат.

– И спрашивал. А радист смеется. Приходите, говорит, и сами посмотрите.

– Да, но за два часа пройти лесом тридцать километров немыслимо. Может быть, это мистификация какая, – размышлял вслух Бугаев. – Или это воздушный корабль, перенесший аварию, как и мы.

– С сигналами бедствия не шутят, – почти сердито ответил Доронин.

Время тянулось медленно. На исходе второго часа после аварии «Тайга» сообщала, что «Стрекоза» вылетела и через несколько минут будет на месте. Значит, это не доктор, а аэроплан? И таинственный корабль действительно существует?

Скоро послышался гул мотора. Последние красные лучи солнца осветили серебристую «Стрекозу», показавшуюся над лесом. Это был маленький двухместный аэроплан – геликоптер, имеющий два пропеллера.

«Стрекоза» сделала круг над поляной, выбирая место посадки. Геликоптер почти отвесно опустился рядом с машиной Семенова.

Из кабины вышла немолодая женщина в кожаном пальто с небольшим чемоданом в руке.

Доктор Дубровина осмотрела Семенова и заявила, что его необходимо доставить на аэроплане в больницу. Она оставила лекарства из своей дорожной аптечки, объяснила, как ухаживать за больным, и улетела.

– Алло! – послышался голос из радиорепродуктора. – Говорит авиабаза. Санитарный аэроплан прибыл. Мы можем отправить его к вам. Разложите костры, чтобы он мог найти вас.

Игнат, Джим и Доронин поспешили развести костры по краям поляны. Стояла свежая ночь. Потрескивали сучья. Пахло горящей хвоей и сыростью леса. Костры освещали стену лиственниц, окружавших поляну.

Вдруг Игнат увидал голубой огонек, мелькавший между стволами. В ту же минуту послышался шум аэроплана. Он покружил над поляной и снизился в десятке метров от путников.

– Тоже неплохая посадка, – сказал Доронин одобрительно.

– Если поискать, в этой тайге, оказывается, не так уж мало людей, – удивился Джим.

– Я же тебе говорил, что мы везде дома, – отозвался Игнат.

Летчик вышел из пилотской кабины, осмотрел поляну и покачал головой. Доронин понял его: нелегко сесть, но еще труднее взлететь с этой поляны. Того и гляди – «вмажешь» в дерево и разобьешься.

Подошли из леса люди с фонарями. Один из них был бородатый мужчина лет за пятьдесят, похожий на старого таежного охотника, другой – молодой, почти юноша. Оба они были в кожаных костюмах.

Познакомились. Молодой оказался капитаном, а бородатый – штурманом загадочной «Тайги». Игнату не терпелось разузнать, что же это, наконец, за корабль. Но сначала надо было решить более важные вопросы. Прилетевший летчик предложил доставить Семенова в больницу, вместо Семенова вести аэроплан может другой пилот, но Семенов заявил, что он никому не может доверить свою машину. Он был уверен, что через день-два поправится и полетит дальше. Чтобы не волновать больного, ему не возражали.

С первыми лучами солнца Семенова перенесли в санитарный самолет. Доронин помог осмотреть моторы. Машину оттащили на край поляны. Самолет поднялся, сделал крутой вираж, качнулся и скрылся за лесом. Выровняется ли?.. – с волнением думал Доронин, прислушиваясь к звукам. Но моторы рокотали ровно, звуки удалялись. Скоро самолет стал виден уже на большой высоте. Сделав полукруг, он взял на юг.

– Добрый путь, товарищ! – крикнул Доронин прочувствованно, словно Семенов мог слышать его.

– Идем, что ли? – сказал Фома.

4. Корабль «Тайга»

Капитан, штурман, Джим и Игнат, попрощавшись с Дорониным, направились в лес.

– Телефонируй нам, если медведи нападут на тебя! – крикнул Игнат, оборачиваясь, и улыбнулся.

– За себя я не боюсь, – ответил Доронин. – В кабине меня не достанут. Да и оружие у меня есть. Однако и вы напоминайте о себе.

Путники углубились в лес. Пахнет багульником, хвоей, землей. Косые лучи солнца освещают кровавые пятна листьев крушины. Капитан поглядывает на компас, но у Фомы Груздева свои компасы: он смотрит на сучья деревьев, на стволы, на траву и идет более уверенно, чем Симаков, вооруженный компасом.

Наконец путники выбрались на большую поляну. Первое, что они здесь увидели, был парящий высоко над лесом воздушный змей необычайной формы. Судя по высоте, это должно было быть огромное сооружение! – что-то вроде разрезанного на две половины вдоль большой оси цилиндра длиною метров в тридцать. По бокам цилиндра – две полукруглые плоскости, обращенные своими закругленными краями назад; под цилиндром – площадка и на ней будка. Позади «змея» – огромный хвост из нескольких воронок, соединенных тросом. На нижней площадке под цилиндром копошились две человеческие фигуры.

– Оказывается, ваша «Тайга» – воздушный корабль? – сказал Игнат, обращаясь к Симакову.

– Нет, «Тайга» – не воздушный корабль, – возразил капитан. – То, что вы видите, – это только высотная электросиловая установка «Тайги». Наша «Тайга» возит за собой свою летучую электростанцию, привязанную на стальном канате.

– Но что же представляет собой сам корабль? – нетерпеливо спросил Игнат.

– Скоро вы это увидите, – спокойно ответил капитан.

Путники прошли еще немало лесных полян, пока, наконец, вышли на широкую лесную просеку. Эта просека имела необычный вид. Низко спиленные деревья – так низко, что над землей не видно было

пней, лежали по обе стороны просеки, как скошенная трава. Над просекой уже далеко позади путников маячил в небе «змей», в конце просеки путники увидели высокую трубу, а затем и огромное черное сооружение, занявшее своей тушей всю просеку и поднимавшееся темной массой вровень с верхушками деревьев. Над корпусом этого сухопутного дредноута виднелись трубы. Средняя труба была шире и едва ли не выше фабричной трубы. Ее-то и увидели они еще издали. Другие трубы были значительно ниже. Целая паутина оттяжек укрепляла их. На «носу» и «корме» поднимались мачты: очевидно, радиостанция. Ни одна труба не дымила. В корпусе «корабля» виднелись круглые иллюминаторы.

Путники подходили с кормы и потому не могли определить форму и длину этого необычайного корабля. Казалось, он стоял прямо на земле. И только подойдя вплотную, они смогли осмотреть «Тайгу». Корпус корабля напоминал корпус подводной лодки. Но по размерам это был настоящий корабль в три этажа. На носу возвышалась капитанская рубка с прожектором над ней. Впереди ее, пониже, – три пропеллера, и один пропеллер на корме. Корабль покоился на широких платформах, имеющих колеса-катки, напоминающие катки дорожных трамбовочных машин. Внизу, под иллюминатором, были закрытые люки и выходные двери. Несколько трапов вело на верхнюю палубу.

– Ну вот и сама «Тайга», – сказал Симаков. – Это – вездеход, приспособленный для длительных экспедиций по тайге и тундре при любых климатических условиях и во все времена года. Вы еще успеете подробно ознакомиться с ним, а сейчас идемте завтракать. Все мы достаточно проголодались. Да и отдохнуть не мешает. Мы почти не спали в эту ночь.

Следом за капитаном все поднялись по трапу на палубу. В конце ее Игнат заметил мирно лежащую «Стрекозу». Она занимала совсем немного места и напоминала дремлющее насекомое.

– Как дела, капитан? – услышал Игнат чей-то надтреснутый басок. Возле средней трубы стоял худощавый загорелый молодой человек. Это был механик Алексей Жуков. Руки его были запачканы маслом.

– Все в порядке, – ответил на ходу Симаков. – Вот, гостей привел, будем завтракать. А у тебя как?

– Олл-райт, – ответил Жуков.

– Олл-райт, – повторил Джим и улыбнулся. Гости познакомились с Жуковым.

Все спустились в кают-компанию, находившуюся в среднем этаже, вместительную комнату с высоким потолком. Дорожка из линолеума кремового цвета разделяла комнату на две половины. По обе стороны стояли столы, накрытые чистыми скатертями. На потолке – матовые лампы. В углу – черный диск громкоговорителя. У стены – экран. Между столиками – в дубовых бочонках кусты цветущих олеандров. Все блестело и сверкало чистотой.

– Мне здесь нравится, – сказал Джим. – Вот какие чудеса скрывают непроходимые советские леса!

Женщина в белом халате внесла дымящийся завтрак. Игнат толкнул Джима и тихо сказал:

– Смотри, да ведь это доктор, которая прилетала к нам.

Симаков рассмеялся и сказал, обращаясь к Дубровиной:

– Марианна Ивановна! Наши гости удивляются, что вы сегодня за официантку.

– Мы сами себя обслуживаем, – поздоровавшись с гостями, сказала Дубровина. – Больных у нас нет, времени у меня больше, чем у других, вот я и хозяйничаю. Ешьте хорошенько. Обед будет поздно.

Джим и Игнат послушались доброго совета и плотно позавтракали. Насытившись, Игнат обратился к капитану:

– Ну, расскажите мне подробнее о корабле.

5. Изобретатель рассказывает

Перед нашей страной стояла грандиозная задача: до конца открыть Сибирь с ее неисчерпаемыми источниками энергии и природных богатств. Север непроходим. Моря забаррикадированы льдами. Арктика отрезана необозримыми пространствами тундры, тайги, лесов, столь же непроходимых, как льды полярных морей. Льды уже пробиты нашими ледоколами. А леса оставались непроходимыми, потому что у нас не было лесного «ледокола». Настала пора приняться и за леса. На необозримые «вольные» пространства была наложена сетка квадратов – сначала только на карте, и каждый квадрат – каждый километр в этом квадрате – должен был подвергнуться тщательному обследованию: геологическому, геохимическому, ботаническому, гидрологическому. Разве эту задачу можно быстро разрешить лошадиной тягой и пешим хождением? Вопрос о средствах передвижения в тайге требовал быстрейшего разрешения. Воздушное сообщение хорошо как средство быстрой связи, но для изыскательских партий, нагруженных всякими инструментами, припасами, образцами руд и прочим, нужно было что-то иное. Необходимо было построить корабль-вездеход, который мог бы легко преодолевать бездорожье, вмещать в себя всю изыскательскую партию, инструменты, запасы продовольствия на долгие месяцы. Корабль, который был бы и «вагоном», и «домом», и походной лабораторией, весьма прилично оборудованной. И я несколько лет думал о конструкции такого вездехода. Потом мы стали работать изобретательской бригадой на Челябинском заводе.

Десятки проектов были забракованы челябинским комитетом общества изобретателей, несколько – центром. Но, в конце концов, проект был утвержден и средства на постройку отпущены. Еще два года ушли на строительство и опыты. Наш корабль-вездеход родился. Он поступил в ведение уральского филиала Академии наук и академического совета по изучению производительных сил. Этот совет выработал план и маршрут нашей первой, опытной экспедиции. Мы занимаемся изысканием ископаемых, изучаем лесные богатства,

попутно делаем просеки, ведем метеозаписи и многое другое. Ежедневно сообщаем по радио рапорты о наших работах.

Оправдывает ли «Тайга» свое назначение? Наше детище, увы, очень и очень несовершенно. Еще много придется внести улучшений, но в основном мы как будто разрешили задачу. Мы можем производить исследования в продолжение всего года, несмотря на морозы, пургу, полярную ночь. Это значит, темпы освоения Севера по крайней мере утраиваются.

Джим захлопал в ладоши.

– Очень хорошо. Олл-райт! – воскликнул он.

Симаков продолжал:

– Нам необходимо было преодолеть две основные трудности. Первая – энергетическая. Чтобы двигать такую махину, как «Тайга», надо иметь двигатели во много тысяч лошадиных сил. Устроить этакий жюльверновский «паровой дом»? Для лесной области, где топливо можно брать на месте, – куда ни шло; но что прикажете делать в голой тундре, где ни деревца, ни кустика, ни травинки? Брать запас угля на несколько месяцев? – Невозможно. Помимо того, что корабль «раздулся» бы во много раз, он стал бы еще тяжелее, а «плавать» ему предстояло по болотам, по грязи, по кочкам. Он увяз бы. Жидкое топливо не намного улучшило бы положение.

– Аккумуляторы? – спросил Игнат.

– Думали и о них. Но даже самые новейшие «электрические консервы» все же не обеспечили бы энергией на много месяцев это стальное чудовище.

И мы решили использовать ветер, создав ветряную станцию. Это – воздушный змей. Он может быть запущен на 500 метров и работает без отказа. В здешних широтах на такой высоте ветер дует неизменно. Но энергии змея недостаточно. И мы поставили воздушные турбины – виндроторы. Они работают не так безотказно, но все же дают нам немало энергии. Наконец… вы видели среднюю трубу огромной высоты? Все ее устройство очень просто. Снаружи никаких подвижных частей. Видна лишь одна башнеобразная цилиндрическая труба вроде дымовой трубы из листового железа. На верхнем конце, на некотором расстоянии, она окружена коротким цилиндром. Это внешнее кольцо поддерживается снизу очень узкими ребрами. Нижний конец высокой трубы открыт. И вот, под каким бы углом ни дул ветер,

результат будет один и тот же: в цилиндрической башне создается вертикальный поток воздуха. Иными словами, постоянно изменяющий свое направление и силу ветер здесь превращается в почти постоянный воздушный поток. Скорость меняется, но направление – вверх по трубе – остается неизменным. У нижнего основания ветряной башни установлена горизонтально лежащая турбина. Такое устройство обеспечивает легкий доступ к машинам, защищенным в то же время от всех влияний непогоды.

– Ну а для чего эти маленькие трубы? – спросил Игнат.

– Принцип их работы также прост. Цилиндр разрезан пополам, и половинки ставятся горизонтально на опорный диск таким образом, что края одной половины заходят за край другой; между ними – промежуток. В эту щель и попадает воздух. Он вертит ротор, ротор приводит в движение динамо.

– И совокупной энергии всех этих установок достаточно для того, чтобы снабдить воздушный корабль энергией?

– И да и нет. Как я сказал, одной высотной станции недостаточно. Внизу же ветер все же дует непостоянно. А в тех случаях, когда «Тайга» идет сплошным лесом, внизу совсем тихо. И нам пришлось призвать на помощь еще одно изобретение – систему «аккумуляторов» для ветряных установок Уфимцева. В кратких словах, дело сводится к следующему.

Ветер – даровая энергия, которая везде под руками. Но все несчастье в том, что ветер – капризная стихия. Он то дует, то перестает дуть, сила ветра также изменяется беспрерывно. Были предложены сотни, если не тысячи остроумных проектов усовершенствованных ветряков. Но изобретатели, ученые не «смотрели в корень», не ставили перед собой задачи бороться с основным недостатком ветряных двигателей – непостоянством их работы.

Сила ветра, как я уже сказал, меняется часто. Даже на протяжении одной минуты она непостоянная. Как выровнять эти минуты неравенства? Создается аккумулятор, так называемый инерционно-кинетический. Попросту говоря, это – усовершенствованное маховое колесо, в котором развивается сила инерции. Он движется, и потому он «кинетический». В нем использована сила инерции, и потому он «инерционный». Для того чтобы в нем самом было меньше трения и максимум полезного действия, его поместили в особом футляре, из

которого выкачан воздух или же который наполнен водородом. Ветер дует – маховик вертится. Ветер перестал дуть, а маховик еще вертится несколько минут, продолжая отдавать запасенную энергию. «Скачущая» на протяжении минут энергия ветра несколько выравнена, а минутные перерывы в подаче энергии устранены.

Но это – лишь начало. В работе ветра бывают не только минутные, но и часовые перерывы, иногда в продолжение многих часов. Как бороться с этим? Аккумулятором номер второй. Это обычный электрический аккумулятор.

Далее идут перебои в подаче энергии ветра, которые могут длиться днями. И на сцену выступает аккумулятор номер третий. Вы знакомы с электролизером Шмидта? При прохождении электрического тока через подкисленную или щелочную воду вода разлагается на кислород и водород. Электролизер Шмидта, преследующий эту цель, состоит из чугунных пластин с закраинами, свинченных с асбестовыми прокладками в одну целую батарею. Промежутки между пластинами заполнены слабым раствором поташа. Образующиеся при прохождении тока водород и кислород отводятся порознь и собираются в сосудах. Этот электролиз производит та же энергия ветра. Ветряк «в свободные часы» запасает сам для себя газовое горючее, получаемое из воды.

Кислород – «побочный продукт» – идет на различные нужды, водород же служит горючим для газового двигателя с его динамо.

Наконец, имеется еще один резервный, обычный тепловой двигатель, скажем, на нефти, со своей динамо. Но к нему почти никогда не приходится прибегать.

Так была разрешена проблема выравнивания непостоянства энергии ветра. Эти аккумуляторы могут быть применены к ветрякам любой конструкции. Суть изобретения – в комбинированных способах аккумулирования энергии ветра.

– И ветер тянет «Тайгу» без отказа? – спросил Игнат.

Симаков нахмурился.

– Бывают все же заминки, – сказал он как бы нехотя. – Приходится тогда отстаиваться, чтобы запасти энергию в аккумуляторы. Но таких случаев было мало. Ведь у нас по ходу работ бывают длительные остановки, во время которых мы и можем запасать большие количества энергии.

– Итак, проблема энергии более или менее разрешена. А какая была вторая трудность при проектировании вездехода? Механизм передвижения? – спросил Бугаев.

– Да, но с этой проблемой интереснее всего было бы познакомиться, «поплавав» на нашем корабле.

6. Джим осматривает корабль

Игнат отправился в радиорубку справиться о Семенове и Доронине, а Джим занялся осмотром необычайного сухопутного «корабля».

Вдоль всего корпуса шел коридор. Стены и двери коридора – из серого матового металла. На потолке – лампы в кубических стеклянных абажурах, сделанных словно из кусков льда. На полу – линолеум. Чисто, как в больнице. На двери, против кают-компании, – черная блестящая табличка с надписью на русском языке. Джим осторожно приоткрыл дверь. Никого. Большая, как кают-компания, комната в три окна-иллюминатора. Все стены уставлены полками. На них папки, ящики с номерами. Ряды стеллажей, заполненных такими же ящиками. Какой-то склад…

Соседняя каюта – амбулатория. Джим заглядывает и сюда. Стены и мебель сверкают белизной. Хирургический стол. Стеклянный шкаф с набором медицинских инструментов. Рентген, кварц и еще какие-то неизвестные Джиму аппараты. Рядом на стене – мраморная распределительная доска с рубильниками и выключателями, амперметрами, вольтметрами. Под стеклянным колпаком – микроскоп. В углу – весы.

«Неплохое медицинское оборудование для такого небольшого экипажа», – думал Джим.

Третья комната – лаборатория. Джим уже смело открыл дверь, полагая, что никого не застанет.

– Ах, простите… – смущенно говорит он и закрывает дверь. За дверью слышен смех и как будто слова: «Куда же вы? Войдите…» Но он не решается и бредет по коридору дальше, унося мимолетное впечатление: блеск химической посуды и инструментов, образцы минералов на столах и две женские головы, склоненные над микроскопами. Одна – с гладко зачесанными темными волосами, другая – стриженая, золотоволосая. Черная, кажется, постарше; золотая – помоложе, белая, румяная. Кто из них так звонко рассмеялся? Золотая?! И почему смеялась? Наверно, Джим выглядел очень глупо…

Вернуться? Нет, нет… И не постучал. Подумают: «Какой невоспитанный!» Теперь он будет осторожней.

Джим перешел на другую сторону коридора и осторожно постучал в дверь, на которой была табличка с надписью «Клуб». «Войдите», – глухо послышалось ему. Он приоткрыл дверь. Комната была пуста. Неужто это та девушка услышала его стук и отозвалась? Почему он так взволнован? Хорошо, что здесь никого нет.

Всю стену занимает экран телевизора. Большой ламповый приемник. В углах комнаты два настольных бильярда с блестящими шарами – шарикоподшипниками. Стеклянный шкаф. В нем пинг-понг, шахматы, домино… Ковер во всю комнату. Мягкие кресла. Занавески на иллюминаторах. Красивая люстра. Сидя в этой комнате, трудно представить, что находишься в «непроходимых» сибирских лесах, за тысячи миль от городов и железных дорог.

В среднем этаже осталась одна неосмотренная каюта – библиотека. Джим направился туда. В библиотеке он застал врача Дубровину. Она извлекала из радиобильдаппарата листы газеты «Правда».

Наконец Джим спустился по трапу в нижний этаж. Здесь находились электрифицированная кухня, машинное отделение, склады провианта, горючего, запасных частей. Здесь же, в отдельной кладовой, Фома хранил шкуры убитых на охоте животных и целую коллекцию ружей, ящики с патронами, охотничьи ножи… Осмотр кончен. Джим поднимается на второй этаж. В коридоре встречает Бугаева.

– Все в порядке, – говорит Игнат. – Наш аэроплан вылетел вперед. Семенов чувствует себя молодцом. Идем на палубу.

7. Пленники огня

К Симакову подошел Фома:

– Гарью пахнет, капитан.

– Я ничего не чувствую, – сказал Симаков, нюхая воздух.

– У меня ноздри старого таежника. Сегодня ветер на юг, а потянет на север, и вы почувствуете, – ответил Фома.

– Ну, что тебя беспокоит? – спросил Симаков. – Наверное, охотники костер развели.

Фома неопределенно закивал головой.

– Все может быть, – ответил он. – А только… не лучше ли нам выбраться отсюда поскорее?

– Ты думаешь, что в тайге пожар? – уже с некоторым беспокойством спросил Симаков.

– Пахнет, да! – за бородатого штурмана ответил Джим, втягивая воздух широкими ноздрями. Почувствовали запах гари и Бугаев и Симаков.

– Пожалуй, ты прав, – сказал капитан. – Надо удирать.

По сучьям деревьев, с лиственницы на лиственницу, прыгали с испуганным писком белки. Их было множество, и все они неслись на север, убегая от пожара. Внизу по просеке мчались три зайца. В стороне, в чаще, показался большой медведь. Он вышел на просеку, встал на задние ноги, понюхал воздух и, вновь тяжело опустившись на передние, поспешно зашагал в лес, с необычайной быстротой поворачивая свое тело.

Над лесом с криком летели стаи птиц. Фома хлопал по бокам своими тяжелыми ручищами и стонал. В нем проснулся охотник. Сколько дичи! Но сейчас не до нее. Приходилось звонить в колокол, созывая всех на авральные работы.

Один за другим на палубе появлялись обитатели «Тайги»: механик Алексей Жуков, геологи – золотистоволосая Анна Фокина и черная, как цыганка, Зинаида Камнева, врач Дубровина, студенты-практиканты – Митя Дудин (Игнат узнает в нем пилота «Стрекозы») и Федя Грицай. Выбежали даже две собаки-лайки, встревоженные

колоколом и поднявшейся суматохой. Они возбужденно лаяли с борта на птиц и зверей.

Наконец появился толстяк-радист Гребенщиков. Он сообщил, что со «Змея», высотной электросиловой установки, сообщают о начавшемся пожаре.

– Знаем. Наш Фома пронюхал этот пожар раньше, чем они с неба заметили.

Джим посмотрел на «Змея».

– Им там хорошо, – сказал он. – До них не только огонь, но, пожалуй, и дым не дойдет.

– А если проволока, которой «Змей» привязан к «Тайге», перегорит, что тогда? – возразил Игнат.

– Не так уж страшно, – отозвалась Анна Фокина.

«Это она смеялась», – подумал Джим, услыхав голос девушки.

Момент был такой, что не до официальных представлений. Гости познакомились с экипажем немым кивком головы.

– Все полые части «Змея» наполнены водородом, – продолжала Фокина. – «Змей» не упадет; его отнесет за линию пожара.

– Однако ветер на юг, и «Змей» может упасть в пламя, – тревожно сказала Камнева.

– Внимание! – крикнул капитан. – Все по местам. Работу машин на полный ход!

Жуков побежал к своим моторам. Фома стал за штурвал. Капитан Симаков с Игнатом и Джимом отправились к капитанской рубке, под нею сгруппировались остальные.

Загудели моторы. «Тайга», дрогнув всем телом, медленно двинулась вперед. Скоро сухопутный корабль подошел вплотную к стене лиственниц. Дальше идти было некуда. Бешено загудели пропеллеры на носу.

– Неужели одной винтовой тягой можно двигать это чудовище? – спросил Игнат.

– На снегу можно, – ответил Симаков. – Здесь же пропеллеры только помогают: «Тайга» движется на колесах, которые вращаются при помощи моторов. Будет время, расскажу подробно. А кое-что и сами увидите.

– Рама! – крикнул он.

Впереди вездехода выдвинулась металлическая рама, укрепленная на низких колесах. Передние концы рамы были соединены тонкой металлической пластинкой. Позади пластины, на некотором расстоянии от нее, проходила металлическая труба. Она шла параллельно пластине и также соединяла своими концами боковые металлические стержни. Все вместе и составляло «раму», напоминающую связанные впереди, но очень широко расставленные оглобли.

– Ток! – продолжал командовать Симаков, наклоняясь к слуховой трубе.

Джим и Игнат увидели, как тонкая металлическая полоса впереди «оглобель» покраснела и накалилась добела. Полоса врезалась в лиственницу и прошла сквозь ее ствол с легкостью ножа, разрезающего масло. Соки дерева обратились в пар, вырвавшийся из разреза. Показался дымок. Но в тот же момент из трубы, находившейся за пластиной, через дыры начали вырываться струи пенистой жидкости, облеплявшей место среза. Вспыхивающее пламя тотчас тушилось. Шипение усилилось. Пар и дым покрыли электрический нож.

– Клешни!

Две пары рычагов, оканчивающихся железными клешнями, вынырнули откуда-то снизу. Дудин и Грицай ловко управляли железными руками. Клешни схватили дерево выше среза и отвалили в сторону. «Тайга» подвинулась вперед. Камнева, Фокина, Дубровина помогали Дудину и Грицаю направлять падение деревьев в тех случаях, когда «руки» не успевали вовремя сделать это. «Тайга» ощетинилась механизированными баграми, клешнями, рычагами.

Работа была напряженная, небезопасная, требующая большой ловкости и сноровки. Капитан время от времени справлялся по радио, с какой быстротой движется пожар. С вышки «Змея» ему сообщали об этом.

– В каком направлении лежит ближайшая граница леса? – спросил капитан змеевиков.

– Перед нами до горизонта сплошной лес, – отвечали со «Змея». Симаков нахмурился.

– Придется послать на разведку Анну, – сказал он.

– На авиетке «Стрекоза»? – спросил Игнат.

Капитан кивнул головой.

– Геолог-авиатор. Я вижу, вы тут универсалы, – сказал Игнат.

– Приходится, – ответил Симаков. – Анечка любит летать.

Он отдал распоряжение.

Через несколько минут «Стрекоза» уже взвилась почти отвесно над вездеходом, взяв курс на север, и скрылась за лесом. Вскоре она вернулась.

Симаков начал подсчитывать, что движется быстрее – «Тайга» или пожар. Судя по тому, как он мотал головой, итоги получались неутешительные.

– Ну, что? – спросил Игнат.

– Пожар нагоняет, – ответил Симаков. – А к вечеру ветер должен усилиться.

Пожар усиливался. Огонь, охватывавший все большее лесное пространство, сам создавал ветер. Он уже гудел по верхушкам деревьев, разнося едкий дым, но искр еще не было видно.

Над «Тайгой» затрещала и круто опустилась на палубу «Стрекоза». Возбужденная, раскрасневшаяся Анна Фокина указала кратчайший путь из леса.

День угасал. На небе зажигались первые звезды. Звери уже все пробежали, птицы пролетели.

– Теперь бы тучи, дождик, а небо, как назло, чистое, – ворчал Симаков.

Со «Змея» сообщили, что пожар делает прыжки: поднявшийся ветер переносит горящие сучья, ветки, вызывая новые очаги. Дело принимало нешуточный оборот.

Откуда-то вновь появились обезумевшие животные. Разные обитатели леса бежали вперемежку, не обращая внимания друг на друга. Становилось трудно дышать.

– Уложить трубу и роторы! – приказал Симаков.

Высокая труба ветросиловой установки оказалась складной. Она осела, словно провалилась. Роторы были положены набок, как пароходные трубы при прохождении парохода под мостом.

– Остановить моторы воздушной тяги!

Часть моторов затихла. Пропеллеры, покружившись на холостом ходу, остановились. Дудин и Грицай быстро сняли их и уложили внутрь корпуса.

– Дугу!

– Есть дугу! – по-морскому ответил Грицай.

В носовой части сухопутного корабля, над палубой, поднялись три металлические дуги, одна выше другой.

– Задраить иллюминаторы!

– Есть задраить иллюминаторы!

Джим и Игнат ожидали, что будет дальше. «Тайга» напоминала корабль перед наступлением циклона. Она готовилась вступить в борьбу с огненной бурей и стихией леса. Лес цепко держал в своих лапах, огонь упорно нагонял корабль.

Симаков глубоко вздохнул. «Тайга» была готова для штурма.

– Дать лесорезы. Полный ход! – раздалась новая команда.

«Тайга» быстро двинулась вперед, как танк в атаку. Накаленный добела резак подкашивал толстые стволы, и они падали в разных направлениях. Деревья, шумя, как морские волны, опускались прямо на «Тайгу», падали на дуги и по ним соскальзывали вниз. Иные падали поперек дороги. «Тайга» переползала, поднимаясь то носом, то кормой, как корабль при килевой качке. Иногда на пути наваливалось столько стволов, что приходилось отступать и снова двигаться, чтобы разбросать их.

– Это уже напоминает борьбу ледокола со льдом, – заметил Игнат.

– Да, но за ледоколом не гонится, по крайней мере, огненный смерч, – заметил Джим.

Совсем стемнело. Несмотря на шум моторов, треск падающих деревьев и шипенье огнетушителей, уже слышался гул настигающего пожара. Потемневшее ночное небо на юге становилось багровым. Мелкие искры пролетали над «Тайгой», как метеоры.

– Сюда может попасть искра, весь этот мусор необходимо убрать, – сказал Игнат.

– Ты прав, – ответил капитан. – Вот тебе и Джиму нашлась подходящая работа.

Джим и Игнат стали сбрасывать с палубы груды сучьев, хвои, шишек.

– Тепленько становится работать, – сказал через некоторое время Игнат, утирая пот с лица и поглядывая на Джима.

Черная фигура негра уже была ярко освещена заревом пожара и казалась бронзовой.

– Да, теплеет, – заметил Джим, также останавливаясь, чтобы передохнуть.

На помощь Джиму и Игнату пришли Фокина и Камнева.

Мимо пробежал Грицай и сказал на ходу:

– Скверное дело. Не хватает огнегасительной пены. Запасы истощаются. Дубровина не успевает изготовлять. Кто-нибудь помогите ей.

Анна сбросила охапку мусора за борт и ушла.

В лесу уже было светло и горячо, как в июльский полдень.

– Невеселые дела, Джим, – тихо сказал Игнат. – Пожалуй, спокойней нам было бы продолжать путь на аэроплане. На худой конец из этого ада могут вырваться один-два человека на «Стрекозе».

– Да, пожалуй, вот эти там наверху уцелеют. – Джим показал рукой: высоко над лесом ярко светился «Змей».

– Нет, и там им не сладко, – продолжал он, следя глазами за клубами багрового дыма, поднимавшимися к самому «Змею».

В это время Игнат и Джим работали на корме, возле лебедки, к которой был привязан «Змей».

Прибежал Грицай и начал отдавать трос.

– Змеевики Тестов и Гринев просят поднять их повыше, поджариваются и задыхаются. Они сейчас висят над самым пожаром, – объяснил Грицай.

«Змей» начал медленно подниматься.

Палуба была очищена вовремя. На нее все чаще летели искры и головни. Но работу нельзя было бросать ни на одну минуту: беспрерывно накапливались новые обломки, сучья, шишки от деревьев, падающих на дуги и скатывающихся вниз.

Игнат подошел к капитанской рубке.

– Как дела? – спросил он Симакова. – До конца леса далеко?

– Не менее десяти километров, – ответил капитан.

От жары на носу уже трудно было стоять. Позади «Тайги» по стволам и пням скошенных деревьев змеились огоньки. Одно сухое дерево пылало. Пожар разгорался совсем близко от вездехода. Его корпус все более нагревался. Было тяжело дышать. Жар усиливался с каждой минутой. Но ни один человек из всего экипажа, не исключая девушек, не проявлял паники. Игнат шутил:

– А ты еще боялся, Джим, что окоченеешь от холода на севере. Пожалуй, тут теплее, чем в твоей Флориде.

Джим улыбался, сверкая зубами.

На самой палубе вспыхнула куча хвои, другая, третья… Дудин бегал, заливая пламя огнетушителем.

Пожар трещал, гудел, завывал, свистел. Птицы и звери уже давно опередили «Тайгу». Только одни люди вели последнюю борьбу с пламенем. Они изнемогали. Дудин пустил в ход палубные шланги, но в баке было не так много воды, чтобы ее хватило до конца лесного пути. При этом вода нужна была и для охлаждения моторов и бензиновых баков, которые могли взорваться от нагревания. Змеевики ежеминутно сообщали свои наблюдения. Они уже давно видели границу леса и давали направление. Граница была близка, но сплошное море огня – еще ближе. К счастью, ветер переменился. Дым и горячий воздух относило в сторону. Иначе все задохнулись бы прежде, чем пожрало бы их пламя.

– Я вижу просвет, – закричал Игнат своим громовым голосом.

Все встрепенулись, посмотрели вперед, но за дымом ничего не было видно. Однако Игнат не ошибся. Всего несколько рядов деревьев отделяло тайгу от границы леса.

Засыпаемые искрами, задыхающиеся, пленники огня продолжали бороться за свою жизнь, сбрасывая с палубы загоравшиеся сучья. Грицай с остатками воды в ведре обегал людей и окатывал их. От одежды поднимался пар.

Вдруг раздался с кормы крик Дудина:

– Трос. «Змей» зацепился за сук дерева. Стоп. Остановите машину.

Эти слова тотчас же были переданы капитану. Каждый пережил тяжелую секунду внутренней борьбы. Положение для всех было ясным: задержка «Тайги» хотя бы на несколько минут может стоить жизни всем. Спастись возможно, только пожертвовав «Змеем» и змеевиками. Позади на много километров бушевало огненное море. И «Змей» неминуемо упадет в огонь. Но допустить гибель товарищей… никогда. Всем спастись – или погибнуть всем.

– Стоп.

«Тайга» остановилась, как взнузданный конь. Дудин, облив себя остатками воды из ведра, дергал трос, пытаясь освободить его.

«Не задерживайтесь из-за нас. Спасайте вездеход и экипаж», – радировали змеевики.

Капитан только досадливо махнул рукой. Дудин продолжал то накручивать на лебедку, то отпускать трос. Но трос прочно зацепился за сук. Дерево уже пылало внизу. Огни пламени, перебираясь с ветки на ветку, приближались к тросу. Трос разогреется, металл сделается мягче и порвется…

Все, забыв о личной безопасности, с волнением следили за работой Дудина. Фома, простучав тяжелыми сапогами по железной палубе, исчез в люке.

– Игнат, есть у тебя револьвер? – спросил Джим.

Игнат дрогнул от этого вопроса и с тревогой посмотрел на Джима. Неужели у него не выдержали нервы и он хочет покончить с собой? Но Джим, преодолевая волнение, улыбался. Игнат после короткого колебания передал револьвер Джиму. В ту же минуту из люка поднялся Фома с винтовкой в руках. Ему и Джиму пришла в голову одна и та же мысль. Они начали посылать в сук пулю за пулей. Сук надломился – трос был освобожден. Все вздохнули с облегчением.

А кругом «Тайги» бушевало пламя. Жар становился нестерпимым. Оставаться далее на палубе было невозможно. Симаков отдал приказ всем спуститься во внутреннее помещение корабля. Но сам он решил оставаться на капитанском мостике.

– Живьем сгоришь, – возражал Игнат.

Симаков упорствовал.

– Я должен… – Симаков задохнулся от дыма, закашлялся и пошатнулся.

Игнат схватил его своими огромными ручищами, как ребенка, и понес к люку.

В кают-компании Симаков очнулся и вновь пытался выйти на палубу. Игнат сжал руку капитана и строго сказал:

– Сиди, «Тайга» движется вперед и сама выберется из пожара. Осталось каких-нибудь полкилометра.

Анна Фокина уронила голову на стол. Обморок… Джим бросился к ней на помощь. Но что он мог сделать? Поднял золотоволосую голову девушки, растерянно дул в лицо. Дубровина с белым, как у мертвеца, лицом шатаясь и цепляясь за горячие стены, побежала к аптечке за спиртом. Но возле двери сама упала.

– Однако дело – табак, – проговорил Фома, ни к кому не обращаясь.

– Алло. Вы живы? – телеграфировали змеевики. – «Тайга» находится у края леса. Осталось не более…

– Что такое? Почему он не договорил? – взволновался Симаков и закричал в телефонную трубку: – Тестов! Тестов! Алло! Гринев! Не отвечают. Неужели «Змей» оторвался? Я иду на палубу, – сказал Симаков решительно.

Игнат видел, что на этот раз отговаривать бесполезно.

– Погоди. Раньше батьки не лезь в пекло, – загудел Фома, расставляя перед Симаковым руки, – говорю, погоди, а не то стукну. Сиди. Я сейчас…

Фома, переваливаясь, как медведь, вышел и скоро вернулся с кожаным пальто, шлемом и темными очками.

– Вот, надень. Да водой облейся. Полведра я еще сберег.

Симаков быстро оделся. Фома облил его с ног до головы.

– Теперь идем.

Игнат также последовал за ними.

С трудом взобрались по горячей железной лестнице до люка. Фома, надев кожаные рукавицы, открыл люк. Их обдало горячим багровым дымом. Фома быстро захлопнул люк.

– Крышка. Каюк, – сказал он. – Нельзя выходить. Все равно сгоришь. – И он насильно свел Симакова с лестницы.

Шатаясь, дошли до кают-компании. Люди сидели и лежали на столах, там было не так жарко, как на накалившемся полу. Молчание, гул моторов, шум пожара…

– Однако как будто посвежело немного, – сказал Фома.

И в тот же момент раздался голос змеевика, несший весть о спасении.

– «Тайга» вышла из пожара. Живы ли вы? Мы живы.

Холодный ветер быстро остуживал стенки «Тайги». Спасены.

8. «Змей» в болоте

«Тайга» остановилась. Все выходят на палубу, усыпанную пеплом и углями. Кое-где еще дымятся полуобгоревшие суки. Небо хмурое. Сеет дождь, как сквозь сито. Взоры поднимаются вверх. Там, где гордо реял «Змей», пустота. Кругом ночь. Молчание…

– Штурман, механики, по местам! Полный ход! – командует Симаков.

– Нельзя полный ход. Аккумуляторы истощились, – докладывает Дудин.

Симаков хмурится и отдает новую команду:

– Поднять трубу Дюбо и виндроторы.

– Есть поднять Дюбо и виндроторы, – отвечают Гришин и Дудин.

Через несколько минут «Тайга» медленно поворачивается и идет к пожарищу. Огнем проложена в лесу огромная брешь. По краям еще пылают, как факелы, одинокие деревья. «Тайга» движется устало, словно израненное чудовище. Ветер медленно вливает силы в истощенные аккумуляторы. А люди, как неутомимые муравьи, уже хлопочут, убирают палубу от мусора, золы, углей. Вот вспыхнул первый прожектор и залил голубым светом дорогу впереди.

– Симаков! Я лечу на разведку, – говорит Анна Фокина.

Капитан ласково улыбается. Он сам хотел предложить ей это, но пожалел ее.

– А силы не сдадут в полете? – спрашивает он заботливо.

– После такой бани просто необходимо проветриться.

– Товарищ Фокина, – говорит Джим, – можно и мне с вами лететь?

– Летите, – отвечает Симаков. – Я за тебя, Анна, буду спокойней. Его помощь может понадобиться.

Анна садится за руль, и, послушная ее движениям, изящная «Стрекоза» взмывает вверх и несется над пожарищем. Их обдает теплым воздухом. Доносится запах гари. Джим искоса поглядывает на Анну Фокину. Из-под шлема у нее выбивается золотистая прядь волос и трепещет на зарумянившейся щеке.

«Стрекоза» делает резкий вираж, кружится на месте. Джим заглядывает вниз и видит две вспыхивающие точки голубого света. «Стрекоза» садится на землю. К машине подбегают с карманными электрическими фонарями Тестов и Гринев. Фокина выбегает из кабины и обнимает молодых людей.

– Тестов! Гринев! Живы? – радостно восклицает она.

– Целехоньки.

– А «Змей»?

– И он в порядке. Упали за пожарищем, на болоте. Решили пешком до «Тайги» добраться.

– «Тайга» навстречу идет. А ты что, Тестов, прихрамываешь?

– Ушибся немного.

– Это не дело. Тебе трудно идти. Товарищ Джим! Уступите ему место. Я доставлю его на «Тайгу».

«Стрекоза» улетела.

Спотыкаясь, ежась от дождя и ветра, Джим бредет следом за Гриневым. Свет карманного фонаря освещает впереди обгорелые стволы деревьев, кочки, лужи…

Вдали вспыхнул прожектор «Тайги». Джим вздыхает с облегчением.

9. Лесной экзамен

Все собрались в кают-компании обедать.

Когда утолили первый голод, Симаков сказал:

– Ну, а теперь, товарищи, давайте подведем итоги.

– Оставь, Симаков, – прервал его Игнат. – Нашел время производственное совещание устраивать! Успеешь еще. После такой передряги отдохнуть надо, повеселиться. Вот Джим Джолли нам на гавайской гитаре сыграет. Он ее от самой Флориды таскает и даже в кровати не расстается с ней. Проснется, поиграет и снова уснет.

Джим принес гитару и заиграл, собрав вокруг себя всех обитателей вездехода.

– Ну, а мы с тобой, старик, сядем сюда в уголок и поговорим, если тебе так не терпится, – сказал Игнат. – Пожар показал много…

– Недостатков в конструкции «Тайги», – вставил «старик».

– Скажем, недоделок, – смягчил Игнат. – Первое – электропилка деревьев. Срезать дерево раскаленной добела металлической полосой, конечно, скорее, чем пилой. Но пожарная опасность велика. Ведь мы сами вызвали пожар вокруг «Тайги»…

– У нас не хватило огнегасительной пены.

– Это – не возражение. Вернее, это доказывает то же, о чем говорю и я. Сколько материалов для изготовления этой самой пены мы должны возить с собой, чтобы подпиливать и гасить деревья на протяжении сотен километров лесного пути! Я думаю, что придется перейти к резке пилами, только усовершенствовать их, довести скорость резки до максимума. Второе. Что больше всего доставило хлопот во время пожара? То, что деревья, сучья, хвоя падали на палубу. Мы сами заготовляли костер на вездеходе. Если бы не было палубы, то, я думаю, вездеход можно было бы сделать таким действительно вездеходом, что он смог бы пробиваться и сквозь пламя.

– Ну, уж это ты перехватил, – сказал Дудин, прислушиваясь к разговору. – Мы изжарились бы внутри «Тайги».

– Ты так думаешь? – обратился к нему Игнат. – Тебе приходилось читать о построении межпланетного корабля? При вылете из земной атмосферы должно происходить такое огромное трение, что оболочка

ракеты может расплавиться. И тем не менее люди собираются лететь на ракете, не зажариваясь при этом. Как предполагают они этого достигнуть? Внешнюю оболочку сделают из самого тугоплавкого металла, скажем, из хромовой или марганцовистой стали. Под этой оболочкой – изоляционные слои, асбестовые прокладки, затем внутренняя металлическая стенка и охладители из жидкого кислорода или аммиака. Ракета герметически закрыта. Внутри – баллоны со сжатым или жидким кислородом, аппараты, поглощающие углекислоту. Если бы «Тайга» представляла собой такую межпланетную ракету, но двигающуюся на колесах, она могла бы совершенно спокойно идти сквозь пламя лесного пожара.

– Но ведь межпланетная ракета пролетает земную атмосферу всего в несколько секунд и попадает в температуру мирового холода, который быстро охлаждает ее, – сказал Гришин.

– Если бы ракета была плохо укрыта от внешнего жара, то и нескольких секунд было бы достаточно, чтобы испепелить и ее, и людей. Разве не сгорают в атмосфере метеориты? Огонь лесного пожара не даст такую высокую температуру. Все дело в металле.

– Больше всего хлопот нам доставила палуба. Хоть она и в уровень с лесом, а сильной воздушной тягой не только сучья, но и деревья на нее забрасывало. Палуба же необходима потому, что на ней установлены все ветросиловые двигатели. Эта труба и роторы очень громоздки. Они добывают энергию ветра, но на ходу, вероятно, создают большое сопротивление и этим самым тормозят движение.

– Все это совершенно верно, – ответил Симаков. – Лесной экзамен «Тайга», конечно, не выдержала. Это очевидно. Мы учтем опыт и подумаем, какие внести изменения. Но на снегу, а его нам ждать недолго, я думаю, наш вездеход так не оскандалится. И тут хороши именно пропеллеры. По легкой снежной дороге их вполне достаточно…

– Это еще тоже вопрос, друг мой! – возразил Игнат. – Аэросани – не пример. Сани легки, а «Тайга» со всем своим грузом весит, наверно, не меньше хорошего паровоза.

Беседу прервал Джим. Он запел негритянскую песню, в которой веселье, подавленная природная жизнерадостность и страстность его расы пробиваются сквозь тоску печальной исторической судьбы народа.

Это пение было так неожиданно, что даже Симаков забыл мысль, которую хотел высказать. Все сидели молча, как зачарованные.

Довольный произведенным эффектом, заглушая аплодисменты, Джим запел новую песню в таком зажигательном и стремительном темпе, что у слушателей заходили руки и ноги. Фокина первая не удержалась, сорвалась с места и начала танцевать, за нею – Камнева, Дудин, Гришин, Игнат, даже Дубровина. Фома, притопывая своей ножищей, хлопал руками по бедрам и бубнил басом:

– Ну и Джим! Вот так Джим! Это прямо… Джим!..

Поздно вечером, проходя по палубе, Игнат заметил Анну Фокину и Джима возле капитанской рубки.

– Не финики там растут, а фиги, хлопок, миндаль, виноград, лимоны, апельсины, гранаты, персики… – говорил Джим, очевидно, рассказывая о своей родине.

10. «Приехали!»

«Тайга» оставила крайнюю северную границу произрастания леса и шла по пустынной голой местности. Кое-где еще виднелись жалкие, словно общипанные ветром деревца, корявые, пригнувшиеся к земле березки, узловатые, кривые. Они почти стлались по земле. Почва пошла болотистая. В воздухе пахло кислым. Болотные газы вырывались из земли, пыхтели, чмокали, крякали, пузырили тинистую воду. Геологи сидели в своих рабочих кабинетах и обрабатывали материал: сортировали образцы ископаемых, пронумеровывали, раскладывали по ящикам, отмечали в журнале место нахождения, площадь залегания.

Камнева подводила итоги и составляла отчет. Изыскание полезных ископаемых среди сплошных массивов леса было новым делом. В наркомлесовские владения врывался геолог. Под охраной доселе недоступных лесов хранились огромные богатства самых различных полезных ископаемых.

Джим ходил возле лаборатории и не мог дождаться, когда Анна Фокина окончит свою работу. Он то вздыхал, то напевал песенку. В конце концов Фокина вышла в коридор, взяла его за руку и ввела в лабораторию.

– Я вижу, что вам скучно и вы болтаетесь без дела. Извольте засесть за работу. Вы поможете мне разбирать образцы. Но если только будете рассеянны – прогоню.

Джим старался так, что на его темном лбу выступили капельки пота.

Игнат ближе познакомился со штурманом Фомой Груздевым и узнал его биографию. Груздев тридцать лет провел в тайге. Он – охотник-следопыт – исколесил Сибирь от Урала до Камчатки и много повидал на своем веку. Был и на приисках, но там ему не понравилось.

– «Злато, злато! Сколько из-за тебя зла-то!» – любил он повторять, рассказывая об Алдане царских времен. – Народ там был поганый. На злате помешанный. Вот, к слову, быль, а не выдумка. Отплывает на устье Куты приискатель. А у него жена да двое детей. Жена с детьми на берег пришла: «Возьми меня, – говорит, – с собой. Что мне с детьми

одной делать?» А у приискателя только золото на уме. Послал жену подальше. Веслом лодку отпихнул. Песню запел. Жена одного ребенка в реку бросила и другим размахнулась. Другого успели отнять, а первый так и потонул. А приискатель – хоть бы что. Даже песню петь не бросил – уехал…

– Как же ты попал на «Тайгу»? – спросил Игнат.

– Знаю тайгу, вот и попал на «Тайгу». Тайга – она такая, что и карты не помогут. Сколько этих экспедиций видал я! Едут люди и с картами, и с компасами, а заедут в болото – и лошадей и себя погубят. Тайгу знать надо. Или вот на таком корабле ездить…

– Тебе нравится на «Тайге»? Не скучаешь по охоте?

– Бывает. Привык я бродить. И к «Тайге» привык. Люди хорошие. Как остановка – я ружьишко за плечи и пошел бродить. Провиант доставляю. И мне приятно, и все довольны.

Он посмотрел на горизонт и, тряхнув головой, пробурчал себе в усы:

– Пакостное место. Иди-ка, паря, к капитану да скажи ему, чтоб объехал он это болотце.

Игнат отправился к Симакову и передал ему совет Фомы.

– Мы должны испытать «Тайгу» во всяких условиях, – ответил Симаков.

– Твое дело, – проворчал Фома.

«Тайга» вошла в заболоченную низину, поросшую по краям осокой. Множество диких гусей снялось и с громким гоготаньем пролетело над «Тайгой».

«Тайга» двигалась все медленнее. День был хмурый, осенний, похожий на глубокие сумерки. Низкие тучи смешивались с туманом, поднимавшимся над землей. Пестрые краски осени тускнели. Преобладал серый и черный цвет.

Внутри «Тайги» зажглись уже огни. Из круглых иллюминаторов на лужи и засохшую траву падали лучи света, ползли по земле и вдруг, остановившись, осветили кочки, поросшие мхом, морошкой, голубикой…

– Приехали! – ухмыльнулся Фома.

Широкие, тяжелые колеса «Тайги» увязли в топкой тине. Симаков приказал перейти на гусеничный ход. Механизмы работали хорошо, замена произошла быстро.

– Полный ход!

«Тайга» двинулась, проползла несколько метров и снова остановилась.

– Задний ход! – крикнул Симаков в машинное отделение.

Корпус «Тайги» задрожал от напряжения, но «Тайга» по-прежнему стояла на месте.

– Прочно сели, – сказал Игнат. – Придется опять авралить.

– Да, – коротко ответил Симаков.

Зазвонил колокол. Весь экипаж поднялся на палубу. Симаков объяснил положение. Надо очистить грязь, набившуюся в ленты гусеничного хода и под корпус судна. Все вооружились лопатами и принялись за работу.

– Когда ледокол затирает льдом, никто не говорит, что ледоколы – негодная вещь и что поэтому надо признать себя побежденными стихией и отказаться от плавания в полярных морях, – сказал Симаков, работая с Игнатом.

Уже совсем стемнело, и пришлось зажечь прожекторы. От работы всем было жарко. К ночи подул с севера ветер, разогнал тучи. С ветром пришел холод. Лужи затянулись тонким льдом. Болотная тина твердела, как замешанный бетон.

– А что, если разложить костры и отогреть землю? – предложила Камнева.

Симаков оглянулся. Кругом ни кустика. Надо потратить немало времени, чтобы найти в этой пустыне дров для костров. Лес уже далеко. Да и не помогут костры…

В полночь измученные люди бросили лопаты. Решили отдохнуть и назавтра снова приняться за работу.

Утром подул южный ветер, потеплело, и лед растаял. Но «Тайга» по-прежнему стояла неподвижно.

Джим бросил лопату и побежал, прыгая с кочки на кочку, в сторону от «Тайги», на небольшую возвышенность. Он пробыл там некоторое время и затем вернулся возбужденный, улыбаясь.

– Олл-райт! Я придумал! – крикнул он еще издали. – Там, на пригорке, озерцо. Много воды. Надо взять шланги и перекачать воду сюда. Тина станет жидкой…

– И мы увязнем еще глубже, – добавил Игнат. – Эх ты, изобретатель!

Лицо Джима вытянулось. Но Симаков задумался.

– Тихий задний ход! – приказал Симаков Жукову, взобравшись на свой капитанский мостик.

Путешественники стояли на палубе и ожидали, что будет дальше. «Тайга» качнулась, медленно двинулась назад, приостановилась, еще раз двинулась, снова остановилась… В четверть часа вездеход прошел всего десяток метров. Но он явно вылезал из вязкой низины, приближаясь к более плотной почве. Лопасти колес начали захватывать липкую грязь.

– Сменить лопасти на гусеницу!

– Не спеши смеяться над ним, – сказал он Игнату. – Ты еще не знаком с конструкцией «Тайги». Джим дает неплохой совет. Если здесь будет достаточно воды, она приподнимет корпус «Тайги». Мы пустим в ход ребристые колеса. Они будут играть роль и пароходных и сухопутных колес…

– Мы наберем целые тонны илу, – возразил Игнат.

– Посмотрим, – ответил Симаков.

Собрали и соединили пожарные шланги, но их всех не хватило до озерца. Пришлось прорыть небольшой канал. Наконец вода была пущена и начала быстро заполнять низину. Гусеничный ход был сменен на колесно-лопастный.

«Тайга» пошла еще быстрее и наконец вышла из топкого места. Задним ходом она двигалась еще некоторое время, затем повернула и начала обходить гиблую низину.

В тот же день змеевики заявили, что у них кончились продукты.

– Идем спускать «Змея», – предложил Дудин Игнату. Они прошли на корму. Дудин выключил ток, идущий по тросу со «Змея», и начал наматывать на электрическую лебедку этот тонкий стальной трос. «Змей» спускался все ниже и вырастал на глазах. Игнат отчетливо видел стоящих у перил площадки Тестова и Гринева. Они махали ему рукой и что-то кричали. Хвост «Змея» коснулся земли. Еще через несколько минут огромное сооружение плавно опустилось и стало на выдвижные подпорки. Игнат быстро сбежал по трапу и направился к «Змею». Змеевики шли уже к нему навстречу.

– Ну, показывайте ваше поднебесное жилище, – сказал он.

– И мне покажите, – отозвался за его спиной Джим.

«Змей» стоял на земле и легко покачивался. Взлезать пришлось по веревочному трапу.

– У вас тут внизу еще тепло, – сказал Тестов. Он был в меховой шубе, валенках, шапке, как и его товарищ.

– А у вас на высоте? – спросил Игнат.

– Злющий, холодный ветер.

Посередине огороженной площадки находился небольшой домик, отопляемый и освещаемый электричеством. Холодный ветер превращался генератором в свет и в тепло. Шкаф для продуктов, столик, два стула и одна висячая койка, в которой спали змеевики по очереди. Электрические нагреватели, плитки, радиоприемник, небольшая радиостанция, телевизор. На столе ящичек с книгами и другой, поменьше, – аптечный. На открытой площадке метеорологические инструменты, анемометр, барограф, термометр.

– Боковые плоскости, пространства под полом и над потолком наполнены водородом, – объяснил Гринев. – Газ значительно облегчает, почти уравновешивает вес «Змея». Для подъема, вернее, для того, чтобы запустить «Змея», требуется ветер силою в пять-шесть баллов. Подъем облегчается так называемым эффектом Магнуса: при боковом напоре ветра на вращающийся ротор получается разность воздушного давления – внизу больше, вверху ротора меньше, – и «Змей» идет вверх.

– А можно мне подняться на «Змее»? – спросил Игнат.

– И мне тоже, – не отставал Джим. Змеевики переглянулись.

– Одному из вас, пожалуй, можно. Но только это уж дня на три, пока не кончится запас продуктов. Кто из вас больше знаком с электротехникой?

– Я инженер-электротехник, как тебе известно, – сказал Игнат.

Он оделся потеплее и с нетерпением ожидал подъема. Перетащить заготовленный ящик с продуктами было недолго. Но пятибалльного ветра пришлось ожидать несколько часов. Наконец он задул. «Тайга» двинулась, трос натянулся, «Змей» несколько секунд постоял, словно в раздумье, и начал отделяться от земли. Выше, выше. Ледяной ветер обжигал щеки Игната. Бугаев плотнее надвинул на лоб шапку-ушанку.

11. Ночь на «Змее»

– Не так-то здесь приятно, как ты ожидал? – спросил с улыбкой Тестов. – А ведь это еще только цветики.

– Пустяки, – ответил Игнат. – Что я, ветра не видал?

Чем выше они поднимались, тем сильнее и холоднее становился ветер.

Надев меховые рукавицы, Игнат вооружился морским биноклем, но скоро оставил его: ложился туман, дали задернуло пеленой. Временами низко несущиеся облака окутывали «Змея», и тогда даже боковые плоскости на самом «Змее» виднелись лишь темными, расплывчатыми пятнами. На «Тайге» вспыхнули огни. Яркий сноп света, пробивая туман, освещал путь вездехода. Это зажгли прожектор на носу, над капитанской рубкой.

– На «Тайге» все сейчас сидят в теплой кают-компании и пьют горячий чай, – сказал Игнат почти с завистью. Руки его окоченели, несмотря на меховые перчатки.

– Ну, что же, и мы можем попить, – ответил Тестов. Они вошли в домик.

– Словно на плотах, – сказал Игнат.

Тестов зажег лампу и включил электрическую печь. Температура быстро начала подниматься. Затем, осмотрев динамо, Тестов соединил привод с вращающейся частью ветряка. Ветер начал производить электроэнергию.

– Теперь мы можем выключить аккумуляторы, – сказал он.

Появился электрический чайник, и в нем быстро закипела вода.

– Будем пить чай с музыкой, – продолжал Тестов как гостеприимный хозяин. Повозившись с наушниками около радиоаппаратов, Тестов выбрал номер повеселей. Игнат увидел на экране телевизора сцену. В Ленинградском театре шла опера. Музыка и пение наполнили домик, летающий на высоте 500 метров.

– Чего же тебе надо? И тепло, и светло, и чай есть, и музыка играет, – сказал Тестов. Некоторое время они сидели молча и пили чай. Игнат любил попить, но Тестов поглядывал на него искоса всякий раз,

когда тот наливал новую чашку. Наконец не вытерпел и сказал: – У нас тут, брат, паек. Смотри, чтобы воды на три дня хватило.

– Ты бы так и сказал. Я уж четвертую пью.

Игнат отодвинул от себя чашку и вытер со лба пот.

После чая музыка умолкла, экран погас. Тестов объяснил Игнату, что он должен делать, за чем следить в свое дежурство.

Бугаев подошел к библиотечному ящичку и посмотрел на корешки книг.

– Старье. Все читал. Отстали вы тут, – сказал он с видом столичного жителя.

– Ну что ж, возьми книгу из телебиблиотеки, – ответил Тестов.

– У вас тут и телебиблиотека есть? – удивился Игнат.

– Ну еще бы! Вот, видишь? Игнат вызвал по радио Ленинскую библиотеку в Москве, выбрал книгу и уселся за стол, положив перед собой металлический белоснежный лист, похожий на бристольский картон, потянул из стены шарнир, на котором был укреплен черный ящик с объективом внизу, и включил аппарат, погасив лампу. На белом поле четко отразилась в немного увеличенном виде обложка последнего журнала. Тонкий провод, оканчивавшийся кнопкой, спускался от ящика на стол. От времени до времени Игнат нажимал кнопку, и страницы журнала переворачивались.

Гудел мотор. Ветер. В подвесной кровати уже посвистывал носом Тестов. Игнат читал до полуночи, наконец нажал кнопку три раза подряд. Световая книга исчезла. Он зевнул и потянулся. Положил рыжую голову на стол и вздремнул, но тотчас же проснулся. Спать нельзя: ведь он на вахте! Ему захотелось освежиться. Тихо оделся, вышел на площадку. Ветер и колючие снежные иглы обожгли лицо. «Эге, – подумал Игнат, – кажется, разыгрывается снежная буря. Зима настает».

Огней иллюминатора на «Тайге» не было видно. Даже сильный свет прожектора как будто потускнел, расплылся. «Завтра «Тайга» станет на лыжи и пойдет быстрее…»

Игнат вернулся в домик. Порыв ветра из раскрытой двери долетел до Тестова, тот заворчал и закрылся одеялом, съехавшим с плеч. Чтобы не беспокоить его, Игнат надел наушники и начал витать по эфиру. Он побывал в Москве, Тбилиси, Ташкенте, Париже, Нью-Йорке, Мадриде, Осло. Слушал музыку, смотрел на экране телевизора спектакли,

боксерские состязания, скачку верблюдов, полуголых людей, летящих, стоя на доске, по высоким волнам прибоя под горячими лучами тропического солнца… А спать все-таки хочется. Он снял наушники и снова опустил голову на стол…

– Вахтенный! Заснул? – услышал он голос Тестова.

– И не думал, – ответил Игнат, моргая рыжими ресницами. – Только вздремнул маленько, – рассмеялся он.

– То-то, вздремнул, – тоном упрека продолжал Тестов. – Хорошо, что у нас все предусмотрено. – Тестов посмотрел на ленту самопишущих приборов и подошел к радиотелефону. – Алло, «Тайга»! Да. «Змей». Какая у вас сила ветра? Шесть баллов? А у нас девять и до десяти. Дежурьте у лебедки. Если ветер усилится, придется спустить «Змея».

– Признаться, я сам виноват, не объяснил тебе всего, – сказал Тестов, обращаясь к Игнату. – Но кто мог ожидать такого ветра! Следить за генератором не так уж важно. Если что и приключится с ним, автоматическая сигнализация сейчас же доложит об этом. Да я и сам всегда просыпаюсь, даже не в свое дежурство, если только начинаются перебои. А вот за напором ветра следить надо. Трос может выдержать напряжение при силе ветра, не превышающей десяти баллов… А ветер сейчас доходит уже до десяти. Если трос оборвется, мы кувырком полетим на землю. Хорошо еще, что на «Змее» установлен автомат, который начинает действовать, когда сила ветра переваливает за девять баллов. Сигнал передается и вниз, на «Тайгу».

«Змей» бросало из стороны в сторону. Были моменты, когда люди с «Тайги» уже начинали наматывать трос, но к утру ветер унялся, утихла и снежная буря. Тучи умчались, стоял легкий мороз. Осеннее солнце долго не показывалось над горизонтом. Игнат смотрел в бинокль. Озеро Таймыр покрылось льдом.

– В одну ночь! То-то север! И земля бела, – сказал Игнат, наблюдая побелевшую тайгу. Стало светлее и словно еще просторнее.

Земля замерзла, и «Тайга» быстро подвигалась вперед. Вездеход изменил своему северо-восточному направлению и шел почти прямо на север. Первые лучи солнца осветили блестящую поверхность речки. «Тайга» быстро направилась к ней, спускаясь к воде по отлогому берегу.

Ломая тонкий лед, «Тайга» вошла в реку и, медленно покачиваясь, поплыла.

– Молодец Симаков! – воскликнул Игнат.

«Тайга» шла по течению, выискивая место для переправы. Но противоположный берег был очень крутой.

– Это уже хуже, – рассуждал Игнат. – Вездеход все-таки – не вездеход. На крутой берег подняться не может. Тут, пожалуй, и я ничего не придумаю. Нельзя же изобрести танк, который бы лазал по стенам.

Это путешествие продолжалось весь день. И только к вечеру невдалеке от впадения притока в Таймыр «Тайга» вышла на другой берег, значительно отклонившись от курса. Теперь, направляясь к мысу Челюскин, приходилось идти на северо-восток.

Вновь пошел снег.

«Тайга» сменила колеса на лыжи и быстро шла на север, гудя всеми пропеллерами. Труба и роторы были уложены, чтобы уменьшить сопротивление.

– А «Змей» должен сильно тормозить. Теперь хоть отрежь его.

– Идем на аккумуляторах, – сказал Тестов. – Тебе повезло. Надоело, верно, летать на «Змее»? «Змея» тоже скоро уложим. Вон лебедка уже заработала.

– Куда же его уложить, этакую громадину?

– Он у нас складной. На палубу и уложим, – ответил Тестов.

– А аккумуляторы истощатся, что тогда?

– Мы остановимся у станции подземной газификации. До нее хватит. А пока там стоять будем, опять заработают все ветряки и запасут новые «консервы» электричества. Их хватит до самого Челюскина. Вот когда прокатимся с шиком!

«Змей» снижался, Игнат уже без бинокля хорошо видел Джима и махал ему своей шапкой-ушанкой.

12. Тоска по родине

«Тайга» скользила на лыжах по снегу со скоростью пятнадцати километров в час.

– Неплохая скорость для такой махины, – говорил Игнат. – Все-таки ты молодец, Симаков.

Капитан повеселел. Стоя на своем капитанском мостике, он говорил Игнату:

– В этих широтах санная дорога стоит по крайней мере восемь месяцев в году. Если бы «Тайга» была приспособлена только для зимы, она и в этом случае оправдала бы себя. Ведь только благодаря ей теперь можно производить изыскания и полярной зимой. Насколько это ускоряет наше освоение Арктики!

* * *

Приближающаяся полярная ночь скверно влияла на Джима. Его организм слишком привык к солнцу, его зрение – к яркому освещению. Игнат заметил, что Джим видит хуже его, и предполагал, что у Джима вообще плохое зрение, пока не понял, что глаза у Джима еще не приспособились к скудному освещению севера.

Игнат прошел к каюте Джима и еще в коридоре услыхал ноющие звуки гавайской гитары, с которой Джим не расставался. Из этого инструмента, как будто приспособленного для жалобных стенаний, веселый Джолли еще недавно извлекал брызжущие весельем трели и рулады. Но теперь гитара печально роняла вибрирующие звуки, словно оплакивая умирающее солнце.

– Грустишь? – спросил Игнат, входя в каюту. Джим печально улыбнулся и продолжал молча терзать струны своими ловкими черными пальцами. – О чем или о ком? – продолжал Игнат свой допрос. Джим не отвечал. – О солнце плачешь? – продолжал Игнат. – Скучная страна? Негодный климат? Дикая, безлюдная, слепая, мертвая пустыня? Белый саван снега?.. Где зеленая травка? Где розовые, красные, лиловые цветы? Дайте мне весеннюю ветку миндаля с

розовыми цветами! И чтобы на ней сидела райская птичка и пела веселые песни. Ти-ти-ли! Ти-ти-ли! И чтобы бананы падали в рот, а зеленые попугаи кричали: «Да здравствует солнце!» И обезьяны качались на хвостах, – начал Игнат декламировать под музыку. – Об этом поешь? Об этом плачешь? Жаль, я не поэт. Жаль, что с нами нет Степана Асаткина. Он сочинил бы этакие банановые стансы под твою музыку, и вы распевали бы их вместе. Тебе надо познакомиться с ним.

А только вот что, дружище… – И Игнат подсел к Джиму, положил ему руку на плечо. – Ты приехал в эти мрачные полярные места из своей Флориды, которая купается в солнце, не зная зимы и снега. Ведь снега там нет? Почему ты приехал сюда? Потому, что солнца там много, а людей еще больше. Тут солнца нет, но зато места для людей хоть отбавляй.

– Свободного места еще в солнечных странах много, – ответил Джим.

– Так ведь там мы тоже не сидим сложа руки. Пустыни в поля, в сады переделываем. Доберемся и до других мировых пустынь. Но нельзя же и о таком кусочке не подумать, как наш Север. Ведь тут богатства непочатый край.

Джим рванул струны. Послышался дикий аккорд.

– Попробуй уговорить нашего штурмана Фому уехать с тобой отсюда в твою Флориду. Ни за какие бананы не поедет. Но я не о том. Человек ко всему привыкает. А вот нам надо так устроить жизнь, чтобы и приезжий человек вроде тебя не скучал, не томился по солнцу…

– Вы не можете приказать солнцу, чтобы оно светило здесь, как в тропиках, – сказал Джим.

– А мы и не будем приказывать ему. Мы сами смастерим здесь и свет, и тепло, и солнце, и тропики. И даже бананы тебе вырастим в оранжереях, если ты без них жить не можешь. Подумай, стоит ли за это дело взяться? Победить тьму, холод, льды. Раздвинуть вширь нашу планету, которая становится тесновата.

– Мечты, – меланхолически отозвался Джим.

Игнат даже кулаком по столу стукнул.

– А электрификация такой страны, как бывшая «Расея», – не мечты? А Днепрогэсы – не мечты? Переделка пустынь в сады – не мечты? Наши солнечные, ветросиловые установки – не мечты? И ты

своими руками мог ощупать эти мечты. А этот «Змей» – не мечта? А «Тайга», на которой мы с комфортом путешествуем, – не мечта? И, наконец, новые люди – это не мечта? Друг мой, ты еще не вошел во вкус этой увлекательной работы: мечтать, чтобы тотчас превращать мечту в действительность. Вот как войдешь в эту работу, так у тебя просто не останется времени на меланхолию. Мечты!.. – все еще волновался Игнат. – Вот, подожди, приедем в Челюскин, посмотрим на «Ледяной город». Ты увидишь еще одну мечту, которую можно ощупать руками, мечту, созданную людьми. «Даешь солнце» – говоришь? Дадим тебе солнце. И если не выполню обещания – можешь ехать в свою Флориду и назвать меня обманщиком.

– Во Флориду я не вернусь. Но я тогда поеду в Узбекистан.

– Можешь поехать и в наше Закавказье. Там найдешь настоящую Флориду. Апельсины, лимоны, корица, гвоздика, ваниль, ананасы, какао. Чего твоя тропическая душа пожелает. Но я уверяю тебя, что ты и в «Ледяном городе» найдешь солнце. И даже будешь есть апельсины. Если не доморощенные, так привозные.

Джим не отвечал, только начал быстрее перебирать струны.

– Комрайд Джолли! Товарищ Джим! – послышался вдруг звонкий голос Анны Фокиной.

Джим весь встрепенулся, просиял, отбросил на койку гитару и выбежал в коридор.

Игнат посмотрел ему вслед и пробормотал, как врач, ставящий диагноз:

– Ностальгия – тоска по родине, – осложненная, кажется, острым сердечным заболеванием.

И, усмехнувшись, прибавил:

– А я ему лекции по экономике и социологии читал…

13. Город, не отмеченный на карте

Снова холодный ветер, снежная буря, зги не видать. Как это не похоже на мечты Игната о тепле, солнце и бананах!

Прожектор погашен. Горят только фары, повешенные ниже пропеллеров и освещающие лишь небольшое пространство впереди вездехода. «Тайга» идет медленно. Капитан стоит на мостике и вглядывается в тьму. Игнат замечает вдали светящийся огонек. Он то гаснет, то появляется вновь. Свет белый, похожий на электрический. До Челюскина еще не так близко. По крайней мере сутки пути.

Световая точка начинает расплываться в светящуюся туманность.

– Что за огонь? – спрашивает Игнат капитана.

– По моим расчетам, это должен быть рабочий городок, где производится газификация угля, – ответил Симаков.

Светящаяся туманность при приближении к ней распалась на отдельные точки. Они растягивались длинной цепочкой дуговых фонарей. Странно было видеть эту линию огней среди безжизненной, мертвой снежной пустыни. Отблески света ложились голубоватыми пятнами на белый атлас тайги. Между огнями вездехода, пересекая путь, быстро двигалось какое-то животное.

– Смотри: собака! – с удивлением воскликнул Игнат.

– Не собака, а полярный волк, – послышался басок подошедшего сзади Груздева.

– Здесь водятся волки?

– Не только волки. Если есть волки, то должна быть и волчья снедь. Мясо. Сюда дикий олень заходит. И песцы водятся. И куропатки. Про белых медведей и говорить нечего. На побережье их империя была.

– А ты и тут, Фома, охотился? На медведей?

– Где я не охотился и на какого зверя не охотился! – ответил Фома. – И на медведя, и на тигра.

– Сколько же тигров убил?

– Сколько тебе и зайцев не убить. Пятьдесят без одного тигров убил. Из бердана. Один на один. Осьмнадцать живьем словил артелью – четверо нас в артели было.

Подошел Джим. Игнат перевел ему рассказ Фомы о его охотничьих подвигах.

– Здесь водятся тигры? – спросил Джим, показывая рукой на тайгу.

Фома усмехнулся:

– На Уссури водятся.

– Как же вы ловили их?

– Сетями веревочными. А то и просто в одеяло.

Игнат перевел ответ. Джим засмеялся, но Фома с обидой прикрикнул на него:

– Правду говорю! Это теперь люди начали хитрые ловушки строить. Енотов ловил и стрелял. А на Чукотке белых медведей перебил – не перечесть. Только запуган теперь зверь. Другая жизнь начинается, не звериная.

– Да, эти огни охраняют новые рабочие поселки от зверья, – сказал Симаков. – А знаешь, сколько жиру тратили на отопление и освещение своих жилищ жители одной только Чукотки? Больше четырех тысяч тонн в год. Им стали доставлять керосин, а теперь появляется и электрический свет.

– А шкуры? – продолжал Фома. – Из шкур жители дома строили. Прямо сказать, золотые дома. Тигр – полосатое золото. Шкуры белого медведя, тюленя, моржа, оленя – то же золото. А зря пропадало. Был я в прошлом году на мысе Сердце-Камень. Был на Ходырке-реке, Вилюйского района. Там теперь пункты снабжения. Большой привоз товаров. И пищу, и доски, и прочие строительные материалы везут. На шкуры меняют. Да вы сами увидите, как теперь туземцы начали жить. Совсем другая жизнь пошла.

За линией огней уже отчетливо виднелись стандартные двухэтажные деревянные дома. Их окна были ярко освещены. Игнат рассмеялся.

– Чего ты? – опросил Симаков.

– Беда теперь географам. Чуть не каждый день переделывай карты и учебники географии.

– Да, теперь, чтобы знать географию СССР, надо непрерывно пополнять свои знания. Кто отстал, тот заблудится в СССР.

– А труб не видно на крышах. И дыма не видать.

– Электрическое отопление.

– Не слишком ли дорогое удовольствие? – спросил Игнат.

– Не слишком, – ответил Симаков. – Однако нам пора «причаливать».

«Тайга» остановилась, снова зазвонили колокола. Все вышли на палубу и принялись за работу. Трубы, роторы были подняты, «Змей» запущен.

Ветер начал вырабатывать энергию, заряжать аккумуляторы.

– Ведь здесь есть электрическая станция. Не проще ли на станции зарядить аккумуляторы? – спросил Джим.

– Не надо терять ни одного ватта энергии, если можно обойтись без этих потерь. Ведь каждый электрон поступает у нас в «общий котел». В этом вся экономическая суть кустования и единой сети, – поучительно сказал Игнат.

В городе уже заметили прибытие «Тайги». Несколько человек в меховых одеждах спешили к вездеходу.

– Ну, как дела? Не сгорели? – спросил молодой человек, подходя к Симакову и хлопая меховой перчаткой по его перчатке. Это был председатель городского совета Шаров.

– А ты уж знаешь? – спросил капитан.

– Ваш радист сообщил нам.

– Это, наверно, Гребенщиков успел, – с некоторым неудовольствием заметил Симаков. Он готовил сюрприз к Октябрьским праздникам и не хотел, чтобы о «Тайге» узнали раньше времени.

– Я излучил направленную волну только сюда и на Челюскин, – сказал смущенный Гребенщиков. – Положение было слишком серьезным, и я на всякий случай сговаривался о помощи. Я полагал, что автожиры типа «Стрекозы» могли бы нас вынести из пламени.

– Никто тебя об этом не просил. Нарушение дисциплины…

– Будет вам ссориться, едем в нашу гостиницу. Отдохнете – расскажете. А вы у нас не замерзли, товарищ? – обратился Шаров к Джиму. – Отогреем, отогреем!

Джим улыбнулся, сверкнув зубами, как клавишами открывшегося рояля. Его все еще удивляла эта «большая семья». С кем бы они ни встречались, всюду были, словно старые знакомые, с которыми только вчера расстались. Общие интересы, общий язык, товарищеское обращение.

– Меня зовут Шаров. А вас? Джим? Ну, идем. Морозец совсем легонький, двадцать два градуса. Покажу вам наш городок и производство. Как он называется? Еще без названия. Как-то все некогда было об этом подумать, – со смехом ответил Шаров на вопрос Игната. – Сами мы в шутку называем его Медвежанск. Может быть, так и останется это название. А почему Медвежанск? Потому что когда мы сюда приехали с первой партией и расположились еще в походных палатках, то припожаловали к нам медведи. Да сколько! Десятка два. Мы думали, что нам тут и конец пришел. Однако они не трогали нас. Только ходили вокруг на почтительном расстоянии, воздух нюхали, между собой о чем-то разговаривали.

– Ну, конец-то не нам, а их царству пришел, – отозвался другой молодой человек, приплясывавший на снегу. – Мы тоже сюда не с голыми руками приехали. У нас пулемет был. Иван, пулеметчик, как затрещал, так сразу дюжину медведей уложил, остальные разбежались. Сала у нас сколько было! Шкуры эти висят в горсовете как знамя Медвежанска.

У всех прибывших поднялось настроение. Огни, веселые молодые голоса, смех, шутки действовали возбуждающе. В одних этих огнях и бодром смехе чувствовалась победа над стихией, гордая радость человека, покорившего мертвую пустыню. Экспансивный Джим начал уже напевать, позабыв на время о своем флоридском солнце, а Игнат заявил, что он нисколько не устал и хочет прежде всего осмотреть производство, а затем и город. Остальные поддержали его желание.

– Идем на станцию, если так, – сказал Шаров. На пути к ним присоединилось еще несколько человек. Все они были молоды. Веселой гурьбой обступили приезжих. Забавно изображали «диких туземцев» и исполняли национальный танец «медведь». Так с танцами и довели до места. Вошли в небольшой каменный дом.

Здесь было тепло и светло. Внутреннее помещение занято цилиндрическими резервуарами, соединенными трубами. Возле машин работало несколько человек в синих спецовках. Джим присматривался к ним и не мог различить, кто здесь рабочий, кто инженер. Вначале он подумал, что главный инженер – высокий старый коренастый человек в очках, но он оказался простым рабочим. А главный инженер – миловидный юноша, и этот юноша назвал себя… товарищем Глебовой.

Инженер Глебова была немного простужена и, давая объяснения, говорила хрипловатым контральто, но Джим даже не вслушивался в эти объяснения, потому что плохо понимал.

Покончив со станцией, они вошли в небольшой кирпичный дом. В первой комнате находился только пульт управления, во второй – кабина лифта. И больше ничего. Глебова снова начала объяснять. На вопросительный взгляд Джима Игнат коротко ответил:

– Мы осматриваем новую установку, которая превращает энергию угля непосредственно в электрический ток.

Джим сделал вид, что понял, и кивнул головой. Глебова показала пальцем вниз и сказала:

– Под вашими ногами находится батарея гигантских элементов.

– Ну, показывайте нам их скорее! – воскликнул Игнат.

Глебова предложила снять меховые одежды.

– Лифт, к сожалению, может вместить только четырех человек, включая лифтера, – сказала она. Игнат попросил в первую очередь спустить его вместе с Джимом.

Лифтер повернул рычаг, и кабина начала быстро опускаться.

– Выходите!

Перед ними была просторная галерея, в которой стояли огромные резервуары высотою с дом, похожие на мартеновские печи. Стены и своды галереи были скреплены железобетоном. Яркие лампы освещали эту галерею. В конце ее виднелась вторая, за нею третья… целый подземный город, уходящий вдаль своими широкими и высокими «улицами» с «домами»-резервуарами. У одной стены находился застекленный кабинет. В нем за письменным столом работал человек, отпивая чай из стакана. «Под землей в Арктике, а как будто у себя в квартире», – удивился Джим.

– Мой помощник, инженер Степанов, – сказала Глебова.

На звук голосов он обернулся, кивнул головой и продолжал работать. Свет ламп отражался на каменных плитах. Воздух чистый, теплый и… полное безлюдье. Шаги гулко отдавались под сводами высокой галереи. Глебова шла впереди и на ходу рассказывала:

– Для наблюдения за этой гигантской батареей элементов у нас всего три инженера.

– Эх, жаль, Джим, ты еще мало понимаешь в этом, – обратился Игнат к Джолли. – Я вижу, тебя не волнует необычайный элемент под

землей. Если бы был со мной друг Степан Асаткин, в нем заговорил бы поэт: «Далеко за Полярным кругом, на глубине сотни метров лежал никому не нужный, бесполезный уголь. Пришли люди – и этот уголь стал теплом, светом, пищей, одеждой, культурой, радостью…»

День закончился «пиршеством». Шаров угостил путешественников вкусным и разнообразным обедом, удивив Джима свежей зеленью и лесной земляникой.

– Плоды наших заполярных электрооранжерей, – сказал Шаров. – Зелень, овощи на Севере – первейшая вещь. Вы, наверно, давно не ели зелени? У вас на «Тайге» никто не болел цингой?

– С тех пор как витамины начали изготовлять химическим путем, цинга уходит в область преданий, – ответил Симаков. – Но, разумеется, свежая зелень не в пример приятнее порошков.

– А вот и апельсины. Это еще не полярные, к сожалению, – на аэропланах и дирижаблях привозят, – сказал Шаров. – Но дайте срок, быть может, и до местных доживем. Вот, посмотрите, что там, на Челюскине, делается.

Джим с удовольствием уничтожал апельсины. Гостеприимный предгорсовета наделил ими гостей на дорогу. Ночевать они решили в «Тайге». Дудин и Гришин ушли до окончания обеда: поднялся буран, пришлось убирать трубу и «Змея».

Ветер бушевал всю ночь. Когда Игнат проснулся и вышел на палубу, он увидал, что «Тайга» занесена снегом почти до нижних иллюминаторов.

– Пожалуй, придется откапывать, – сказал он Симакову, который уже стоял на своем капитанском мостике.

– Выберемся, – уверенно ответил тот. Он отдал приказ, и пропеллеры заработали. Но «Тайга» засела основательно. Пришлось поставить вместо полозьев гусеничный ход. Дело пошло скорее. Вездеход выбрался из сугроба и вновь стал на лыжи.

– Поехали!

14. Беспокойная ночь

Был только четвертый час пополудни, но на темно-синем с зеленоватым оттенком полярном небе уже горели звезды. Полярная ночь. Ровный ледяной ветер дул прямо в лицо. С сухим шипением, как песок пустыни, переносился с места на место мелкий снег. Ветер, играя снежной пылью, поднимал ее до палубы и бросал в лицо, колол тончайшими кристаллическими иглами.

Полярная ночь не была такой темной, как ожидал Джим. Звезды, усеявшие все небо, тускло освещали белый снег. На небе висел месяц. Холод, казалось, заморозил и небо, и месяц, и звезды и сделал их ледяными, хрустальными. Так они были прозрачны и… холодны. Да, даже звезды казались Джиму разноцветными, прозрачными холодными льдинками. Прямо впереди, на севере, небо светилось у горизонта ровным голубым заревом. Высоко над ним вспыхивали и гасли полосы бледно-голубого света.

– Словно жители планет переговариваются световыми сигналами, – сказал Игнат.

Джим в первый раз видел северное сияние. И хотя оно было не слишком эффектным, Джолли с любопытством наблюдал эту немую игру небесных огней. Он начинал понимать красоту Севера.

– Странно, – продолжал Игнат, – над горизонтом свет остается постоянным – не усиливается, не выбрасывает лучей. Можно подумать, что это – не северное сияние, а далекие огни города.

Симаков усмехнулся.

– Так оно и есть, – ответил он. – Мы подъезжаем к Челюскину.

– Надо предупредить о нашем приезде, – воскликнул Игнат и отправился в радиорубку. Он вызвал Челюскин и просил передать Степану Асаткину и Леониду Меркулову: «Пусть выходят встречать».

Но они не вышли, а выехали. Скоро Игнат увидал быстро приближающийся свет фар. Степан и Леонид прикатили на аэросанях. С ними был лопарь, которого Степан представил Игнату и Джиму:

– Андрей Иванович Лелькин. Главный инженер самой северной электростанции в мире. Пересаживайтесь к нам в аэросани. Скорее докатим.

И через несколько минут Джим и Игнат уже мчались к Челюскину, оживленно разговаривая.

Челюскин постепенно открывался перед ними. Фонари – их было гораздо больше, чем на станции подземной газификации, деревянные избушки, каменные дома, склады лесных материалов, сараи, кирпичи, камни, лебедки, краны, гусеничные тракторы…

Джим был заинтересован:

– Так это и есть «Ледяной город»?

– Это еще эмбрион – зародыш города, – сказал Степан.

– Уже становится похоже на ледяной город, – воскликнул Игнат, указывая на ледяные столбы, служащие опорами для проводов. – Ловко придумано!

– Мы здесь широко используем «местный строительный материал», – сказал Степан. – А лед – великолепный материал: всегда под рукой, прочный, дешевый, податливый. Сюда нелегко доставлять лес. И мы пользуемся льдом везде, где только можно. Это все наш метеоролог Верховский придумывает. Вы познакомьтесь с ним. «Дед Мороз». Интересный старик. Поглядите на эти ледяные кубы.

– Ледяной дом? – спросил Игнат.

– Ледяной тепляк, – пояснил Асаткин. – Строить на таком морозе – нелегкая штука. Рукавицы мешают, без рукавиц, того и гляди, отморозишь руки. Теперь мы почти все работы производим в тепляках. Возводим над постройкой легкий футляр из тонкой фанеры или даже картона и обливаем водой. Получается ледяной тепляк с любой толщиной стен. Он великолепно сохраняет тепло. Отопление – электрическое или газовое.

– Но что будет со всеми этими тепляками и ледяными столбами, когда настанет лето?

– Летом тепляки не нужны, а столбы пусть тают. Это временная проводка для освещения строек. Работа будет закончена прежде, чем придет тепло.

– Мы тебе и Джиму уже приготовили домишко. Гостиницы для приезжающих у нас еще нет. Замерз, Джим? – спросил Пелькин Джима, как старого друга.

– Холодно, – ответил Джим.

– А что, Пелькин, бросил ли бы ты свой Север ради знойной Флориды? – спросил Игнат.

– Конечно, нет, – ответил лопарь.

– Вот, видишь, Джим. Андрей Иванович говорит, что лучшие места на земном шаре начинаются только за Полярным кругом. – Все рассмеялись.

– Мы согреем тебя, – утешил Асаткин. – Вот и избушка. Это всего только сторожка…

– От кого же здесь приходится сторожить? – с удивлением спросил Джим.

– От белых медведей главным образом. Несмотря на огни, эти любопытные животные нередко посещают нас. Недосмотри – заберутся в наши холодильники.

– Да, по части хранения продуктов на Севере куда лучше, чем во Флориде. Мясо не портится, – сказал Игнат.

Все вошли в небольшую избушку. Стены пахли свежей лиственницей. Электрическое освещение уже проведено, но электропечь еще не установлена. В углу на кирпичах стоит небольшая железная печь. Возле нее груда щепы и обрезков.

Пелькин быстро растопил печь, поставил чайник. Меркулов принес из аэросаней чемоданы с хлебом, консервами, оленьей колбасой. Друзья решили не идти в столовую, а обедать здесь же, чтобы поговорить и «вспомнить старину».

Меркулов и Асаткин были «кочевыми строителями». Они исколесили весь СССР от края до края. Их пути с Игнатом то расходились, то вновь скрещивались. Это была встреча после нескольких лет разлуки.

Джим с интересом прислушивался к жизни «людей без оседлости». Он хорошо знал «бродячую Америку». Но там люди слонялись из края в край в поисках работы. Их преследовали как бродяг, арестовывали, сажали в тюрьму. Эти бездомные считались почти вне закона. Родина для них была не родиной, а страной, населенной враждебными племенами в полицейской форме. Безработные чувствовали себя почти так же, как первые пионеры-англичане среди девственной природы и враждебно настроенного индейского населения.

А эти Асаткин и Меркулов! Они не бездомны. Они только живут в большом-большом доме, где одна «комната» называется Средняя Азия, другая Дальний Восток, третья… да всех комнат и не перечесть.

Человеческий голос радиочасов сообщал время каждые четверть часа. Друзья не заметили, как пришла полночь. Пелькин, Асаткин и Меркулов начали прощаться.

– Не забудьте выключить радиочасы, иначе этот глашатай ночью будет беспокоить вас. Поставьте вот эту стрелку на шесть утра. Не рано? И в шесть вы будете разбужены, – сказал, уходя, Пелькин. – Спокойной ночи.

Они ушли. Игнат устало потягивался, а Джим сидел у печки и всё подкладывал дрова. Печь накалилась.

– Неужели тебе еще холодно? – спросил Игнат, раздеваясь.

– К утру выдует, – ответил Джим. – Дом недавно сложен.

Наконец они выключили радиочасы, погасили свет и улеглись. Игнат тотчас захрапел. Джиму не спалось. То ли мешали рулады, которые выводил носом Игнат, то ли вспоминалась родина. Там сейчас день. Сияет яркое, горячее солнце. И на улицах так же тепло, даже еще теплее, чем в этой избушке… А здесь за стенами, пахнущими смолой, завывает ветер, поднимая снежные вихри. Кругом на тысячу километров ледяная пустыня. Волки, медведи… Вспомнилась Анна Фокина. Увидит ли он ее завтра? Джиму стало грустно. Жаль, гавайская гитара в чемодане. Поиграл бы на ней, совсем тихонько, чтобы не разбудить Игната. Впрочем, его, пожалуй, и пушечными выстрелами не разбудишь… Нет, он, Джим, не останется здесь. Уедет в Узбекистан, в Закавказье. Там больше солнца, больше похоже на родину.

Под полом, у печки, послышался треск. Сырое подсыхает. Снова треск и чьи-то тяжелые вздохи. Игнат вздыхает? Нет, он храпит ровно, ритмически. Сильный треск, шипенье, как в водопроводном кране, когда нет воды, свист, чмоканье… И вдруг Джим почувствовал, что кровать под ним шатается. Или он видит сон? Джим ущипнул себя за щеку. Нет, он не спит. Треск не прекращается. Джим начинает беспокоиться. Он спускает ноги на пол и чувствует во тьме, что половица, на которую он ступил, стоит ребром. В образовавшуюся щель несет ледяным холодом. Надо скорее зажечь огонь. Джим идет по полу, спотыкается, падает. Ноги леденеют. Где этот проклятый выключатель? Джим зажег свет. В тот же момент раздался грохот. Доски пола приподнимались, поворачивались, из-под них начала

выступать вода. Джим разбудил Игната. Тот спросонья не мог понять, в чем дело.

– Скорей! Скорей вставай! – торопил его Джим. Избушка быстро наполнялась водой. Еще один выстрел. Стена покоробилась, между бревнами образовалась щель. В эту щель со свистом начал входить морозный воздух. Вода поднималась, замерзала, лед с треском ломался, из щели выпирали потоки воды и тотчас замерзали. На глазах удивленных Джима и Игната избушка превращалась в ледник.

Они начали быстро одеваться. Лед уже на полметра наполнил избушку. Он выдавил дверь, которая с треском распахнулась, и теперь в избушке стало так же холодно, как и на дворе.

Едва два друга выбежали на улицу, как произошло новое извержение. На их глазах вся избушка наполнилась льдом доверху. Лед выдавил окна, вышел наружу. С грохотом оружейных выстрелов он разрывал дерево, камень, все, куда попадала вода и где она замерзала.

Изумленные Джим и Игнат стояли и смотрели на это необычайное зрелище. Лед набил избушку до потолка, выпирал из окон и двери, спускался до земли. Наконец все затихло. Свет соседнего фонаря освещал полуразрушенную сторожку.

– Ноги не замочили? Идите скорее в мою сторожку греться и сушиться. Не то без ног останетесь. Разотрите ноги снегом, снимите сапоги! – командовал неведомо откуда появившийся сторож – чукча или якут. Джим, да и сам Игнат еще не могли различить его. Сторож заставил разуть ноги и натереть снегом. Только когда ноги стали красными, как лапы гуся, сторож отвел Джима и Игната в свою избушку, стоявшую по соседству.

– Что случилось? – спросил Джим.

Игнат уже понял и объяснил ему:

– Это все «шутки» вечной мерзлоты. Ты не знаешь, что такое вечная мерзлота? Слой мерзлой почвы, не оттаивающий летом. Местами здесь даже в тридцатиградусную летнюю жару солнце нагревает почву только на полтора метра. А ниже лежит слой промерзшей почвы и льда. Он не оттаивает никогда. Хотя, конечно, мерзлота на самом деле не вечна. Возможно, что когда-то в этих широтах был более теплый климат и мерзлоты не было. Так же возможно, что климат со временем потеплеет и мерзлота исчезнет. Но теперь с ней немало приходится возиться. Она мешает земледелию,

хотя небольшая мерзлота и не препятствует произрастанию некоторых растений. Но особенно много хлопот мерзлота доставляет строителям. Фундаменты, стены зданий трескаются, иногда все здание разрушается. Большинство, например, железнодорожных зданий, лежащих на трассе Великого сибирского пути, построено в полосе вечной мерзлоты. И ремонт этих зданий, разрушаемых мерзлотой, обходится, если не ошибаюсь, миллионов в пять в год.

– Но почему же это происходит?

– Очень просто, – ответил Игнат. – Нашу избушку или сторожку построили на мерзлой почве. Неприятное свойство мерзлоты – ее водонепроницаемость. Отсюда и проистекают все каверзы, которые причиняет мерзлота строителям. Грунтовые воды зажаты в сравнительно тонком слое грунта. Сверху – смерзающаяся зимой почва, а снизу – слой мерзлоты. Этот слой летом дает плывуны и оползни. Зимой – еще хуже. По мере того, как зимние морозы все больше, все ниже промораживают верхний слой почвы, грунтовые воды, находящиеся между этим верхним слоем и нижним, мерзлотным, сжимаются сильнее. Происходит огромный напор – до двух тысяч килограммов на квадратный сантиметр. Вода прорывает верхний мерзлый слой в наиболее тонком или слабом месте. А слабое место – наиболее отепленное. Ты накалил печь, почва под полом прогрелась, грунтовые воды прорвались, наполнили дом доверху, и дом превратился в сплошной кусок льда. Мне рассказывали о таком анекдотическом случае на Якутско-Амурской магистрали, когда отеплителем оказалась поставленная осенью вверх дном бочка. Наступили морозы, почва вокруг бочки начала промерзать довольно сильно. А под бочкой сохранился еще сравнительно теплый воздух, и там промерзание шло медленнее. Получилась разность давления. Грунтовые воды прорвались и наполнили бочку снизу. Иногда эти воды образуют огромные бугры пучения, высотою до десяти метров и шириною метров в пятьдесят. Мерзлота – наш враг, с которым мы ведем упорную борьбу.

Игнат и Джим высушили чулки, меховые сапоги. Игнат посмотрел в окно. Сторож, по-видимому, сообщил уже о происшествии. Возле обледеневшей сторожки стояло несколько человек. Старик в очках, одетый в большую доху до пят, возился с фотографическим аппаратом.

Рядом стояла женщина, также в дохе. Туземцы размахивали рукавицами и о чем-то говорили.

– Пойдем, посмотрим, что они там делают.

– Что, неудачно выспались? – спросил Пелькин, подходя к ним. – Это у нас бывает. Видно, очень вы натопили.

Фотограф, оказавшийся метеорологом Верховским, ворчал: аппарат отказывался работать.

– Затвор не действует на холоде, – говорил он. – Придется подогревать. – Кто-то сбегал за щепками и разложил костер. Верховский, держа аппарат над пламенем, приготовился. Женщина в дохе нажала карманный фонарик. Вспыхнул ослепительный свет необычайной силы.

– Вера! – вскрикнул Бугаев.

– Игнат!

Яркая вспышка магния ослепила Джима. Он услышал, как заскрипел снег под ногами Игната.

– Почему ты не сообщил о своем приезде? – спросила Вера.

Джим понял, что девушка, явившаяся им в ослепительной вспышке магния, и была «снежная королева» – инженер Вера Колосова.

15. Дед Мороз

– Вот это уж настоящий ледяной город, – воскликнул Игнат.

Джим с удивлением смотрел на невиданное зрелище. На берегу замерзшего моря стоял целый городок куполообразных ледяных домов. Освещенные ярким электрическим светом, они имели необычайный вид, словно дома фантастического города неведомой планеты. Ледяные дома-куполы не имели окон. Несколько ступенек, высеченных из огромных кирпичей льда, вели к низкой и узкой двери. Между домами бродили люди в меховых одеждах и бегали собаки. При виде незнакомых людей лайки залаяли, но тотчас замахали хвостами.

– Где здесь дом Верховского? – спросил Игнат встречного эскимоса.

– Деда Мороза? – улыбнулся эскимос и указал на ледяной купол, ничем не отличавшийся от других.

Джим и Игнат подошли к двери. Она была завешена изнутри оленьими шкурами.

– Электрического звонка нет, – сказал Игнат, оглядывая дверь. – Стучать в ледяную стену – не услышат. Приходится входить без доклада. – И он попытался приподнять шкуру. Но она была плотно прикреплена.

– Сейчас я открою, – послышался голос Верховского. Край шкуры приподнялся. Наклонившись, Игнат и Джим вошли в жилище. Их встретил хозяин, метеоролог Верховский. Посмотрев на его большую седую бороду, Игнат усмехнулся и сказал:

– Вас тут Дедом Морозом зовут. Это за вашу седую бороду?

– И не только за бороду, – ответил старый ученый, похожий на игрушечного елочного деда-мороза. – С морозом я тут борюсь и эксплуатирую его на потребу человека. Садитесь, гостями будете, расскажу.

На нем была фуфайка, кожаные штаны и пимы. Гости огляделись. Внутренность ледяного дома была столь же оригинальна, как и его внешний вид.

– Словно под куполом обсерватории находишься, – заметил Игнат.

– Это модернизированное «иглу» – эскимосское жилище, – сказал Дед Мороз, – по-современному оборудованное.

Современное оборудование заключалось в электрическом освещении, электрической печке, плите. На деревянном полу стоял обеденный стол с тремя стульями. У входной двери – «кухня». Вдоль сводчатых стен тянулся стол-кольцо, имеющий разрыв только у двери, для прохода внутрь помещения. На столе – книги, метеорологические приборы, груды бумаг, журналов. Над этим бесконечным столом имелся железный прут, по которому можно передвигать электрическую лампочку в любое место.

– А электрическая кухня у вас зачем? Разве вы не в общественной столовой обедаете?

– Иногда заработаешься, не хочется идти, готовлю дома, – ответил метеоролог. – Вот отдушина вентиляции, видите? И светло, и тепло, и воздух хороший.

И Верховский рассказал историю ледяного города.

– Я приехал сюда с первой партией строителей. Приходилось жить в палатках. Это было летом. Нас доставил сюда ледокол. Днем в палатках было даже жарко, ночью холодновато. Но и летом иногда снежок выпадал. Следом за нами должен был прибыть пароход с продовольствием и лесным строительным материалом. Но его затерло. Наш ледокол пошел на выручку. Он пробивался сквозь тяжелые льды очень медленно. А зима была на носу. Надо было что-нибудь предпринять, чтобы не оказаться в палатках к зимним морозам. Но что тут предпримешь? Полоса лесов лежит далеко на юге. У нас было несколько грузовиков, пилы, топоры. Подсчитали – не успеть вырубить, вывезти, построить. Пока думали-гадали, стукнул мороз. Замерзло побережье, замерзли реки. Вот мне и пришла в голову мысль: надо строить дома изо льда. – Верховский махнул рукой на потолок. – Как будто нехитрая штука, а сложить такой дом не так-то просто. Я засадил наших архитекторов – Верочку Колосову и ее помощников – за чертежи и расчеты. Надо было точно вычертить фигуру каждого ледяного «кирпича», из которого потом можно было бы складывать эти сводчатые дома.

Для них это была задача вроде той, которую разрешил знаменитый итальянский архитектор Брунеллески, когда он проектировал купол флорентийского «дуомо» – собора. Но, однако,

ничего – справились наши Брунеллески. Правду сказать, первые иглу вышли такие, что эскимосы, наверно, смеялись бы. Хорошо, что материал уж больно податливый. Там обрубишь, там водицей зальешь, морозцем прихватит – что твой бетон. Замечательный материал. А тут, на наше счастье, и эскимосы забрели. И что вы думаете? Вот это строители! Делали из снега дома на собственный аршин – ладонь да рукавицу. Один эскимос форму кирпичей на снегу вырезает, другой из этих кирпичей снежный дом строит. Растет дом прямо на глазах. Верите ли, за полчаса по дому делали. Внутри скребком поскребут, выровняют – и готово. Лежанку снежную соорудят, на нее шкур набросают. Дверь ледяной глыбой закрывается. Зажгут три-четыре лампы на тюленьем жиру – тепло станет так, что раздетым можно ходить. Весной, когда свод подтаивать начинает, дыры-проталины новыми снежными кирпичами затыкают.

Так мы выстроили первые ледяные поселения и эту зиму прожили настоящими эскимосами. Мука, сухари у нас были. Но мяса, жиров не хватало. И тут нам эскимосы и чукчи помогли охотиться на зверя. Ружья у нас были. Мясом, жиром себя обеспечили. Жиром и освещались, жиром и отоплялись, жиром и питались.

Цингой, правда, несколько человек заболело у нас без привычки к такой пище. Сообщили об этом по радио. Нам на аэропланах витаминные препараты доставили. И все больные скоро на ноги встали.

Но все же эта первая зима была тяжелая.

Летом привезли строительные материалы. Доставлять их сюда нелегко. Тут я и подумал: почему бы нам вообще не использовать местный строительный материал – лед – где только можно? Поговорил с нашими инженерами, обсудили это дело и развили настоящую ледяную индустрию. Столбы-опоры для временной проводки электричества видали? Ледяные. Дома эти – иглу – ледяные. Тепляки на стройках и некоторых работах – ледяные… Об этих тепляках надо отдельно сказать. Сейчас чай приготовлю.

– Тоже ледяной?

– Горячий.

– Нам не холодно, – сказал Игнат. – Вот даже наш тропический Джим и тот, кажется, не мерзнет. Ты не замерз, Джим?

– Не замерз, а горячего чаю попью, – ответил Джим, поеживаясь.

– Но скажите, пожалуйста, – задал вопрос Игнат, – от внутреннего тепла, от вашей электрокухни разве не подтаивают ледяные стены?

– Конечно, немного подтаивают, но сущие пустяки. Если на сантиметра два в месяц стают, что это значит при толщине стены в метр? А если бы и больше таяли, не велика беда. Облейте сверху водой, новый слой льда нарастет. Только и дела, что к весне ваша ледяная избушка во внутренней кубатуре выиграет – просторней станет. Так я хотел рассказать о тепляках.

– Простите, перебиваю вас, – сказал Джим. – Вот мерзлота выселила нас из деревянной сторожки и разрушила ее. А здесь не может такого случиться?

– О мерзлоте будет особый разговор. Пока скажу только одно: избушка строилась на мерзлом грунте, а иглу строится на ледяном фундаменте. Лед – плохой проводник тепла. Он не дает разогреваться почве и пучиться. Так о тепляках.

С чем тут, на Крайнем Севере, нам пришлось больше всего бороться? С холодом и мраком. Ну, от мрака мы только первую зиму страдали. Летом установили ветряки, которые нам дали первую энергию, а с нею и свет. Потом заработала станция подземной газификации, а дальше не за горами и температурная станция – наша главная цель. Теперь света у нас достаточно. А с холодом пришлось повозиться. Нельзя же вести строительство на Крайнем Севере только в короткое полярное лето. Этак и в двести лет всего, что мы затеяли, не выстроишь. Надо было во что бы то ни стало разрешить вопрос о круглогодовом строительном сезоне. Дело как будто и не такое уж страшное. В меховой одежде тепло. Но в ней трудно работать на открытом воздухе. Главное же – руки. В меховых рукавицах неудобно. Это уже не работа – медвежьими лапами. Ну, многие наши рабочие, особенно из пришлых, и снимали рукавицы: в работе, мол, руки не замерзнут. По своей родной зиме, по своим морозам мерили. А тут как прихватит, глядишь – руки и отморожены. – Верховский вздохнул. – Несколько человек так по неосторожности рук лишились. Гангрена – и отрезай пальцы, а то и всю кисть. Конечно, деревянные тепляки мы сразу строить начали. Но дерева не хватало. Тут опять о льде вспомнили. Легонький дощатый или фанерный тепляк водой окатишь – и готово. Тепла не пропускает. А потом и целиком изо льда строить научились. «Завод ледяного литья» открыли. Из тонких листов железа

форм понаделали. Водой формы нальешь, на мороз выставишь – готово. Замерзло. Потом в теплое помещение их внесешь, чтобы стенки маленько оттаяли, и вынимай свободно. Вот тебе ледяной столб с пазами. Вот тебе ледяная доска любого размера и толщины. Ледяную доску в паз ледяного столба запустишь, водой прильешь – и спаялось без малейшей щели. Но с водой без привычки тоже истории выходили. Вода на морозе – что огонь. Одному рабочему голые руки облили, они сразу в ледяные слитки обратились. Пришлось осторожно оттаивать. Другого случайно из шланга теплой водой облили. Он в ледяную статую превратился. Хорошо, что лицо не залили. Говорит, даже смеется, ему еще теплей под шкурами стало, а ни рукой, ни ногой двинуть не может. И к земле примерз. Пришлось вырубить его из ледяного пьедестала, в тепляк отнести и там оттаивать.

Понемногу овладели и ледяным производством. За тепляками склады для провианта начали делать. Летом гусей, уток набьем; белых медведей – круглый год стреляй. И в ледяные склады. На ледяных столбах ледяные полки, ледяная крыша, ледяные заборы… С этими заборами курьез у нас вышел. Строили мы их выше роста человека и толщиной в четверть метра. Не должен медведь перелезть (склады наши на окраине стоят). А продукты пропадать начали. Видно, медведи хозяйничали. И освещение электрическое не спасало, даже электротрещотки не помогали. Начали мы следить. И что же вы думаете? Подкапывались медведи. И дышат, и лижут, и скребут когтями лед и в конце концов лаз проделают. Пришлось тогда ледяные стены толще делать и со скатом. Пару медведей подстрелили на месте преступления. Тогда кончилось их мародерство. Все-таки и сейчас еще забредают пришлые медведи, ходят вокруг складов. А здешние нас уж знают. Близко не показываются. Вроде границы теперь у нас: мы их видим, они – нас, а границу они не переходят.

После складов взялись мы за постройку ледяных дорог для аэросаней. Красота! Полтораста километров в час летишь. Стрелою.

– Снегом путь не заметает?

– Да ведь в этих широтах вообще осадков мало. Полотно ледяной дороги несколько приподнято, чтобы снег ветром сдувало. Нет, не мешает снег.

– А мосты?

– Ого! И мосты ледяные. Непременно прокатитесь. Ну, вот. За ледяной индустрией пришла ледяная скульптура. Верочка Колосова оказалась настоящим скульптором. В свободное время она начала изо льда бюсты высекать. Медведя белого сделала. Красота. А я ей мысль подал – сделать металлическую форму. Нашли глины, вылепила она большие бюсты Ленина и Сталина, отлили составную чугунную форму, чтоб не разорвало, и начали изо льда бюсты фабриковать. Теперь эти бюсты в каждом полярном селении, в каждом оленеводческом колхозе, в каждом заповеднике.

Замечателен и ледяной парк культуры и отдыха.

– Парк? – недоверчиво спросил Игнат.

– Парк, – подтвердил Верховский. – И когда только ребята успели соорудить все это?! Забавно. Ледяные фантастические деревья. Ледяные башни. Внутри – ход наверх, а по поверхности конуса, сверху вниз, винтом, спиралью, – ледяная дорожка для санок. Ледяные американские горки, да какие! Съедешь вниз – а там еще несколько километров с разгона мчишься. Катки с катапультами для конькобежцев. Катапульты, конечно, не ледяные. Дворец чудес. Право, настоящий дворец, в три этажа, с залами внутри и затейливыми башенками снаружи! И в каждом зале – причудливые вещи, сделанные изо льда. И статуи, и звери, и даже леса. Мебель ледяная, на стенах барельефы. Электричеством освещается, вечером войдешь – красота. Волшебство. Сказка из «Тысячи и одной ночи». Чудо, которое не найдешь и не создашь в теплых странах.

Подумайте, ведь это только вода, замерзшая вода. Вот что делает мороз!

Нет, что ни говорите, мороз – это замечательная штука. Как это у Пушкина?..

…могучая зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов…

Или у Некрасова: «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои». Что и говорить – воевода. С ним не шути. Но если умело за него

взяться, то и он из воеводы в нашего слугу обернется. Вот построим свою температурную станцию и мороз в свет, в тепло, в работу превратим.

– И весь ваш ледяной город с весной растает, как Снегурочка, – сказал Игнат.

– Растает, – тяжело вздохнул Верховский, словно он и в самом деле был Дедом Морозом, оплакивающим гибель своего царства! – Растает. Как подумаешь об этом – тоска возьмет. Верите ли, у меня начинает под ложечкой сосать, когда солнце на лето поворачивает и из-за горизонта показывается. Нет, право, жалко. Тут это короткое лето ни к чему. Мало от него радости.

– А может, и не растает! – вдруг крикнул он и насмешливо посмотрел на Игната.

– Читали ли вы о таком проекте: устроить среди Атлантического океана искусственный остров-аэропорт изо льда? В теплом климате, в теплом море! Лед там пришлось бы делать искусственный – холодильниками, сохраняя его под термоизоляцией… А замораживание почвы при крупных земляных работах? Тут, в конечном счете, только энергия нужна. Скоро мы будем богаты ею, и тогда, я думаю, мы сохраним на круглый год многие наши ледяные сооружения.

– Вам бы на Южный полюс перебраться. Там лед и летом не тает.

– Доберемся и до Южного, дайте срок. Там, наверно, для нас еще такие богатства под ледяным покровом припрятаны, о которых мы и воображать не смеем.

Вот и чай готов, а вот и свежая медвежатина. Отличный кусок. Убили мы этого медведя в прошлом году, а смотрите, какое свежее мясо.

– Но ведь летом ваши холодильники тают, – удивился Игнат.

– А мы, голубчик, в них храним только такой запас провизии, который нам нужен на зиму. К тому времени, как начинает теплеть, и склады пустеют. А все прочие запасы мы храним в вечной мерзлоте. Там мясо хоть тысячу лет свежим пролежит. Слыхали про найденного в вечной мерзлоте мамонта? Мясо его так хорошо сохранилось, что волки и собаки его ели. Говорят, и ученый какой-то попробовал мамонтятины. Вот и мерзлота на что-нибудь пригодилась, хотя она и доставляет много неприятностей нашей Верочке.

– А много ее, этой мерзлоты? – спросил Джим.

– Много ли? Пожалуй, Флорид с сотню влезет. Южная граница мерзлоты идет от Мезени через Березов на Туруханск, выходит за пределы СССР, появляется вновь у Благовещенска, поворачивает на юг, огибает малый Хинган, ползет к южным частям Охотского моря…

– Почему же такая изломанная граница?

– От разных причин зависит: от толщины снежного покрова, от почвы, влажности, от высоты над уровнем моря.

Шкуры у дверей зашевелились.

– Кого-то еще принесло. – Старик открыл меховую дверь. – А-а-а, Верочка. А мы только что о твоем смертельном враге говорили.

– О каком враге? – спросила Колосова. Ее щеки от мороза горели. Иней на шапочке и меховом воротнике быстро превращался в блестящие капельки.

– Ну, какой же у тебя враг? Конечно, не человек. Все человеки нашу Верочку любят. Мерзлота – вот твой враг.

– Ах, да. Это верно. – Девушка вздохнула.

– Что, опять? – спросил Верховский.

– Опять, – печально ответила девушка.

– Ну, что же делать. Враг силен, как говорится, но мы победим его, Верочка. Садись с нами, попей, расскажи.

Девушка махнула рукой.

– Не до чая мне. Я хотела бы, чтобы вы посмотрели, Верховский… когда кончите чай пить, – добавила она, поглядев на Игната, с аппетитом уплетавшего копченую медвежатину и запивавшего куски горячим чаем.

– Мы сейчас. Мы уже кончаем, – сказал Игнат, быстро прожевывая кусок. – Мы тоже пойдем.

Все быстро оделись и вышли на мороз.

16. Прекрасное видение

Игнат и Джим перебрались в гостиницу. В номере было еще два человека – представитель Союзкинорадио, приехавший устраивать звуковое телекино, и этнограф «с лингвистическим уклоном», как он сам себя отрекомендовал. Он приехал изучать северные народы и выискивал корневую связь их языков с языками Северной Америки. Он был убежден, что американские индейцы пришли в Америку из Азии через перешеек, который существовал когда-то на месте Берингова пролива. Этнограф приехал из Вотяцкого края, где он изучал вотяков.

Джиму было неинтересно слушать рассказы этнографа о вотяках. Его больше интересовал кинотехник Костин, веселый, сильно сутуловатый калека (левая нога у него была короче правой). От постоянного движения вдоль костыля на большом и указательном пальцах Костина были мозоли.

Однажды, когда за стенами гостиницы бушевала полярная вьюга, Костин предложил Джиму, Игнату и этнографу посмотреть картину.

Костин погасил электрическую лампу под потолком, включил ток в аппарат и в полутьме начал колдовать.

Зрители увидали бескрайные ледяные поля Северного Ледовитого океана, то гладкие, как поверхность замерзшего озера, то с хаотически нагроможденными глыбами льда. Панорама двигалась, и Джим ясно представил себе, что он летит на аэроплане и под ним проходят мертвые, снежные пространства, освещенные сумеречным светом. Вот поднимаются изъязвленные солнцем, теплыми ветрами и дождями ледяные горы – айсберги – с нависшими арками, наполовину обрушившимися ледяными мостами, пещерами – и снова беспредельная гладь… Вот поднимаются обледенелые, заснеженные скалистые ребра какого-то острова. Белый медведь оглядывается, поворачивает голову вверх, кажется, смотрит прямо на Джима и, вероятно, испуганный шумом аэропланных моторов, спешит укрыться в прибрежных торосах.

Остров уплывает назад – и снова пустыня, снежная равнина без конца и края.

Но вот она начала как будто поворачиваться по кругу. Или это аэроплан спиралью поднимается вверх? Горизонт расширяется, приподнимается. Видны отчетливо контуры прибрежных заливов, бухт, мысов, островов. Игнат узнает и называет их.

И вдруг все это мертвое пространство ожило. От губы к губе, от бухты к бухте, от залива к заливу, от Большой Земли к островам по белому фону снега задвигалось множество темных палочек, подобных палочкам Коха, как их изображают в курсах бактериологии. Это, конечно, уже мультипликация, наложенная на киноснимки с натуры.

– Если бы вы могли видеть сквозь лед, вы увидали бы такую картину, – послышался голос невидимого диктора. – Это подводные лодки, которые осуществляют связь между отдельными пунктами побережья, полярными станциями, зимовками, островами… А вот большая палочка отделилась от наших берегов и, пересекая Северный полюс, идет к берегам Америки. То движется большой пассажирский подводный корабль, совершающий рейсы подо льдом между СССР и Северной Америкой…

Джим был ошеломлен. Как? Эти неугомонные люди забираются даже под лед холодных арктических морей? И там жизнь, движение, работа? Джим уже привык к тому, что в дикой тайге и даже в мертвой тундре человека встретить легче, чем можно было бы ожидать. Но подо льдом! Нет, это невероятно! Конечно, подводная лодка может проплыть некоторое пространство подо льдом. Джим помнит попытки Вилкинса. Но ведь его, Джима, хотят уверить, что здесь существует регулярное, оживленное подводное и подледное движение…

– Подводные лодки перевозят почту, витаминозные продукты, медикаменты, меха, радиоаппаратуру, – продолжает диктор. – У нас нет теперь зимовщиков, отрезанных от мира на восемь-десять месяцев в году. В случае надобности каждый зимовщик может быть перевезен в Москву, Ленинград и заменен другим зимовщиком.

– Видели? Слышали? – спрашивает Костин. – Ну то-то! А если не все верят тому, что подводная связь действительно существует, можете полюбоваться видом подводных лодок снаружи и изнутри.

И на экране появились изображения подводных лодок, по внешнему виду мало чем отличающихся от обычных, военных.

– Никогда я не согласился бы работать в подводной лодке, в холодной воде, подо льдом! – сказал Джим.

– Да там ведь тепло! – рассмеялся Игнат. – Смотри, вон термометр двадцать три градуса показывает.

– А все-таки жутко, – поддержал Джима этнограф. – Как подумаешь, что кругом ледяная вода, а над головой, может быть, пятиметровый лед, так тебя и при тридцати градусах тепла мороз продерет!

– Привычка, – возразил Игнат.

– Правильно! – отозвался Костин. – Вот не хотите ли побеседовать с самими моряками подводного плавания? Я сейчас установлю двухстороннюю связь со своим старым приятелем, капитаном подлодки «У-246», и его командой.

Он повозился, попрыгал, и померкнувший экран вновь ожил.

На экране появился человек средних лет с подстриженными усами и веселыми прищуренными глазами. На нем была форма Военно-морского флота.

– Костин! Ты звал меня?

– Товарищу Ершову, капитану подлодки «У-246», почтение! – ответил киномеханик в микрофон. – Мои сожители по номеру интересуются подводной связью. Будь добр, расскажи, как оно и что.

– Рассказать можно, а только вертеться перед телевизорным аппаратом я не люблю. Полюбовались – и довольно! Выключаюсь.

Экран погас, и в тот же момент послышался голос Ершова:

– Вот теперь побеседуем. Ну, что же вам рассказать? Как мы овладели подледным транспортом? Не сразу, конечно. Были и неудачи, но о них скажу позже. Факт тот, что овладели; а овладели потому, что мы люди упорные.

– Прости, пожалуйста, – послышался из-за аппарата голос Костина. – Ты где сейчас находишься, Ершов?

– Где? Где же мне находиться? Не на печке, конечно. В подлодке, как всегда.

– Под водой?

– Под водой.

– Подо льдом?

– Под двухметровым сплошным льдом.

– И ничего?

– Не ничего, а отлично. У нас тепло, светло, уютно. Чистый воздух. Механизмы работают, как хронометр. Точно по расписанию

будем на месте.

– Ну то-то! – сказал Костин. – А то у нас тут есть такие ребята, которые считают, что хуже подлодки на земле и места нет.

– Да они, наверно, никогда не бывали в современной подлодке? Поплавали бы со мной, иное сказали бы! – горячо воскликнул Ершов. – Ведь у нас есть настоящие подводные корабли с большим тоннажем и просторными пассажирскими каютами. Мы засняли переброску нескольких тысяч рабочих, инженеров, техников вместе с материалами и громоздкими деталями машин. Посмотрите, как у нас все это организовано.

Зрители снова увидели картины на телевизоре.

Перед ними была большая бухта чистой воды, защищенная от натиска дрейфующих льдов мощной дамбой. На берегу – дугообразная пристань, уставленная многочисленными кранами. Возле пристани стояли в ряд, как гигантские веретена, подводные корабли. Над водой поднимались только черные лоснящиеся спины этих новых, чудовищно больших обитателей воды. На пристани стояли люди в теплых меховых костюмах. Они похлопывали мохнатыми рукавицами, притоптывали ногами. Видно было, что стоит злющий мороз. Но мокрые спины подводных гигантов не обледеневали. От них даже шел пар, как от лошадей, пробежавших на морозе много километров. Наружная поверхность подводных кораблей нагревалась электричеством. Наверху корпусов подводных кораблей виднелись открытые люки. Шла погрузка. Огромные стрелы кранов высоко пролетали над головами стоящих на берегу людей, захватывали грузы в ящиках, подавали их в трюмы кораблей.

Джим приехал из страны высокоразвитой техники. Он видал сооружения крупных океанских портов, но то, что он увидел сейчас на экране, поразило его. Конструкции, принципы погрузочных механизмов были как будто те же. Удивляло другое: темпы и слаженность работы. Краны двигались бесшумно и с такой быстротой, что кружилась голова, глядя на них. Это была какая-то вереница быстро вращающихся каруселей. Какая мощность! Какая победа над трением, тяжестью!

Джим ахнул, когда увидел, как промчался в карусели огромный десятиколесный паровоз, и не успел он скрыться в недрах трюма, как за ним последовали другие, такие же тяжелые и громоздкие машины.

Краны стояли на таком расстоянии один от другого, что концы их стрел могли бы на ходу задеть друг друга, если бы не часовая точность механизмов, вращающих стрелы в одном направлении.

Не прошло и нескольких минут, как все грузы были поглощены подводными чудовищами.

Раздался мелодичный звук, краны мгновенно остановились, вытянув свои стрелы в направлении порта. Через несколько секунд началась посадка людей.

Следя за ними, зрители как будто также совершили посадку и бегло осмотрели внутренность многоэтажного подводного корабля. Здесь было все, что бывает на больших океанских пароходах: и прекрасные каюты, и бассейны для плавания, и площадки для игр, и библиотека, и зрительные залы. Но много было и особенностей в машинах и аппаратах: лаборатории для переработки морской воды в кислород; кондиционные установки для создания искусственного климата; мощные машины для взрывов и плавки плавучих льдов; склады подводных костюмов для больших глубин с запасом кислорода, питьевой воды, еды и двигателями, позволяющими водолазам плавать быстро в любом направлении по горизонтали и вертикали. Даже аппараты и приборы для геологических исследований на дне моря.

И в способах погрузки, и в устройстве подводных кораблей было так много «поэзии» техники, что все были восхищены.

Подводный корабль шел с огромной скоростью… Новый порт, какие-то горы, покрытые снегом, город, завод… Молодой румяный рабочий всходит на платформу вокзала – один из многих тысяч людей, переброшенных с неслыханной быстротой вместе с машинами, материалами за тысячи километров подо льдами.

Зрители невольно глубоко вздохнули, окончив просмотр этого изумительного, волнующего фильма. Ершов, дав зрителям прийти в себя, продолжал:

– Мы не собирались, как некоторые другие, с места в карьер пересечь весь Северный Ледовитый океан. Мы начали с каботажного плавания. Первые подлодки могли проходить без подъема на поверхность лишь небольшие пространства. Мы долго и тщательно изучали дно полярных морей, льды, подводные течения. Приспособляли подлодки для подледного плавания и совершенствовали их. У нас были сверла, которыми можно буравить

лед, и трубки для получения наружного воздуха, и хорошие взрывчатые вещества. Увеличивалась и прочность корпуса на сжатие, совершенствовались аккумуляторы, радиосвязь, радиолоты, предупреждающие о препятствиях на пути. На «станции» нас ожидала всегда готовая прорубь – гидропорт. Вот как это дело осторожненько осваивалось. И наладили так, что теперь риска никакого. Радиус действия все расширяется. И вот уже первые большие пассажирские подледные корабли пересекли океан от европейских к американским берегам.

– А происшествия все-таки были? И неудачи? – спросил Костин.

– Человек и ходить-то не научится без того, чтобы не падать, – ответил Ершов. – Были и неудачи, были и происшествия. В подлодке все несчастные происшествия сводятся к тому, что всплыть почему-либо нельзя и экипаж рискует задохнуться. Был и с нами такой случай, когда я на «Окуне» плавал – так звали нашу подлодку. Попал этот «Окунь» в ледяную ловушку. Был свирепый шторм. Волнение такое, что наш «Окунь» даже на порядочной глубине плясал, как стеклянный чертик в баночке. Пришлось опуститься еще ниже. Запас кислорода у нас был еще часов на шестьдесят, но все же положение было серьезное. Подняться на поверхность – нечего и думать: винты моментально поломались бы в диком хаосе трущихся, ломающихся, перемежающихся льдин. Но сколько часов, суток еще продлится шторм?..

Мы медленно двигались вперед, к полярной станции – цели нашего плавания. И вдруг – стоп! Толчок, от которого мы все попадали. Кое-как осмотрелись, видим: мы находимся в ледяной пещере. Быть может, мы сбились с курса и вошли в пещеру, которая образовалась в спускавшемся в воду леднике какого-нибудь острова; а может быть, она находилась и в айсберге; а может быть, это просто было нагромождение льда на мелководье. Как бы то ни было, из пещеры надо выбираться. Она была такого размера, что развернуться подлодка не могла. Пришлось осторожно идти задним ходом. Через несколько минут напряженного молчания мы вновь почувствовали толчок. Лед забил выход из пещеры. Мы оказались в ледяной ловушке. Нас было четверо: я – капитан, мой помощник штурман Чудаков и механики Шанин и Бурмин. С ними я и сейчас плаваю. Начали мы совещаться, что делать. К счастью, радиостанция была в порядке. От

полярной же станции, по нашим расчетам, мы находились недалеко. Мы, конечно, тотчас радировали о своем положении. Но на помощь извне особой надежды возлагать не приходилось. Во-первых, шторм. Аэроплан не полетит. А если и прилетит, что он может сделать? Водолазов с полным оборудованием с собой не привезет. Да и водолазы в шторм работать не смогут. Бомбу сверху бросить? Бомба вместе с ледяной пещерой и нас могла бы взорвать. Ледоколов поблизости не было, да и от них в наших условиях трудно было ожидать помощи. Вот разве более мощная, чем наша, подлодка могла бы попытаться пробить ледяную пробку, закупорившую нашу пещеру, если эта пробка не очень велика. Но и на это время нужно.

– Я, – говорит механик Бурмин, – возьму с собой заряд аммонала, выйду в пещеру, заложу заряд в пробку, прилажу провода и вернусь. Взорвем электрической искрой.

– Что же получится? – возражает второй механик, Шанин. – Вся ледяная пещера при взрыве разрушится и раздавит нас.

– Может, и не раздавит, – говорит штурман Чудаков. – Ведь мы в воде, а лед легче воды.

– Нам прежде всего надо обследовать место выхода из пещеры. Может быть, пробка совсем и не велика. Может быть, наша подлодка ударилась о торос, увлеченный вниз штормом, – высказал я свое мнение.

– Обследовать – это первое дело, – согласился Бурмин, а за ним и все остальные.

Мы быстро снарядили Бурмина, помогли ему одеться в водолазный костюм, нацепили ему на спину кислородный аппарат, дали в одну руку электрический фонарь, в другую кайло и выпустили наружу через особый люк. Через полчаса слышим удары кайла по корпусу: сигналы подает, чтобы мы люк открыли. Открыли. Слушаем – тишина. А потом опять звонкий стук по корпусу. Что там стряслось? Пришлось срочно Шанина на выручку посылать. Скоро оба вернулись. Оказалось, у Бурмина электрический фонарь испортился. На подводную лодку он кое-как набрел, а люк впотьмах никак не мог найти. Пробка, по его мнению, совсем не велика. Просто набились куски льда. Бурмин уверял, что в одном месте даже пробил дыру. Но работы на несколько часов хватит, а на сколько именно, точно не учтешь: может быть, новых кусков льда течением принесет. Взрывать,

значит, нечего. Не стена, а каша, но как эту кашу расхлебать – вот вопрос.

Пришлось по очереди работать. Куски льда втягивались в пещеру и поднимались вверх. Становилось тесно. Работали час за часом, с опаской следя за расходом кислорода.

Ну, дальше я должен вас разочаровать. Вы ждете описания, как не хватило кислорода, как все стали задыхаться, как в последнюю минуту нас спасли. Может быть, оно так и интереснее было бы слушать, но в действительности все произошло иначе. Кислорода хватило. Из пещеры выбрались самостоятельно. Но когда прошли несколько узлов, снова все упали от толчка. Неужто новая ледяная стена? Нет, железная. Мы столкнулись, к счастью, на малом ходу, с подлодкой, которая прибыла выручать нас. У нее был поврежден радиоаппарат, и поэтому она не могла предупредить нас о своем приходе. Этой лодкой был предупредительно захвачен большой запас кислородных баллонов. Мы умудрились получить их под водой. Обе лодки отстоялись, пока не прекратился шторм.

Вот и весь рассказ, – закончил Ершов.

– А как вас на ледяное поле выбросило? – спросил Костин.

– Это уж и совсем не интересное приключение! – ответил Ершов.

– А ты все-таки расскажи, – не унимался Костин.

– Ну, хорошо, расскажу. Шторм выбросил нас на ледяное поле. Льдины смерзлись, и наша подлодка осталась дрейфовать на льдине. До полярной станции было не очень далеко, пожалуй, пешком дошли бы; но как же подлодку бросить? Вызвали помощь. Прилетел аэроплан на лыжах. Взрывами полынью сделали. Подлодку ото льда оторвали, к аэроплану привязали и подтянули к краю полыньи. Потом я в подлодку вошел, а люди столкнули ее в воду. Я принял обратно груз, экипаж, опустился и продолжал плавание. Только и всего. А теперь до свидания.

– Ну, что? – обратившись к Джиму, этнографу и Игнату, спросил Костин. – Видели? Слышали? Довольны? Так и быть, покажу я вам еще одну картину, но только одним глазком.

На телевизоре появилось изображение глобуса, обращенного к зрителю Северным полушарием. От Лондона вдруг побежала черта на Париж, Берлин, Варшаву, Москву и дальше на восток, к Чукотскому полуострову, через Берингов пролив, на Фербенкс, Чикаго, Нью-

Йорк… Глобус повернулся, открылась территория Северной Америки. Черная линия от Нью-Йорка пошла вниз, к южным штатам, до самого Кей-Веста на оконечности Флоридского полуострова.

– Что это? – встрепенулся Джим, увидав на глобусе знакомые места.

– А это вот что, – ответил Костин. И Джим увидел на экране огромный, странного вида электропоезд, который стремительно двигался по колее, превышавшей шириною обычную колею в два раза.

– Самый короткий транссибирский путь из Европы в Америку, – пояснил Костин.

– Как? И он уже существует? – воскликнул Джим и даже приподнялся на стуле.

– Все будете знать, скоро состаритесь, – сказал Костин. – На сегодня довольно. Надо же и для клуба что-нибудь оставить.

Экран погас, зажглась лампочка под потолком, а Джим все еще смотрел на белый прямоугольник экрана.

17. Приключение на ледяной дороге

В комнату постучались. Джим, игравший на гавайской гитаре грустную песенку, вскрикнул от неожиданности. На пороге стояла Вера Колосова, свежая и румяная как всегда.

– Я не помешала? – Девушка быстро сняла доху. Игнат помог ей стащить тяжелую шубу через голову. Теперь она стояла в шерстяной фуфайке и серой вязаной юбке. Затем сняла и валенки, поставив их в углу, – валенки были покрыты снегом, снег таял, и от них текло. В шерстяных чулках, по-домашнему, она подошла к столу и уселась на подставленный Джимом табурет. Джим снова начал наигрывать песенку – на этот раз более веселую. Некоторое время все молчали. – Вы не обманете меня этой песней, Джим, – наконец сказала девушка. – Вы тоскуете, я знаю. И вы хотите уехать. Ведь я слышала, как вы говорили об этом с Игнатом.

Джим молча кивнул головой, продолжая перебирать струны.

– Так вот, – продолжала девушка. – Я говорила о вас с дедом и еще кое с кем из наших. Ваше настроение нас очень беспокоит. Я буду откровенна. То, что переживаете вы, пережил почти каждый из нас, по крайней мере, пока работа не захватила. Вы переживаете, быть может, острее других потому, что ваша родина – полная противоположность здешним местам. Вы больны ностальгией – тоской по родине. Это настоящая болезнь. И из нас многие не выдерживают. В особенности южане. Вчера уехал один украинец, третьего дня – товарищ с Кавказа. Сбежал даже один человек с Урала, хотя на Урале и не зреют мандарины. Словом, происходит то, что называется текучестью рабочей силы. А это вредно отражается на строительстве. У нас есть клуб, есть кино, товарищ Костин ставит большую телевизорную установку. Мы будем видеть спектакли столичных театров – оперы, драмы, балеты. У нас есть библиотека. Мы устраиваем полярный зоопарк. Но всего этого, видимо, мало.

– Пожалуй, от некоторых из этих развлечений получается даже обратное действие, – вставил Игнат. – Посмотрит человек оперу – и его еще больше потянет в Москву, Ленинград. Увидит на экране телевизора морской пляж в Коктебеле, а потом выйдет из театра –

кругом ночь, пурга – и завоет волком. Придет домой и начнет чемоданы укладывать.

– Да, бывает и так, – согласилась Вера.

– Ну, что же ты придумала? – спросил Игнат.

– Нам необходимо…

– Устроить тропики за Полярным кругом? – спросил с улыбкой Игнат.

– Да, устроить тропики. Настоящие. Не призрачные тропики на экране, а с настоящей водой…

– И, быть может, даже с настоящим солнцем?

– Почти. Оно будет светить и греть не меньше и давать нам все свои живительные лучи, как и настоящее солнце… Хотите делать солнце, Джим? Хотите делать тропики? Эта работа как раз подходит к вам. Чем лучше вы будете работать, тем скорее вы и другие тоскующие получите уголок тропиков, где вы будете чувствовать себя почти как дома.

– Я не умею делать солнце, – сказал Джим и снова попытался улыбнуться.

– Мы научим, – ответила Вера.

– Погоди, довольно говорить загадками. Что ты затеяла? Устроить оранжерею? Ботанический сад под стеклом? – спросил Игнат.

– Только не под стеклом. Мы уже разработали проект, в плане он стоял на второй очереди. Теперь мы убедились, что это вопрос первоочередной важности, и решили начать работу, не откладывая. Мы будем строить подземный курорт. Курорт, в котором можно будет проводить все свободное время, купаться, валяться на пляже под яркими лучами «солнышка».

– Курорт под землей! Сколько же времени вы будете ковырять землю, чтобы ваш курорт был немножко больше кротовой норы? Не проще ли сделать оранжерею?

– Догадливый Игнат, а не догадался. Мы хотим использовать огромные подземные шахты, образовавшиеся после газификации угля.

– Кто же знал, что вы успели высосать из земли столько угля?

– Ну, Джим, возьмитесь за эту работу и доведите ее до конца. Если вы и после этого будете тосковать и рваться на юг, мы не будем удерживать вас. На эту работу мы как раз и решили направить всех меланхоликов вроде вас… Но предупреждаю, что сейчас это место –

наши будущие тропики, – пожалуй, еще более угрюмое, чем зимняя тундра.

– И это неплохо. Когда ты выйдешь оттуда, тебе и тундра покажется краше, – заметил Игнат.

Джим все еще продолжал щипать струны.

– Едем сейчас со мной и Игнатом, – продолжала Колосова. – Прокатимся на аэросанях по ледяной дороге.

– Игнат встал и, ни слова не говоря, отнял у Джима гитару и нахлобучил ему шапку.

Затем он сам быстро начал одеваться.

– Ехать так ехать, как сказал попугай, когда его кошка тянула из клетки. Попадешься, Джим, в эти коготки – не вырвешься.

Джим рассмеялся, посмотрел на Колосову и тоже начал одеваться.

Через минуту они уже быстро шли по городу.

Вот и окраина. Ряд фонарей стоит ровным строем, как сторожевая охрана. За чертою города видны ледяные гаражи. Ярко светятся окна станции. От станции убегают вдаль, как две серебряные полосы, широкие ледяные дороги. Вблизи – несколько подъездных путей, соединенных с гаражами.

– А это что за бугор? – спросил Игнат, указывая на возвышающийся за станцией холм мерзлой земли.

– Строим плотину из мерзлого грунта, – отвечала Колосова. – Запруживаем небольшую речку. Будет лишний резервуар воды. Я говорила, что с водой у нас плохо.

– А летом искусственными холодильниками будете оберегать вашу плотину от таяния?

– Нет, дешевле и проще, – ответила Колосова. – Тело плотины покрывается изоляционным слоем – торфом – сантиметров на двадцать. Сверху – напластования песка и валежника, чтобы защитить от доступа теплой летней воды. Вот в основном и все. Такая плотина обойдется дешевле бетонной…

– И вечная мерзлота может быть на что-нибудь полезна! – Игнат вдруг рассмеялся. Колосова с недоумением посмотрела на него. – Я вспомнил наш разговор с Джимом, – пояснил Игнат. – Нам надо вести с тобой, Верочка, разговоры на более теплые темы, чтобы совсем не заморозить нашего друга.

Вера ответила улыбкой. Вероятно, Игнат уже рассказал ей о недоумениях Джима.

– Ну, что же, будем говорить о горячем подземном курорте, где будут уютные уголки под цветущими олеандрами.

Когда подошли к станции, Игнат внимательно осмотрел путь. Он был на полметра выше почвы и имел вид лотка. На закруглениях края лотка сильно приподнимались, чтобы вследствие развивающейся центробежной силы аэросани не сходили с пути.

– Однако эта дорога недешево должна стоить, особенно если иметь в виду, что ее придется строить ежегодно.

– Разумеется, такую роскошь мы могли себе позволить только обладая достаточным запасом электроэнергии. Сейчас, пока еще не выстроены все предприятия, у нас оказывается даже некоторый избыток энергии.

– Эту энергию вы получаете за счет газификации угля, конечно. Но когда мы построим температурную станцию, энергии будет еще больше, – сказал Игнат.

– К тому времени будет окончена и линия электропередачи, соединяющая полярные станции с общей сетью. И все пойдет в общий котел. Тогда, конечно, мы не станем затрачивать энергию на эти местные ледяные дороги. К тому времени побережье Северного моря будет опоясано тройным поясом – воздушного, морского и земного транспорта. Первая электролиния уже прокладывается от Игарки. А что касается трудностей прокладки ледяной дороги, то они уже не так велики. Вот, посмотри на эту машину.

За крайним ангаром стоял огромный гусеничный трактор. С боков его прикреплены рычаги, оканчивающиеся загнутыми лопастями. Наверху ковш. Позади возвышалось сооружение, напоминающее небольшой тендер. Под тендером виднелись два яйцевидных вала.

– Вот машина, делающая ледяную дорогу. Она идет вперед, рычаги опускаются, лопасти на ходу захватывают снег и перебрасывают в ковш. Снег попадает в котел, где и растапливается электропечью. Аккумуляторы Буассье помещаются позади, в тендере. Вода вытекает вот здесь, за тендером. Таким образом, эта машина, двигаясь вперед со скоростью десяти-пятнадцати километров в час, оставляет за собой готовую ледяную дорогу. Впрочем, не совсем готовую. При первом проходе лоток оказывается еще не достаточной

толщины и отсутствуют закраины. Толщину и закраины наращивают особые машины при вторичной и третьей прогонке, причем скорость машин каждый раз увеличивается. В общем, за сутки можно провести около ста километров пути.

Если снежный покров ровен и имеет достаточную толщину, то нет необходимости подгребать снег и обращать его в воду. Достаточно проехать на таком «танке» – и задние катки выдавят в снегу ледяной лоток. Две-три маршрутные поездки – и лотки делаются идеально гладкими. Сейчас на этой линии курсируют аэросани. Их лыжи поставлены под небольшим углом, соответственно кривизне поперечного сечения лотка.

Вдали показались подъезжающие аэросани. Их фары ярко сверкали. Уже за два километра шофер выключил мотор и остановил пропеллер. Аэросани шли по инерции, как буер, все убавляя ход. Путь заканчивался не тупиком, а менее гладким лотком, постепенно повышавшимся.

– Нелегко было приловчиться подходить к станции, – объяснила Колосова, – и наши шоферы часто пролетали мимо. Пришлось на конечных пунктах устроить подъездные пути, заканчивающиеся возвышением.

– Но как же переходить на другой путь? Здесь стрелок не видно.

– Небольшой парусный руль и в помощь ему – руль-конек, как у буера. А вот выезжают и наши сани.

Двери гаража раскрылись, и оттуда медленно выехали большие аэросани с закрытой кабиной. В то же время подъехали и встречные аэросани, остановившись у самого края пути.

– Вот как наловчились! Не хуже гидросамолета, который точка-в-точку подходит к пристани-поплавку, – заметил Игнат.

Вера, Игнат и Джим поздоровались с шофером аэросаней и уселись в кабину. Мотор заворчал, и сани со все увеличивающейся скоростью двинулись в путь. Вдоль лотка фонарей не было, да в них не было и нужды: яркие фары саней освещали блестящий, ровный, гладкий, как отполированная сталь, путь. Кабина имела хорошо обтекаемую форму, и аэросани неслись, как стрела. Электрические печи отлично грели. Несмотря на трескучий мороз и бешеную скорость, путникам было тепло. Игнат даже жаловался на жару и

оттягивал воротник своей якутской шубы. Вера погасила свет в кабине.

– Так эффектней, – сказала она.

И в самом деле, как только свет погас, путешественников окутала глубокая тьма. Только фары впереди саней вычерчивали серебряные линии на закраинах пути.

– Странное ощущение. Совершенно не чувствуешь трения, словно летишь на аэроплане. Этому достижению, пожалуй, и шарикоподшипник позавидовать может.

Когда глаза немного пригляделись, путники увидели звезды и бесконечную снежную равнину. Метеором промчались встречные сани. И снова ночь. Четверо людей пересекают снежную пустыню без края и предела… В этой сумасшедшей езде было своеобразное очарование. Даже Джим ожил и замурлыкал. Вера с улыбкой кивнула головой Игнату. Она следила за Джимом, как за настоящим больным.

Шофер резко затормозил. Сирена неистово загудела, заглушая даже рокот мотора.

– Что бы там могло быть? – спросила Колосова. – Тормозим мы только в самых исключительных случаях: стальные коньки-тормоза портят путь.

– Может быть, через дорогу перебирается стадо оленей? – сделал предположение Игнат.

– Слишком долго перебирается…

Сирена продолжала неистово реветь. Сани все замедляли ход.

– Что у вас случилось? – спросила Вера шофера по слуховой трубке.

– Белый медведь. Переходил путь, увидел огни фар и, дурак, начал убегать вперед по лотку. Никак не могу согнать его с дороги. От испуга, вероятно, сообразительность потерял. Да и выбраться ему трудно. Вот и бежит перед нами, – ответил шофер.

Вера со смехом передала сообщение спутникам.

– Револьвер при тебе? – спросил Игнат Джима.

Тот кивнул головой.

– Ну, то-то. Тут никогда не надо расставаться с оружием. Через год-два оно будет не нужно: медведи отойдут в область истории.

Сверкнули фары встречных аэросаней… Треск, звон разбитого стекла. Сани летят в сторону. Сердито ревет медведь где-то совсем над

ухом. Мотор остановился. Все оглушены. Меховые одежды предохранили от удара. Но у Веры болит лоб, у Игната – плечо. Джим хватается за бок. Сани повалились. Джим копошится под Игнатом. Вера лежит сверху. Игнат выбирается из кучи и, открыв дверцу, которая теперь на потолке, вылезает из кабины. Следом за ним – Вера и Джим. Фары погасли. Шофера не видно. В лотке темнеет туша медведя. Он, видимо, еще жив и ревет. От морды поднимается белый пар. Не ушибся ли шофер о рулевое колесо?.. Игнат пытается открыть дверцу, но она не поддается. Вера вскрикнула. Игнат оборачивается и видит, что медведь уже поднялся. Он стоит над самой Верой на задних лапах, заносит переднюю, готовясь ударить, дышит паром в лицо. Игнат хватается за револьвер. Но револьвер под шубой… Игнат заслоняет собой Веру. Сбоку слышится короткий сухой выстрел. Зверь беззвучно и тяжело падает на снег.

– Тебя не царапнул медведь? – спрашивает Вера Игната.

И в этом вопросе, полном тревоги и любви, для Джима открывается многое. Игнат! Безоружный, он своим телом старался защитить девушку. Нет, их сердца не из вечной мерзлоты…

– Только разорвал мех на рукаве, – отвечает Игнат. – Однако нам надо скорее освободить шофера. Ты жив, Шумилов? – кричит он шоферу.

– Жив, хотя маленько пришибло, – слышится голос того. – Дверная рама погнулась, не открыть.

– Придется высадить стекло, – говорит Игнат. – Наклони голову, Шумилов, чтобы тебя стеклом не поранить.

Шофер вылезает.

– Лицо порезал, – говорит он, утирая кровь. – Ничего, до свадьбы заживет. Машину жалко… Большой ремонт. Лыжи сломаны, пропеллер сломан. Пострадала и кабина. Капитальный ремонт. Мотор цел.

– Но как же это произошло?

– Показались встречные сани. Медведь испугался шума и света фар и повернул назад. Это вышло так неожиданно, что я не успел затормозить и налетел на него…

– Или он на нас, – сказал Игнат. – Хорошо еще, что тихим ходом шли.

– Что же нам теперь делать? – спросила Вера, постукивая меховыми сапожками.

– Будем ждать попутных аэросаней, они нас довезут. Здесь часто ходят.

– А может быть, остановить встречные и отвезти вас в Челюскин? – заботливо спросила Вера шофера.

– Не стоит. Рана пустяшная. До станции ближе, чем назад. Там есть аптечка. Повязку сделаю – только и всего.

Все замолчали. И в этом молчании вдруг остро почувствовали, как, в сущности говоря, враждебна человеку окружающая природа и как он беспомощен, когда одинок… Джим почти с нежностью посмотрел на ледяную дорогу, которая связывала их с другими людьми.

– Давайте пока попробуем поставить аэросани на лыжи, – предложил шофер.

Все четверо взялись за верх кабины и кое-как повернули сани. Скоро показались огни аэросаней, приближавшихся со стороны Челюскина.

– Вот как только остановить? Может не заметить, – сказал шофер, – налетит на нас…

– Запалим коробку спичек, – предложил Игнат. – У кого есть?

– А если есть спички, то можно зажечь и газету. У меня есть. – И шофер вынул кипу газет.

Игнат зажег спичку. Ветра не было, и газеты запылали.

– Увидел! Тормозит! – сказал шофер.

Сани остановились, не доезжая трех метров. Шофер подъехавших саней вышел из своей кабины.

– Что случилось, товарищ? Шумилов машину свернул?

– Вот кто свернул, – сказала Вера, показывая на тушу медведя.

– Хорошая шкура. И цела. В ухо ухлопали. Непременно заберем с собой.

– А ты кого везешь, Пуркин?

– Двух девушек-геологов.

– С «Тайги», вездехода? – живо спросил Джим.

– Да.

– Это Анна Фокина и Зинаида Камнева? Мы тоже туда. Вот и отлично. Уместимся!

– Как-нибудь уместитесь, – ответил Пуркин.

– А с моей машиной что делать? – спросил Шумилов.

– На буксире дотянем. Только правую лыжу сменить надо. Сейчас я выну запасную.

Подъехали еще двое аэросаней прежде, чем поврежденные сани были поставлены на новые лыжи и прицеплены.

Остаток путешествия прошел весело. Джим начал петь негритянские песни, а все хором – и здоровые, и потерпевшие аварию – подтягивали ему. Сани шли с замедленной скоростью, таща на буксире разбитого собрата. Как бывает на трамвайных путях во время задержки движения, несколько саней нагнали и шли позади длинным поездом.

– Словно деревенская свадьба в старину, – смеясь сказала Зинаида Камнева.

Джим устроился рядом с Анной Фокиной. Он расспрашивал ее, будет ли она в Челюскине, где остановится, и очень обрадовался, когда узнал, что вездеход еще раз посетит Челюскин, быть может, весною, а быть может, и раньше.

– Я буду очень рад видеть вас, – застенчиво сказал Джим.

– И я также, – просто ответила девушка.

– Как они тут объясняются в любви? – подумал он. – Начинают с вечной мерзлоты, а кончают вечной любовью или наоборот?..

Наконец сани свернули с магистрали, пропустили весь поезд задержанных и остановились возле станции.

18. «Путешествие к центру земли»

Станция представляла собой четыре ледяных иглу, соединенных внутренним ходом. В одном иглу путники нашли большой запас лыж.

– До шахт километра два, нам придется пробежать их на лыжах, – сказала Колосова.

Пять человек в меховых одеждах, следуя друг за другом, заскользили по снегу навстречу одинокому огоньку. Бедный Джим! Он не умел ходить на лыжах и не поспевал за девушками.

В довольно большом каменном здании заброшенной газификационной станции светилось только одно окно.

Перед спуском в шахту произошел небольшой спор: Фокина и Камнева настаивали на том, чтобы спускаться как можно медленнее. Они хотели ознакомиться с вертикальным геологическим разрезом шахты.

– Быть может, мы обнаружим выход полезных ископаемых, – горячилась Камнева. – Ваши подземные курорты – очень хорошая вещь, но для курорта можно подыскать и другие шахты, если эти представляют какую-нибудь ценность для разработок.

– Да уж осматривали не раз, и не одна комиссия, – возразила Вера. – Ничего интересного. Суглинок со слоем мерзлоты на глубину двухсот метров. Эта часть пути закреплена уже камнями, цементом и железными обручами. Ниже небольшой слой базальта, а под ним угольный слой небольшой толщины, но большого протяжения. Снова прослойка базальта и снова небольшой пласт угля. Мы выбрали именно это место потому, что под пластами угля… вернее так: самый нижний его пласт лежал на огромном своде, под которым находились колоссальные пещеры. Эти пещеры мы и хотим использовать.

– Ты что-то путаешь, Вера. Ты не геологичка. Ну разве могло быть такое расположение пластов и пород? – продолжала Камнева, обращаясь к Фокиной, и они начали обсуждать геологические вопросы.

– Вот что. Мы спустимся «экспрессом» – я, Джим, Вера, а вы можете отправиться вторым рейсом с какой хотите скоростью.

Встретимся внизу, если вы не слишком замешкаетесь, – сказал Игнат, которому не терпелось, как всегда. На том и порешили.

Подъемная машина работала уже на электричестве, подаваемом по подземному кабелю с Челюскина. Джим, Вера и Игнат быстро спустились в помещение, где когда-то стояли элементы. Часть громадных труб и огнеупорных резервуаров, где клокотала некогда расплавленная медь элемента, была уже разобрана. Два десятка рабочих возились над большим газгольдером. Их голоса глухо отдавались в этом мрачном месте. Здесь для Игната не было ничего нового: он уже видел подземную станцию газификации.

– Опускаемся дальше, – сказал он.

Кабина для спуска в угольные шахты была, как и все подъемное устройство, довольно примитивная – простая деревянная клеть с железными скрепами.

– Это – временное устройство, – объяснила Вера. – Ведь пока горел и не выгорел до конца весь уголь, сюда никто не спускался.

– Еще бы, – отозвался Игнат. – И горел он, наверно, несколько лет.

Они вышли из деревянной кабины. Было совершенно темно. Скоро сверху дали свет, и несколько лампочек вспыхнуло на черном бугристом своде. Эта шахта совсем не напоминала обычные угольные шахты. Здесь не было ни главного продольного штрека, или, как его зовут, «главной откаточной», ни других. Все пространство представляло собой как бы огромную двояковыпуклую линзу – пещеру с неправильными, словно изрытыми поверхностями, покрытыми черным слоем. Он почти совершенно поглощал лучи света, и казалось, что лампочки горят тускло, не освещая пространства вокруг себя. Здесь уже не было рабочих. Ни малейшего признака жизни. Мертвая тишина. Мрак, зловеще надвигавшийся со всех сторон, молчаливый, угрожающий.

– Да, в хорошенькое местечко завела ты нас, – сказал Игнат. – Самое подходящее для того, чтобы разгонять тоску Джима. В могиле веселей. Это даже не «пещера смерти», а «пещера небытия». Если бы тут было еще холодно – прямо ложись и помирай.

– Ниже еще теплей будет, – сказала Колосова. – На глубине пятнадцати-двадцати метров слои земли имеют уже постоянную температуру летом и зимой, соответствующую средней годовой данной местности.

– Ну, что ж, едем дальше – к центру земли.

– Дальше придется не ехать, а спускаться по веревочной лестнице, – сказала Колосова. Она прошла к крайней лампочке, и ее спутники увидели отверстие в земле. Рядом с провалом в два метра диаметром возвышался вкопанный в землю отрезок рельса. К нему была привязана лестница, уходящая в провал. Тут же стояли, прямо на земле, десять аккумуляторных ручных фонарей.

– Нам придется снять верхнюю одежду, – сказала Вера и первая начала стаскивать шубу.

– На какую глубину мы теперь провалимся? – спросил Джим, заглядывая в черную бездну.

– Подземные пещеры далеко еще не исследованы нами. Средняя глубина 760 метров.

– Значит, там должно быть градусов тридцать тепла?

– Да, – ответила Вера. – Не меньше тридцати. Ниже вечной мерзлоты – вечная теплота, какое бы время года и какая бы погода ни были на поверхности земли.

– Ты, я вижу, не хуже Камневой и Фокиной навострилась в геологии, – сказал Игнат, снимая шубу. – Эх вы, хоть бы табуретку какую принесли сюда. И шубу положить некуда. Весь измажешься, как трубочист, – ворчал он, бросая шубу на черную землю. И вдруг дернул клок своих рыжих волос.

– Слушай, Вера. У меня есть идея. Вот мы строим в полярных областях температурные станции, двигатели, которые должны работать, используя разницу температуры морской воды и воздуха. Температура морской воды даже зимой, подо льдом, около нуля, а воздуха – тридцать-сорок и больше холода. Так? Ну, а в этой самой пещере, куда мы собираемся лезть, говоришь, побольше тридцати. Разница с внешним холодным воздухом чуть не в сто градусов. Ведь тут такой температурный двигатель можно построить…

– Верно! – неожиданно заявил Джим. – Станция нужнее, чем курорт. Стройте станцию, а я поеду в Гурьев, консервы делать. – И он даже натянул рукава своего полушубка, словно собираясь немедленно отправиться в Гурьев.

– Остановись, дезертир труда, и снимай свою шубу! – рявкнул на него Игнат. Все рассмеялись. – Сначала побывай в аду, а потом будем рассуждать.

– Твоя идея неплоха, Игнат. Поговори об этом с Пелькиным. Я думаю, для ее осуществления не надо даже отказываться от курорта. Наоборот: курорт получит собственную станцию, если не для отепления – тропическое тепло здесь и так обеспечено, – то для освещения, вентиляции, водоснабжения, «соляризации» и прочего. Курорту потребуется довольно большое количество энергии. Ведь это должен быть вполне благоустроенный, электрифицированный курорт. А уезжать вы, Джим, подождите. Посмотрите, что мы тут с вашей помощью устроим. Если вам внутреннего жара земли будет недостаточно, наставим столько мощных ламп, что хоть купайся в свете и тепле.

– Кто первым полезет? Давай – я, – предложил Игнат.

– Нет, уж лучше я, – возразила Вера. – Я спускалась не раз. Берите фонари.

Все пристегнули фонари. Вера начала быстро спускаться вниз. Игнат и Джим следили за тем, как огонек ее фонаря постепенно погружался в глубину.

– Кошка, прямо кошка! – подумал Джим.

Хотя веревочная лестница была новая, но из осторожности Игнат подождал, пока Колосова не спустилась и не дернула лестницу.

– Теперь спускайся ты, а то еще сбежишь без меня, – приказал Игнат.

Джим повиновался. Следом за ним стал спускаться и Игнат. Вера уже поджидала их внизу.

– А это что такое? – удивился Игнат: возле места спуска стояли кровать, два шкафа, стол, стулья. На столе – телефон. – Мебель в аду! Оригинально. Тут кто-нибудь живет?

– Пока никто. Но мы поставили это на всякий случай. Наши «следопыты» изучают пещеру и… мало ли что может случиться! Здесь имеется запас пищи, воды, аптечка и телефон. Представь, что лестница оборвалась. И сиди, пока наверху не обеспокоятся и не спустятся узнать, в чем дело. Телефонная связь везде необходима.

Игнат осмотрел пещеру. Совсем не велика.

– Это – только начало, – сказала Вера. – Идем за мной.

Пещера имела в высоту не более десяти метров и тянулась, как коридор. Сверху кое-где нависли буро-серые массы. По бокам неровные, серые стены. Камни, рытвины под ногами.

– Как будто известняк, – сказал Игнат. – А потолок на нас не обрушится?

– Потолок выдерживал верхние пласты угля, – ответила Колосова. – Теперь этой массивной, тяжелой нагрузки не существует. Конечно, мы укрепим весь свод…

– Представляю, как нарядно будут выглядеть электрические солнца на этом буром бугристом небе.

– Не смейся, Игнат. – Мы устроим такое небо, что не уступит и флоридскому.

Пещера становилась все уже, потолок нависал над головой. Передовой фонарь Веры осветил вход в другую пещеру. Джим и Игнат вскрикнули, пройдя вслед за Верой узкую щель. Перед ними была огромная пещера, напоминавшая внутренность готического собора. Сверху спускались великолепные сталактиты, им навстречу с земли поднимались причудливые наплывы сталагмитов. Некоторые из них напоминали троны, иные поднимались в виде островерхих готических церквей, иные были похожи на грандиозные кровати с пологом над ними; в глубине, на белом холмике, возвышалось подобие часовни, окруженной звероподобными лежащими фигурами. Там перекинулся мост с перилами и столбами, будто обледеневшими от боры… Местами сталактиты и сталагмиты соединялись, образуя колонны с широкими основаниями и капителями. Несколько широких и высоких дверей виднелось в стенах этого грандиозного зала.

Игнат и Джим стояли несколько минут молча, подавленные величием необычайной архитектуры и фантастичностью отделки. Какой гениальный, но безумный художник воплотил здесь свой величественный бред? Десятки мыслей, ассоциаций невольно возникали в мозгу Игната. То ему казалось, что он видит величайшее произведение искусства, погребенное какой-то катастрофой… Вулкан пролил лаву и окутал толстой пеленой изумительные по красоте колонны, столы, кресла, кровати, беседки. То он воображал себя на иной планете, где иные каноны искусства, иная, своеобразная архитектура. То его мысль переносилась в Академический театр, где шел балет, декорации изображали фантастические, сказочные владения короля гор… Мозг южанина Джима был поражен еще более, почти потрясен. С трудом оторвав глаза от зала, Джим молча посмотрел на Игната и Веру, словно спрашивая их, не бредит ли он.

– У тебя сильный голос, Игнат. Стань на это возвышение и крикни отрывисто, – сказала Вера.

– Хо! – крикнул Игнат своим мощным басом. И словно разбудил спящих духов этого волшебного царства. «Хо-хо-хо…» – начало отражаться многократное эхо… Пауза – и снова где-то вдали: «Хо-хо-хо…» Снова пауза – и снова едва слышное эхо. Джим встрепенулся. А потом вдруг начал, как безумный, кричать и смеяться. Игнат и Вера также закричали, потом, по знаку Игната, замолкли.

Можно было подумать, что в пещере поднялся шабаш ведьм. Смех, шум, крик, вой, лай – все звуки отражались от стен, преломлялись, создавали новые созвучия, новые тембры голосов… И этот неистовый концерт не умолкал, звуки только все больше удалялись, как будто невидимые певцы и крикуны, сплетаясь воздушным хороводом, улетали в глубину подземелья.

Игнат дернул себя за вихор.

– Черт возьми, – сказал он, – мы крепкие безбожники, а и то жутко слушать. Что же должен был вообразить и подумать обо всем этом пещерный человек, дикарь? Вот откуда вера в духов, богов, чертей и всякую нечисть.

– Эту пещеру мы назвали «Зал многократного эха». Но идем дальше.

Колосова вела их мимо заколдованных сказочных животных, по «обледенелым» известковым мостам, вдоль величественных колонн, направляясь к боковой двери.

Новая пещера, меньшей величины, но столь же причудливо разукрашенная. За ней – третья, четвертая… В каждой из них было своеобразие, свой «гвоздь», как выразился Игнат.

– Да это получше Кунгурской пещеры! – воскликнул он.

Почва постепенно понижалась. И чем ниже спускались путники, тем становилось теплее. Игнат уже давно вытирал пот с лица. А Джиму было в самый раз. Он отвернул ворот рубашки и пел. Хороший признак. Его развлекало подземное путешествие.

Наконец они пришли в такую огромную пещеру, по сравнению с которой даже «Зал многократного эха» казался кротовой норой.

– Тут, пожалуй, Дом Советов целиком уместится, – оказал Игнат. Вера направила фонарь вперед, и путники увидали серебристую полосу воды.

Они подошли к большому озеру.

– Вода проточная, – сказала Вера. – Через это озеро протекает река; она исследована уже почти на два километра. Река имеет два притока. Со временем мы проведем отсюда воду в город. На весь Челюскин хватит. Ну, что ты скажешь, Игнат? Разве здесь нельзя устроить пляж и купанье? Смотрите, Джим. На берегу этого озера, вот здесь, где вы сейчас стоите, вырастут настоящие пальмы, лавры, апельсины, магнолии. Пляж покроется золотистым песком. Здесь будет пристань для лодок. Можно будет плавать по пещерам, и каждая пещера будет садом. Разве не стоит поработать над этим? Я еще не все рассказала вам, а если рассказать все, то это будет как волшебная сказка. Хотите строить сказку, Джим? Вы будете жить в такой обстановке, в какой едва ли жили на родине. Мы сотворим собственные тропики под землей, за Полярным кругом. Мы победим природу. Разве это не интересно, Джим? Разве приготовлять рыбные консервы интересней?

– Но я другого ничего не умею, – ответил Джим, смутившись.

Колосова напряженно смотрела на него. Это был решительный момент. Победить Джима – значило победить текучесть рабочей силы. Вера положила на плечо Джиму руку совсем по-товарищески, но от этого ласкового прикосновения волна горячей крови подступила к сердцу Джима.

– Обещайте мне, Джим, работать здесь, пока мы не засветим под землей ослепительное, горячее солнце, пока мы не окончим работы. Ну, не умрете же вы тут со скуки? Я сама вас буду учить, что делать. Работа найдется… Ну что же, Джим?

Тонкий слух Джима уловил доносившиеся издали женские голоса. Вероятно, это Камнева и Анна Фокина забавляются в пещере многократного эха. Девушка с золотистыми волосами. Джим улыбнулся и сказал:

– Хорошо. Я согласен.

Вера крепко пожала ему руку. На этот раз она ошиблась, приписывая весь успех себе, своему уменью обходиться с людьми.

– Я верю вашему слову, Джим, – сказала она. – Теперь идем назад. Всего сразу не осмотришь. На это надо несколько дней. Ведь мы теперь часто будем бывать здесь.

На обратном пути они едва не заблудились. Здесь столько было коридоров, столько дверей и пещер, что немудрено потерять направление.

Случайно они нашли почти круглую пещеру, наполненную водой. Вода бурлила, клокотала, шумела под землей.

– Подводный водопад, – сказала Колосова приглушенным голосом. – Я здесь еще никогда не была.

– Недурно упасть в эту штуку, – заметил Игнат, глядя на темную, словно кипящую воду так, будто это был страшный, коварный зверь.

Наконец они добрались до зала эха. Здесь Игнат еще раз пустил свое громогласное «Хо». К удивлению, эхо принесло не только его низкий, басовый рокот, но и высокие женские крики. Игнат посмотрел на Веру с недоумением.

– И в самом деле, духи гор начинают с нами заигрывать, – оказал он улыбаясь.

Помолчали.

– И… а, ааа… и… а… а… – вновь послышался женский крик.

– «И-а-а!» Хотел бы я знать, что это такое на языке… вот забыл, как феи гор называются!

– Я знаю, да не скажу, – ответил Джим, сверкая зубами.

– Игн-а… – послышалось снова.

– Это тебя зовут феи гор, – сказала Вера, прислушиваясь. – Ну да, «Игнат»! Это наши геологи, наверно, заблудились. Ах, легкомысленные девушки! Неужели они пошли без провожатого?

– Фокина, Камнева! Фо-окина! – крикнул Игнат. Эхо подхватило и начало повторять: «Фок. Кам. Фок…» Голоса отозвались. Теперь они были как будто совсем близко, справа. Вера направилась туда.

– Мы здесь! – послышалось слева.

– Мы здесь! – кричали справа, сзади, со всех сторон. Сложная, путаная архитектура настолько искажала звук и его отражения, что было почти невозможно определить направление. Эта игра продолжалась около получаса. И только совершенно случайно Джим заметил девушек за «королевским ложем».

– Веселое приключение, которое могло окончиться не очень весело, – заметила Вера и пробрала геологов. Но сегодня она не могла сердиться: ею была одержана первая победа над больным ностальгией – так она думала.

19. Человек, который хочет сделать солнце

Верхом на олене ехал по тундре человек, закутанный в теплые тунгусские одежды. В правой руке он держал небольшую палочку, при помощи которой управлял оленем. И всадник и олень, видимо, были измучены долгим путем. Человек подбодрял себя и оленя песней:

– Холодный ветер. Сильный ветер. Прямо в ноздри ветер. И на четырех ногах трудно бежать в такой ветер.

Всадник легонько похлопал оленя по шее и палочкой указал, куда они держат путь. Олень понял. Он мотнул усталой головой, приподнял ее, фыркнул и прибавил ходу.

И когда первые фонари блеснули из-за горизонта, как яркие луны, олень побежал еще быстрее, забыв о трех сутках непрерывного бега.

– Вот молодец! Вот хорошо бежишь! Скорей добежишь – скорее отдохнешь, – продолжал напевать человек. – Вот и дом из дерева. Вот и дом из камня. Вот и дом изо льда. Вот солнце, сделанное человеком, чтобы отгонять мрак. Одно солнце, два солнца, три солнца, много солнц. Они связаны жилами оленя и прибиты к столбам. Вот уже и люди видны, которые умеют делать солнце. Ашихин тоже скоро научится делать солнце. И будет жить в большом доме. И солнце будет у него в комнате.

– Эй, эй! Послушай, человек! – обратился он к встречному. – Где хозяин живет?

– Хозяева были, да все вышли, – ответил бородатый человек с вологодским выговором.

Ашихин остановил оленя и с огорчением посмотрел на бородатого человека.

– Куда вышли? – спросил он.

– Да тебе кого надо? Какого хозяина? Ишь, запарил животное! – заметил бородач, глядя на вздымавшиеся бока оленя.

– Кого? – Ашихин в замешательстве почесал затылок, запустив руку под меховой шлем. Он искал нужные слова. Бородач терпеливо ждал. – Ну… хозяин… Самый главный, который у вас? Самый главный?

Бородач усмехнулся:

– Главный инженер, что ли?

Ашихин неуверенно кивнул головой.

– Поезжай прямо по улице. Вон дом около фонаря, видишь? А следующий и будет инженера, Пелькина. Понимаешь? Андрей Пелькин. Главный инженер. Из лопарей он у нас. Толковая башка.

Ашихин поблагодарил и тронул палочкой оленя. Олень вздохнул и зашагал.

Все дома были одинаковые, и все фонари одинаковые. А Ашихин постеснялся спросить поточнее, у которого фонаря дом главного. Мудреная штука – город. Вот Ашихин проскакал на своем рогатом скакуне сотни километров по тундре без дорог, без карты, без компаса и не сбился с пути, не сделал ни одного лишнего километра. А на этой городской улице он сразу заблудился. И зачем люди в городах делают все такое одинаковое?

– Подожди, – оказал Ашихин оленю, – идет какой-то человек.

Ашихин спросил, где дом Пелькина.

– Да вот он и есть, – ответил прохожий, указывая на дом, возле которого остановился Ашихин. – Только он еще спит.

– Ничего, я подожду, – обрадовался Ашихин.

И едва только Ашихин спрыгнул, уставшее животное повалилось на снег, легло на бок и начало лизать снег. Ашихин уселся на ступеньках, погружаясь в дремоту. Ему снился чудесный сон. Он видел шары, много шаров. Они были сделаны изо льда. Ашихин брал в руки шар, сдавливал ладонями, и шар вдруг начинал светиться, как те солнца, которые привешены к столбам. Потом он бросал яркие шары, и они катились по снегу, раскатывались во все стороны, бежали все дальше по тундре, к поселкам, к рыбацким хижинам на берегу моря, вскакивали на столбы и светили. Ярко светили, весело. Жители смотрели и хлопали в ладоши и хвалили Ашихина, который научился делать солнце на радость людям…

– Ты что тут сидишь? – вдруг услышал Ашихин женский голос и с трудом открыл глаза – ресницы слиплись от мороза и покрылись инеем. – Замерзнешь!

Перед ним стояла румяная молодая девушка. Ее русый локон, выбившийся из-под шапки, совсем поседел от инея. И этот серебристый локон придавал свежему, молодому лицу девушки

особую прелесть. Быть может, Ашихин и в самом деле замерзает и видит перед смертью хорошую, светлую девушку? Она улыбается ему. И он отвечает ей с улыбкой:

– Я приехал к главному, к Пелькину.

– К главному Пелькину? – продолжая улыбаться, спрашивает девушка, и ее зубы сверкают при свете фонаря, как молодой снег. – Почему же ты не постучался?

Ашихин посмотрел на небо, но свет фонаря мешал ему видеть звезды.

– Я рано приехал. Ночью приехал. Будить не хотел, – ответил он.

Девушка нажала пуговку. Дверь открылась, и на пороге показался человек в шерстяном свитере, кожаных брюках и меховых сапогах.

– Здравствуй, Пелькин. Вот тут тебя ожидает товарищ. Он, кажется, всю ночь просидел на крыльце.

Через несколько минут все втроем уже были в комнате Пелькина.

– Ну, рассказывай, зачем приехал, товарищ, – радушно обратился к нему Пелькин. Ашихину приятно было видеть, что у «главного» лицо северянина, лицо лопаря. Но Ашихин не знал по-лопарски, а по-русски хотя и говорил, но плохо.

– Ты кто? – спросил Пелькин.

– Ламут. Тунгус. Ашихин.

Ашихин приготовился рассказать, зачем приехал, но слова не шли. Развлекала необычайная обстановка этого дома. На табуретке стоял блестящий золотистый вогнутый диск. В нем красным накалом горела звезда. Диск был похож на осеннее солнце, когда оно только показывается над горизонтом и снова заходит. И от солнца шло тепло. Яркая лампа светила с потолка. Много он видел ярких ламп. Их называют электрическими – слово, которое он слыхал, знает, но еще не может ни выговорить, ни понять.

– Я хочу с тобой работать. Хочу учиться. Хочу уметь делать солнце, лампы, – сказал он.

Пелькин и Колосова переглянулись.

– Прекрасная находка, – сказала она быстро Пелькину. – Нам надо как можно больше привлекать к работам местное население. Я беру Ашихина к себе, – сказала Вера. – Он будет работать вместе с Джимом. Негр и тунгус. Отлично. Ашихин научит Джима любить Север.

– Подожди, дай подумать, Вера, – сказал Пелькин.

Приход Ашихина взволновал Пелькина. Он вспомнил свою жизнь, свою карьеру от лопарского мальчика, бродившего со стадами оленей по тундрам, до главного инженера заполярной линии электрификации Севера. Путешествие на ледоколе, полет на аэроплане, авария, первое знакомство с переносной ветросиловой установкой, сыгравшей такую роль в его судьбе… Педагогические курсы в Мурманске, годы учения в Ленинграде… Пелькин был одним из первых нацменов Севера, поднявшихся на уровень высших технических знаний. За ним идут другие… Вот этот Ашихин…

– Ты хочешь учиться? Это хорошо, Ашихин. Но учиться лучше в большом городе. Тебе нужно ехать в Ленинград, в институт народов Севера.

Ашихин отрицательно покачал головой:

– Я знаю, там есть наши. Я слыхал о Ленинграде. Только я хочу здесь. Может быть, моя голова не такая, что надо в Ленинград. Я попробую здесь, поработаю.

– Может быть, ты и прав, – с той же задумчивостью продолжал Пелькин. – Здесь тоже можно учиться. Хорошо. Оставайся. Можешь жить пока у меня.

– У меня есть олень, он лежит и отдыхает.

– Устроим и оленя. Издалека приехал?

Ашихин назвал оленеводческий колхоз, отстоящий от Челюскина километров на триста. Пелькин покачал головой.

– Хочу делать лампы.

– Делать лампы можно скоро научиться, – ответил Пелькин, – только лампы делают не здесь, а в Ленинграде.

На лице Ашихина отразилось разочарование.

– Ты не огорчайся, – утешил его Пелькин. Он вынул лампочку и показал ее Ашихину. Тунгуз почти с благоговением принял ее в свои руки и держал бережно, как драгоценность. Так держит только археолог редчайший предмет старины.

Пелькин ввинтил лампочку и включил свет. Ашихин хлопнул в ладоши.

– Ну отдохни, выспись, а потом примемся за работу, – сказал Пелькин.

– А олень?

– Хорошо, давай раньше устраивать твоего оленя, – рассмеялся Пелькин. Ему понятна эта забота об оленях. Животное, которое стоит этих забот. Без оленя едва ли могло бы существовать человечество в северных широтах. Не было бы на свете ни Пелькина, ни Ашихина, ни…

Оставшись в доме один, Ашихин подошел к выключателю и долго осматривал его, осторожно трогал пальцем. Потом повернул, как Пелькин. Свет в лампе погас. Ашихин испугался и повернул еще раз. Свет снова вспыхнул. Ашихин вскрикнул от радости. Он тоже умеет делать свет. Это совсем нетрудно…

20. Что такое теплопады?

Пелькин уделял много времени, внимания и сил техпропаганде. Смотрел он на это дело широко. Важно не только выучить новые кадры техминимуму. Надо помочь рабочему осмыслить его работу, объяснить, какое место она занимает в целом. Что мы строим. Как наши станции связаны с другими. На одну из таких бесед в клубе он пригласил и Ашихина.

– Ты еще многого не поймешь из того, что я буду говорить, но не смущайся. Кое-что поймешь, остальное узнаешь потом.

В клубе было светло и тепло, даже жарко. Люди сидели в меховых сапогах, оставлявших следы на полу. Кого только здесь не было! И сибирские татары, и украинцы, и белорусы. Много самоедов, лопарей – земляков Пелькина, которых он перетянул к себе, тунгусов, якутов, попадались и кавказцы.

Три лампы с матовым абажуром освещали зал. По стенам развешаны плакаты, лозунги, в углу бюсты вождей, окруженные живыми цветами в горшках.

На помосте стоял большой стол. За столом Пелькин. Он объяснял рабочим, что такое «температурная станция», как холод можно превратить в тепло и свет.

Он говорил о том, что для превращения теплоты в работу всегда необходимо иметь два уровня температуры.

Продумывая этот закон, французский физик Д'Арсонваль выступил с интересным предложением. Это было очень давно, еще в конце прошлого столетия. 17 сентября 1881 г. появилась в одном журнале его замечательная статья. Он предлагал создать очень своеобразный двигатель, использующий разницу температур.

Пелькин рассказал, как развивалась эта полуфантастическая идея, вспоминал имена ученых, которые работали над этим вопросом, – Кемпбелла, Дорнига, Брейера, Бушеро, Клода и других, как упрощался проект Д'Арсонваля. Уже отпала надобность тянуть трубы от экватора до полюса. Можно на экваторе использовать разницу температуры между поверхностными и глубинными слоями воды, говорили одни. Можно поступить еще проще, говорил Баржо.

Почему бы не устроить теплопады в холодных местностях земного шара? Там котел и холодильник еще ближе друг к другу. В Канаде, в Восточной Сибири много местностей, где воздух почти круглый год имеет температуру 30 и более градусов ниже нуля. А вода, в особенности морская, всегда имеет температуру в 2–3 градуса тепла. Получается почти та же разница, что и для океанской воды у тропиков в глубине и на поверхности. Там противоположные температурные концы – «котел» и «холодильник» – находятся на расстоянии 1000 и более метров друг от друга; а на Севере температурный контраст разделен лишь слоем льда. Значит, здесь не надо строить колоссальных труб в километр и более длиной, не надо заботиться об очистке этих труб от морских солей на таком огромном протяжении. Полярная станция может стоить дешевле – во много раз дешевле, чем экваториальная…

– А какова стоимость? – спросил кто-то с места.

– Если считать на киловатты, то каждый киловатт номинальной мощности обойдется раз в пять-восемь дешевле, чем стоимость гидравлической станции такой же мощности, – ответил Пелькин.

– Вы видите, товарищи, – продолжал он, – какое огромное значение имеет этот проект для нас, для нашего Севера. Огромные пространства тайги и в особенности тундры бедны энергетическими источниками. Не строить же нам теплоэлектроцентрали на дровах. И вот найден блестящий выход: превращать холод в энергию, точнее говоря, черпать энергию в разнице температуры воды и воздуха и превращать эту энергию в работу, в свет, в тепло.

Везде, где есть холодный воздух и более теплая вода, можно установить температурный двигатель. Значит, не только по берегам полярных морей, но и на сибирском континенте, у рек и озер. Тайга и тундра получат неиссякаемые источники дешевой энергии.

В нашей температурной паросиловой установке вместо воды мы используем бутан, который кипит даже на морозе, когда температура воздуха минус десять градусов. А при двух-трех градусах тепла – при температуре морской воды – бутан будет кипеть вовсю. Теплопады можно устроить и на юге. Жаркое солнце там будет нагревать котел, а холодильником послужит речная или озерная вода.

Вот вам краткая история, товарищи, д’арсонвальской фантазии. Видите, как по-разному можно использовать одно и то же физическое

явление. Тропические морские теплопады, полярные теплопады, солнечные континентальные теплопады. Может быть, кто-нибудь из вас придумает еще и новое использование.

Ну, на сегодня довольно, – закончил Пелькин.

Слушатели начали расходиться, молодежь уже спорила о новых системах теплопадов и о наилучшем принципе аккумулирования энергии.

С Пелькиным остались инженеры Колосова, Верховский, Игнат Бугаев и Джим.

21. Суматошный день

– Товарищ Колосова! Дед тебя зовет, – сказал вошедший в комнату рабочий, весь заиндевелый.

– Что случилось? – спросила Вера.

– Работа на радиостанции приостановилась.

– Почему?

– Грунт никакая сила не берет. Не говоря о кирке и лопате, динамитный патрон закладывали – не берет.

– Вот она, мерзлота-то! – сказал Пелькин, кивнув головой Игнату. – Промерзлый слоистый сланец. Хуже гранита. Который месяц бьемся. Попробуй тут в земле кабель проложить! Идем, что ли, посмотрим.

Дед уже издали, увидав Колосову, начал кричать:

– Этак мы никогда не кончим, золотце. Шутка сказать! Еще и фундамента не заложили. Даже ров не вырыли. Работы еще сколько. А к началу навигации надо станцию во что бы то ни стало пустить.

Возле ям стояли рабочие, повесив головы, словно над могилой. Игнат заглянул в одну из них. Рабочий стукнул киркой по краю. Железо зазвенело. Хоть бы маленький кусок отвалился.

– Тут не патрон динамитный закладывать надо, а целую бочку, – сказал рабочий, хмурясь. – А кирка совсем ни к чему по здешнему грунту. В жизни не видал такого.

– Так что же тут думать? – закричал Игнат громовым голосом. – Бочку так бочку! За чем дело стало? Давайте ваши патроны. Давай динамиту, пироксилину, аммоналу! Закладывай шнур, или как там у вас называется. Сверли дыру, одним словом! Руби, коли!

Все засмеялись. Бурная энергия Игната передалась другим. Рабочие зашевелились. Принесли патроны, начали закладывать.

– Закладывай еще! А ну, еще! – командовал Игнат. – Еще! Еще!

Когда приготовления были окончены, у ямы остался один запальщик, все отошли далеко в сторону.

Через несколько минут грянул такой взрыв, что людей едва не свалило с ног волной воздуха. Из ямы вырвался, как из кратера, столб дыма, щебня, кусков камня.

Едва камни упали на землю, как рабочие уже бросились к яме. На месте взрыва зияло большое отверстие.

– Вот это да! – сказал тот же рабочий.

– А ты говоришь! – в тон ему отозвался Игнат.

Дед Мороз тряс руку Игната:

– Спасибо тебе, золотце, раскачал наших ребят. Теперь пойдет. Вижу, что пойдет.

– А радиостанция велика будет, Дед? – спросил Игнат. Верховский совсем расплылся от улыбки. Его большой нос горел багрянцем, очки сверкали.

– Первоклассная станция будет. На тысячу киловатт в антенне. Радиомачта сто метров высоты. Все суда на море наши метеорологические сводки слушать будут, вся Сибирь, и Канада, и в Штатах. На метеорологической станции и радиостанции у меня десяток человек работает. И довольно. А такими делами ворочаем… Ребята подобрались хорошие. Взять хоть радиста Грунина. Прямо талант. Ведь тут мало радиотехнику знать. На Севере радисту приходится быть исследователем, экспериментатором. Природа тут для радиоволн таких электромагнитных сетей, ловушек, барьеров понаставляла, что не всякий радист сквозь эти дебри и волчьи ямы свою волну проведет. Есть такие места, что ни на длинной, ни на короткой не проедешь. И принимать нелегко. Шумит, трещит полярный эфир, магнитные бури сумбур в эфире делают. Тут радисту комбинировать приходится и волны, и мощность, и часы, и дни приема. Тут изобретательность, находчивость, сметка нужны.

– Отойдем. Наши артиллеристы вошли в раж. Опять заложили бочку… Ну, а шарики ваши как летают?

Дед залился мелким смехом.

– И про шарики слыхал? – спросил он. – Шарики летают. Летают, золотце. Я эти шарики во времена оны с самим Павлом Александровичем пускал. Я только маленько приспособил их к нашим условиям.

И он с увлечением начал рассказывать Игнату о молчановских шарах-зондах, пускаемых в верхние слои атмосферы для автоматической записи метеорологических данных.

– Привязной шар высоко не пустишь, а свободные тем неудобны, – говорил он, – что выпустишь их, а где упадут –

неизвестно. В населенных местах это – небольшое неудобство. Народ стал культурный. Найдет и по адресу доставит. Мало шаров не возвращалось, разве какой упадет в болото или в лес на вершину дерева и никто не увидит его. А в тундре какой народ? Кто найдет? Кто принесет? Снегом заметет, и крышка. Вот я и придумал маленькое усовершенствование…

Усовершенствование это заключалось в том, что шар-зонд мог подниматься на заранее рассчитанную высоту, где он разрывался. Благодаря тяжести прибора шар-зонд падал на землю почти вертикально. Самый сильный ветер относил шар лишь на незначительное расстояние. Перед самой землей раскрывался парашют, и зонд плавно опускался, аппараты не разбивались. Кроме того, на зонде горела небольшая лампочка, питаемая батарейкой. По свету лампочки можно было следить за падением шара и легко найти его на земле.

– На полюс холода, в Верхоянск, надо бы молодых стратонавтов посылать. Там почти такой же холод, как в стратосфере. В Верхоянске почти семьдесят градусов холода бывает. Это холоднее, чем на высоте восемнадцати километров. И у нас немногим теплее. Я так считаю: 55 градусов холода, значит, мы «взлетели» на десять километров, шестьдесят градусов – на двенадцать. Зато на высоте восемнадцати температура сразу повышается. Выше 50 километров много озона, который сильно поглощает солнечные лучи. Англичанин Эпльтон предполагает, что на высоте 300 километров летом должно быть 900 градусов по Цельсию! Каково! Там, наверно, сейчас жара. А мы тут с морозом боремся.

Дед еще долго говорил бы, но ему помешали. Прибежал рабочий и сообщил: к новой стройке приполз полузамерзший человек. Как будто американец. Его осторожно отогрели и отнесли в больницу. Но врач говорит, что руки и ноги сильно отморожены. Как бы не пришлось ампутировать.

– Кто он? Откуда? – слышались вопросы.

– Больной очень слаб и еще не может говорить. Его отпаивают теплым молоком с коньяком. Впрочем, одно слово он выговорил – что-то вроде «эйроплэйн».

– Так, – многозначительно сказал Дед. – Этим все сказано. По-видимому, американский аэроплан потерпел аварию. Вот она,

метеорология-то. Сунулись в воду, не зная броду. Американские рекордсмены! С Аляски или Канады, наверно, летели.

– Надо немедленно послать наш самолет на поиски разбитого аэроплана. Быть может, кто-нибудь остался в живых, – сказал Пелькин.

Дед кивнул головой. Нелегко найти в полярную ночь, да и не зная, где искать. Не лучше ли подождать, пока придет человек в себя, расскажет толком?

Верховский, Пелькин, Игнат и Вера отправились в больницу. Они услышали, как на аэродроме загудел мотор. Большой аэроплан с сильным прожектором поднялся над «Ледяным городом» и направился на северо-запад. Встретили Симакова. Он сказал им, что был в больнице, видел американца. Тот уже пришел в себя и объяснил, где случилась авария. Недалеко от Челюскина. Наш летчик отправился на поиски. Но едва ли он поможет кому. По словам больного, второй спутник убит. Сам он каким-то чудом уцелел, увидел далекое зарево – огни Челюскина – и добрался ползком.

В этот суматошный день случилось еще одно происшествие. На окраине города загорелись сараи с лесоматериалами. Быть может, кто-нибудь обронил огонь из трубки. Мороз стоял как на двадцати километрах высоты. Тушить было очень трудно. Вода замерзала, не долетев до огня. Приходилось совсем близко подтягивать шланги к огню. Несмотря на то что шланги были окутаны слоем холодонепроницаемой ткани и походили на бревна, в некоторых шлангах вода замерзала.

– Хорошо еще, что водопроводные трубы не лопаются, – сказал Игнат. Верховский, стоявший возле него и наблюдавший за тушением пожара, махнул рукой:

– И трубы лопаются, вода замерзает. Это же – несчастье. Тут инженеру, строителю переучиваться надо. Физику холода изучить на все сто процентов. Словно на иной планете. За что ни возьмись, делай поправку на холод да на мерзлоту. Вот Верочка. Она прямо больна этой самой мерзлотой. Честное слово, я даже боюсь за нее. Ведь все расчеты, все строительные нормы, весь опыт в других широтах создавались. Никогда еще не было на Крайнем Севере такого огромного строительства. Ошибки неизбежны. А она уж больно близко к сердцу эти ошибки принимает.

Игнат смотрел на пожарных.

– А знаете, о чем я думаю, – сказал Игнат, глядя на огонь. – Вы правы, тут всему переучиваться надо, все создавать по-иному. Вот и огнетушение. Тут надо придумать что-то иное. Надо горячей водой тушить. Да, да. Нагревать электричеством. Придется и об этом подумать. Эй! Эй! – закричал Игнат, вдруг заглушив гул голосов и треск пламени. – Давайте на этот склад больше воды! Растаскивайте доски! – И он рванулся в гущу копошившихся возле пожара людей.

– Ну, идем, что ли? Без тебя справятся, – сказал Верховский, дергая Игната за рукав.

– Куда идти? Зачем? – спросил он еще возбужденным, охрипшим голосом.

– Идем, говорю, – настойчиво повторил Верховский. – Я покажу тебе кое-что интересней пожара.

Игнат еще раз взглянул на догоравший штабель бревен – другие удалось отстоять, – сдвинул меховую шапку со вспотевшего лба и неохотно ответил:

– Ну, что же, идем, Дед. Но только, если не интересно…

– Интереснее ты еще никогда не видел, – уверял Верховский.

– Как для кого…

Верховский легко и быстро зашагал вперед. Они направились к брошенной строительной площадке, где была обнаружена в подпочве большая линза льда, сохранившаяся со времен ледникового периода. Электрические фонари ярко освещали площадку. Среди бугров земли и ледяных осколков двигались люди. Визжали буровые машины, скрежетали экскаваторы, ворочали длинными шеями, щелкали пастью ковшей, заглатывавших мерзлый грунт.

– Что это? – удивился Игнат. – Работа идет на полный ход. На линзе? Нет, видно, мерзлота свела с ума нашу Веру.

Верховский только посмеивался. Когда подошли ближе, он сказал:

– Тут уже не Вера орудует. Помнишь, нашел я кости, шерсть мамонта. Я тогда же телеграфировал о находке Академии наук. И вот, как видишь. Теперь тут палеонтологи работают. Докопались до двух мамонтовых туш. Одна целехонька. Ну, мамонты – это еще не диво. Наши ученые нашли здесь такое диво, что ахнешь. Идем сюда. – И Верховский махнул рукой в сторону нового иглу.

Сильно нагнувшись, они вошли внутрь куполообразного снежного здания. В зените потолка горела ртутная лампа, ярко освещая

оледенелый «небосклон». Игнат оглянулся и увидал на снежной лежанке человека среднего роста, очень широкого в костях, с подогнутой левой ногой и откинутой правой рукой. Большой палец руки сидел значительно ниже, чем у современного человека. Смуглое лицо с широким носом и толстыми губами. Узкий, покатый лоб с сильно развитыми надбровными дугами, сливающимися над переносьем в большой надбровный валик. Большая крепкая челюсть со срезанным подбородком. Длинные густые паклеобразные волосы до плеч. На теле – звериная шкура. На ногах – грубо сделанные кожаные полусапоги. Часть обнаженных ног и грудь покрыты густыми волосами. Возле откинутой руки лежит каменный топор.

Игнат застыл от изумления.

– Так и нашли… с топором, – тихо, почти шепотом сказал Верховский. – Понимаешь? Человек ледникового периода. В полной целости и исправности, то есть в сохранности.

– Вот так находка! – с волнением произнес Игнат.

– Находка – первый сорт, – ответил Дед. – Когда-то один ученый, заведующий мерзлотной лабораторией Геологического института Академии наук, мечтал: «Во мне живет уверенность, что со временем мы обнаружим в вечной мерзлоте и неразложившиеся трупы людей, современных мамонтам. И если череп неандертальского человека возбудил интерес во всем научном мире, то какой же будет подъем научной мысли, когда мы обнаружим неразложившийся труп первобытного человека». И вот нашли, обнаружили. Представляешь, какой шум поднимется теперь во всем научном мире?

22. Сын солнца

Молодой тунгус Ашихин учился; он уже настолько изучил электромонтаж, что был отправлен в шахты на работы по электрификации подземного курорта.

Пещеры сильно поразили воображение Ашихина. Он не мог представить, что под мерзлой, засыпанной снегом землей существуют такие обширные пещеры, где тепло совсем по-летнему. Там же, под землей, он встретился с черным человеком, которого в первый раз видел на лекции Пелькина.

Джим потряс руку Ашихина и сказал:

– Идем, я покажу тебе, где работать.

У большого мрачного подземного озера, отражающего черной поверхностью своды пещеры, освещаемые дуговыми фонарями, копошились люди. Свет и тени, черные и белые цвета. Словно картина на экране кино. Треть озера была покрыта плотами, на плотах возведены леса, поднимающиеся к высокому своду. На лесах работали люди, скалывая с «потолка» нависшие глыбы. В одной этой пещере могло разместиться одновременно не менее тысячи человек. По проекту Колосовой, вся пещера должна быть покрыта железобетонным колпаком, огромной полусферой, вполне гарантирующей от обвала. Игнат допытывался, какое будет небо – серое железобетонное или же выкрашенное в голубой цвет, но Колосова держала свои планы в секрете. Она заявила, что, когда начнут отделку, никого сюда не пустит, кроме рабочих.

Рядом с лесами возвышались огромные кучи песка. Игнат взял горсть и начал разминать, как муку.

– А песочек-то – красота. Золотой песок! – похваливал он.

Этот песок подвозился издалека. Он был найден под снегом у небольшой замерзшей речки Фомою Груздевым во время охоты с Джимом, Игнатом и Ашихиным. Игнат заявил, что этой находкой Фома утер нос геологам. И в самом деле, они долго и тщетно искали осенью песок в окрестностях «Ледяного города» и не нашли. А Фома нашел под снегом. Он шел с ружьем, балагурил, рассказывал о своих

охотничьих приключениях, а сам незаметно присматривался к неровностям почвы. Фома рассказывал:

– Лежу я под тигром и думаю: капут пришел Фоме Груздеву. Вот здесь копнуть надо. – Фома прервал свой рассказ на самом интересном месте и остановился. – Вот здесь копнуть надо.

Спутники, заслушавшись, сразу даже не поняли такого перехода.

– Речушка должна тут быть под снегом. И песок, – разъяснил он.

– Ах, черт лысый! – воскликнул Игнат и, отстегнув от пояса саперную лопату, начал копать снег. Фома стоял с киркою наготове. Песок лежал на большом протяжении по берегам неведомой речки. Его запасов должно было хватить на все нужды строительства и даже для пляжа подземного курорта.

Фома хорошо знал почву тундры и тайги, не хуже геологов знал содружество тех или иных ископаемых, зависимость их месторождений от характера почвы. За долгую бродячую жизнь все это наметалось у него в глазу. Он слишком долго читал открытую книгу природы и научился читать ее лучше, чем буквы в печатных книгах.

Этот охотничий эпизод вспомнил сейчас Игнат. Песок есть, есть, значит, и бетон. На площадке будущей теплопадной станции уже пломбировали трещину, образованную в гранитной почве действием замерзшей воды. В подземелье к бетонному делу Вера приставила Джима. Вначале ему это показалось малоинтересным, не скоро он вошел во вкус. Теплота подземелья очень облегчала работу. Цемент схватывался очень быстро. Успевай только замешивать.

– Вот тебе и новая квалификация, – сказал Игнат, глядя на его работу. – Видно, что ты уже имел дело с бетоном. И пропорцию хорошо берешь, и замешиваешь. Вырастешь в инженера-бетонщика. Не хуже консервирования рыбы.

– Интересно, – сказал Джим улыбаясь.

Джим сам не мог разобраться в новых, сложных мыслях и чувствах, которые были связаны с его работой. Сама по себе эта работа – замешивание бетона – была почти так же однообразна, как и консервирование рыбы. Интереснее она, значит, была другим. Консервная банка уходила из рук Джима и больше не существовала для него. Она была и оставалась на всех стадиях работы собственностью хозяина. Не Джим и не его товарищи-рабочие будут

есть эти консервы, не они получат доход от продажи. Здесь же, на его новой родине, все было иначе. Джим все больше проникался мыслью, что здесь он не только рабочий, но и хозяин, что он делает для себя и таких же рабочих, как он сам, что заработной платой не погашается его право на произведение его рук, не уничтожается связь с тем, что он изготовил. Он видит, как замешанный им бетон по транспортерам и лифтам движется, поднимается к своду пещеры и покрывает ее неприглядную поверхность ровным слоем. На его глазах неровный, бугристый свод пещеры превращается в правильную, гладкую полусферу. Это будет свод неба подземного курорта, предназначенного для отдыха самого Джима и других строителей Челюскина. Скорее бы заголубел небесный свод, взошло подземное солнце, зазеленели пальмы и бананы.

Быстро движутся транспортеры, но еще быстрее движутся руки Джима и его товарищей. Ведь от этой быстроты зависит приближение того дня, когда за Полярным кругом появятся тропики, когда жизнь в Челюскине станет еще интереснее, радостнее, приятнее. Здесь будут отдыхать и веселиться тысячи рабочих и с ними он, Джим. Вон на том берегу у озера он ляжет под цветущими деревьями, будет греться на солнце и думать: «Я тоже принимал участие в работе. Я делал «небо» для меня и моих товарищей».

Они будут набираться здесь сил и с новой энергией примутся побеждать природу, климат, строить сердце Челюскина – температурную станцию. И из Челюскина через льды и снега – по тундре и тайге – потечет живительный ток. И оживут мертвые пустыни, завертятся колеса электропоездов, задвигаются рычаги машин, вспыхнут яркие искусственные солнца среди вечной тьмы. Благодетельное тепло наполнит дома, заводские помещения, оранжереи. Новые люди придут сюда, на край света, и с улыбкой радостного изумления скажут: «А здесь совсем не плохо!» Они могут не знать о Джиме, это не важно. Но какое чувство самоудовлетворения будет испытывать Джим от мысли, что и он внес во все это свою трудовую лепту.

А оживленные богатства Севера растекутся щедрыми потоками по всей стране, и такими же щедрыми потоками другие – более южные области страны – пришлют сюда то, чего не хватает под небом Арктики.

Все эти мысли постепенно выяснялись, цеплялись друг за друга, крепли, расширялись в голове Джима. Работа становилась все интереснее, живее, осмысленнее. Все веселее улыбалось лицо Джима, все быстрее двигались руки. Он неохотно бросал работу, когда сигнал оповещал об окончании рабочего дня. Только теперь он понял, что труд сам по себе может быть радостью.

Ашихин с другими монтерами вел проводку электрических линий дальше, углубляясь в бесконечную вереницу пещер.

23. Иван Иванович Власов

В северо-западной части неба полыхало северное сияние. Сначала появились бледные пятна, светящиеся, как легкие облака, освещенные луной. Потом по небу начали шнырять с какой-то невидимой границы над горизонтом голубовато-зеленоватые лучи. Лучи гасли, загорались вновь, перекрещивались, растягивались широкими полотнищами, свисали бахромой, края бахромы наливались розоватым светом. И вдруг весь небосклон вспыхнул и заиграл нежными цветами радуги.

Игнат не раз любовался и не мог налюбоваться этим зрелищем. Полярная ночь стала светлее. Отсветы падали на снег. Игнат остановился и глядел на световую симфонию. На светящемся фоне он заметил черные движущиеся точки. Одна, две, три, четыре, пять, шесть… Птицы? Они не залетят на такую огромную высоту. Да и нет здесь сейчас никаких перелетных птиц. Неведомые птицы увеличивались в размерах с необычайной быстротой. Да ведь это снижаются из стратосферных высот наши стратопланы! Полторы тысячи километров в час! Они летят почти со скоростью вращения земли вокруг своей оси. Вот загремели взрывы ракетных двигателей: стратопланы летели быстрее звука. У стратопланов начали отрастать крылья. Чем быстрее полет, тем меньше была площадь крыла. Перед посадкой же скорость полета уменьшалась, крылья постепенно раздвигались до полной величины.

Стратопланы начали делать круги над стратодромом, тормозя скорость полета. В хвостовой части у выходных дюз уже не видно было дыма: взрывы давно прекратились, но громовые раскаты все еще нарастали – звук последних взрывов реактивных двигателей только догонял стратопланы. Они наконец успели снизиться и сесть, а небо и земля все еще грохотали.

На горизонте показались новые черные точки.

Только недавно стратопланы овладели стратосферной трассой, люди еще не успели привыкнуть к ним так, как к аэропланам.

– Летят! – услышал Игнат голоса рабочих, проходивших по улице.

– Новая партия строителей.

– Наверно, из Ленинграда. Несколько часов – и на месте. Это тебе не старый сибирский экспресс! – послышался смех.

Над старичком-паровозом теперь смеялись, называли его «технической улитой», медленно ползущей по рельсам. Подумать только! А когда первый поезд прошел двадцать километров в час, это казалось такой безумной скоростью, что его назвали молнией.

Да, это летели рабочие. Пелькин и Колосова неплохо разработали конвейер заполярного строительства электростанции. В летнюю навигацию по северным морям на пароходах забрасывались строительные материалы и первые партии рабочих. Сначала строился город, начиная с дорог и тротуаров, затем жилые дома, город теплофицировался, освещался, проводилась канализация, водопровод. Квартиры обставлялись мебелью. Одновременно в пригородах появлялись огороды, строились оранжереи, свинарники, крольчатники. В ледяных иглу и стандартных домах легкого типа приходилось жить только этим первым поселенцам. Когда начиналось капитальное строительство электростанций, их оборудование, монтаж, прилетали новые партии рабочих и получали уже готовые квартиры. В этих фундаментально построенных домах они жили, пока станция не пускалась в эксплуатацию. Затем монтеры перелетали на новую стройку, а их квартиры занимались уже постоянными жильцами – работниками эксплуатации. Стандартные же дома, построенные для новых партий, разбирались и по частям перебрасывались на новую стройку.

Игнату хотелось пойти на огромный ледяной стратодром. Но он спешил к Ивану Ивановичу Власову посмотреть оранжереи, Пелькин и Верховский отправились с ним.

Оранжереи находились за чертой города и были защищены от вторжения медведей колючей проволокой. Они занимали площадь в десяток гектаров. И это было только начало. Оранжереи имели застекленные рамы, на зиму покрытые соломенными щитами, облитыми водой. Летом они открывались – в это время освещались и отеплялись солнцем. Весной и осенью было комбинированное освещение и отопление: солнечное и электрическое.

Иван Иванович Власов сортировал семена в своей маленькой конторке. В оранжереях было тепло и влажно. Пахло свежей зеленью и цветами. Лампы в пятьсот свечей каждая, опущенные над грядками,

ярко освещали помещение. Как нитка ожерелья, они уходили далеко в глубь оранжереи. Конторка Власова была отделена от оранжереи стеклянной перегородкой. Это был кабинет агронома. На большом столе рядом с семенами, опытными горшками с рассадой, пробирками, стаканчиками, пробами земли, кувшинчиками, химическими аппаратами, микроскопами виднелись электротехнические приборы. На стене – распределительный щит. Не видно было только графика нагрузки: здесь она днем и ночью долгую зиму оставалась на одной высоте – как по линейке.

Иван Иванович был молчаливый старик маленького роста. Ему перевалило за шестьдесят, но в его рыжеватых волосах, сохранившихся пониже огромной лысины, не было ни одного седого волоса. Он имел длинный стаж работы на Севере. Изучал это дело еще молодым человеком в заполярном совхозе. Затем спустился южнее – работал на Урале, в заброшенном городке. Застал еще те времена, когда многие местные жители ели самодельными костяными вилками. Местные жители были уверены, что у них ничего не вырастет и расти не может. Городок стал большим городом на глазах Власова. И он немало потрудился, чтобы в этом бесплодном крае росли зерновые хлеба. На улицах города появились газоны и клумбы, на которых летом зацвели тюльпаны, астры, левкои. Вырастил клубнику-викторию, крыжовник, вишню и научил плодоводству местное население. Распространил по краю морозоустойчивую яблоню. На его селекционной станции удалось вырастить даже люфу и египетский папирус. Потом он работал на Игарке и, наконец, приехал сюда. Он был фанатиком своего дела, агрономом-революционером. Он был последователем жесткой мичуринской школы, не переносил неженок растительного мира и отбирал только те, которые проявляли свою жизнеспособность в самых суровых условиях. На оранжереи он смотрел как на временный компромисс.

В челюскинских оранжереях он установил цикл посадки и сбора урожая. Так как электрическое солнце светило без отказа, то садить и выращивать растения можно было в любое время года. И он круглый год бесперебойно доставлял в столовую свежие овощи и ягоды.

– Если бы нашего Ивана Ивановича переселить на Северный полюс, то он начал бы с того, что на самой «шишечке» полюса

посадил бы кочан капусты, – смеясь, говорили рабочие. – Земли там нет. С собой в карманах принес бы.

Иван Иванович не был доволен лучами электросолнц. Чего-то в них не хватало, по его мнению, или было что-то лишнее. Витаминозность растений была ниже нормы.

– Ну, ведите нас и показывайте ваше заболевшее солнце, – сказал Игнат.

Власов провел гостей в самый конец оранжереи. Там было несколько помещений, в которых стояли растения, освещенные одни красными, другие зеленоватыми огнями, иные желтыми или синими.

– У меня много желтых и красных ламп, мало синих. Лампы одного цвета мы употребляем для подгонки растений и быстрого плодоношения, другого – для осаживания роста. Разные цели, разные растения – разный и цвет лучей. А бывает нужно подобрать и несколько цветов, чтобы и росли скорее и вширь раздавались.

– В чем же у вас незадача? – спросил Игнат.

– В том, что семена растений у меня одинаковые, температура одинаковая, почва одинаковая, а два растения в одинаковых условиях неодинаково растут. Я думаю, что лампы неодинаковые. Может быть, неодинаковое наполнение газом.

– Вы так уверены, что и семена, и растения, и все условия, кроме света, у вас одинаковые? Ведь лампы сделать одинаковыми легче, чем найти два одинаковых зерна, два семечка, – сказал Игнат.

Власов немного даже обиделся:

– Я это знаю. Я делаю свои выводы на сотнях и тысячах наблюдений. Нет, мои растения в порядке. Непорядок в ваших лампах.

– Хорошо, я проверю несколько ламп, – сказал Игнат. – Но только держитесь, если они окажутся в порядке!

24. Аэрофикатор

Он прилетел на закате весеннего дня. Уверенно сделал посадку, осмотрел трехмоторную амфибию, сам ввел в ангар и явился к Пелькину.

– Ольгов! Главный аэрофикатор Севера. Каким ветром тебя занесло? И без предупреждения! – удивился и обрадовался Пелькин, увидав воздушного гостя.

Ольгов, крепкий мужчина сорока четырех лет с двадцатилетним стажем летчика, пожал руку хозяина.

– Чаю! – первое слово, которое он произнес. – Здорово, Пелькин, как живешь? Каким ветром занесло, говоришь? Попутным, отличным.

Его грубоватое, квадратное, бритое лицо было добродушно и в то же время энергично. Говорил он глуховатым баском. В полетах Ольгов проводил едва ли не больше времени, чем на земле, и это наложило своеобразную печать на его психику. На земной муравейник он привык смотреть сверху вниз. В нем не было гордости сокола, с презрением относящегося к ужам, ползающим по земле. Нет, он был очень общительный и веселый человек. Но его и на земле не оставляло ощущение пространственной свободы, простора. Это был человек нового психического склада. Он жил на озере Имандра, где находился северный аэропорт, но имел квартиру в Ленинграде. У него был годовой билет во все ленинградские театры, и, приезжая на побывку домой, Ольгов или посещал театры, или проводил время в кругу друзей. Через несколько дней он уже начинал скучать по своей амфибии и уезжал на Север.

Когда подали чай, Ольгов засел за стол всерьез и надолго. Он мог сутки и более не есть, не пить, не спать, а затем съесть гору, выпить море и проспать пару суток. Его организм уже приспособился к такому необычному режиму.

Пелькин не мешал гостю и лишь после шестой или седьмой чашки сказал:

– Ты мне все-таки не ответил, зачем прилетел к нам. Ведешь ледокол?

– Веду. А прилетел для того, чтобы с Симаковым сразиться – капитаном вездехода.

– Сразиться? Из-за чего же? – удивился Пелькин.

Вечером у Пелькина нередко собиралась техническая интеллигенция «Ледяного города». И на этот раз пришли к чаю Игнат и Джим. Познакомились. Ольгов очень заинтересовался, когда узнал, что Джим из Флориды.

– Там я еще не летал, – сказал Ольгов, – а интересно бы полетать. Но жить на юге – бррр! Не выношу юга! – воскликнул Ольгов. – Я как только попадаю на юг, так и заболеваю. Люблю Север. На Севере я здоров, бодр, шагаю, как белый медведь. На охоту хожу. На лыжах бегаю. Собак ездовых обучаю. На своей амфибии притащил их из Алтая. Хорошая у меня машина. Не очень быстроходная, но надежная, устойчивая.

– Ты где же сейчас летаешь?

– Сейчас мой маршрут Мурманск – Шпицберген. А база – на озере Имандра. С Имандры так и летим на Шпицберген. Там бухточка подходящая для посадки есть. Полеты на Шпицберген для меня будничная работа. А так мало ли чего не случается! Траулер пропавший разыскивать, или ледокол затрет. Чего со мной не было! Даже самолет в воздухе горел, и ничего, жив, не берет меня никакая сила. Закаленный боец.

– Нет, ты мне все-таки скажи, зачем тебе Симаков нужен.

– А чтоб поколотить его, – добродушно ответил Ольгов. – Выдумал тоже черта в ступе – вездеход.

– Тебе конкуренцию делает, – рассмеялся Пелькин. Ишь ты, поднебесный человек, на нас плюешь с высокого потолка, а как за живое взяло, так с облаков спустился и сам в драку лезешь.

– Что? Конкуренция? Никакой конкуренции тут нет и быть не может. Для меня и стратопланы не конкуренция. Каждому свое. И я ни на какой стратоплан свою старушку-амфибию не променяю. Симакову я хочу сказать по душам, что ни к черту этот вездеход не нужен. Я ему бока намну за фантазерство.

– Да чего ты так взъелся? – спросил Игнат. – Ты, брат, как Юпитер, сердишься, а, говорят, Юпитер сердится, когда не прав. Я сам ездил на вездеходе и видал его в разных переделках. Усовершенствовать надо, но, в общем, штука полезная.

– Для чего полезная? На какую надобность? – горячился Ольгов.

– Ну, геологические разведки…

– Ты вот послушай меня. Видно, и вы мало знаете о нашей работе. Геологические разведки! Эка невидаль! А мы этим не занимаемся? Мы уж сколько лет геологов обслуживаем. Ведь вездеход по горам лазить не будет? Через пропасти не перескочит? То-то.

– Какая же геологическая разведка может быть на аэроплане?

– А вот какая. Самая настоящая…

Ольгов не успел договорить. В комнату вошел новый гость – американский летчик Смайльс, потерпевший аварию. Когда Ольгов узнал об этом, он забросал Смайльса вопросами, забыв об окружающих. Два человека воздуха встретились друг с другом и заговорили о своем небе. Долго ли летал, на какой машине, какая скорость, отчего произошла авария, как боролся с вышедшей из повиновения машиной? Смайльс едва успевал отвечать, а Ольгов делал быстрые замечания: правильно, это была ошибка, ловко, ах, черт возьми… – и снова задавал вопросы. В несколько минут он узнал всю летную биографию своего товарища по профессии. Из рабочих. Отбывал военную службу в воздушном флоте. Научился летать. Служил у предпринимателя – научился высшему пилотажу, всяким головоломным трюкам, выступал на потеху толпе, рискуя своей жизнью. Прыгал с парашютом на трапеции вниз головой… Перешел на службу к богачу-рекордсмену, который «на нем» делал рекорды. Участвовал в нескольких полетах на скорость, на дальность полета без спуска. Летали с шефом, но не долетели до Южного полюса… И, наконец, потерпели аварию в последнем рекордном полете, направляясь через Сибирь в Париж. Богач-спортсмен застрелился во время падения. Смайльс выжил…

– И еще будете летать? – спросил Ольгов.

– Нет, – ответил Смайльс. – Довольно с меня. Но вы рассказывали, кажется, о себе. Продолжайте, я послушаю.

Ольгов начал прерванный разговор, обращаясь преимущественно к Смайльсу.

– Я говорил о том, какое разнообразное применение имеет у нас аэроплан на Севере. Геологические разведки, например. Я беру на борт двух-трех геологов и отправляюсь с ними на разведку. На дне кабины несколько фотокамер. Одна с кинолентой для засъемки всего

маршрута, другая – с объективом-телескопом, третья – стереоскопическая. Мы летим низко, бреющим полетом. Геологи зорко всматриваются в геологическое строение почвы, наблюдая в бинокль. Они видят землю так близко, как рукой подать. На интересных местах делают снимки телеобъективом и стереоскопическими аппаратами. Их двое. Иногда мы снимаем стереоскопически и так: делаем один снимок, пролетаем секунды две, делаем второй. Эти два снимка, сделанные под разными углами, и дадут в стереоскопе один.

Геологи настолько наметали глаз, что сразу определяют, где бесплодная почва и где могут быть редкие земли, которые их интересуют. За несколько часов мы обозреваем огромную площадь. Затем на отмеченные места летит вторая экспедиция. Вся она состоит из двух-трех геологов. Я снижаюсь на озере – в хибиногорских тундрах этих озер на каждом шагу, высаживаю своих пассажиров, доставляю им продовольствие, инструменты, на всякий случай снабжаю радиостанцией. Они работают месяц-два, собирают образцы, бурят скважины, все, что полагается, и сообщают по радио, когда прилететь за ними.

Таким путем удалось сравнительно в очень короткий срок составить великолепную подробную геологическую карту Хибин. Без аэроплана на эту работу ушли бы годы, долгие годы.

А вездеход? Какой же он вездеход, если он по горам не ходит!

Или возьми море. Черт побери! Твой вездеход и тут бессилен. А мы, летчики… Вот я документы, почту вожу на Шпицберген через море, мурманские рыбные тресты обслуживаю. Наши гидропланы кружатся над морем, как чайки, и выискивают косяки рыбы. Идет сельдь, треска – по радио сообщаю. В бурю раскидывает траулеры, нет вестей от кого-нибудь. Надо идти на розыски. И идешь, и находишь, если не пошел ко дну, – сообщаешь долготу и широту, и туда отправляются на помощь быстроходные дизельные траулеры. Мы летаем на острова, выглядываем, где появились скопища моржей, тюленей, и направляем туда промысловые суда. А охота на китов! Это ж красота! Вылетаешь солнечной полярной ночью и пошел прямо на север. Внизу – вода, голубые моря, а по морю синяя речка течет – Гольфстрим. С высоты цвет его воды резко отличается от вод Баренцева моря. Минуешь Гольфстрим – снова голубые просторы. Смотришь на горизонт. И вдруг в лучах красноватого, низко стоящего

над горизонтом солнца фонтаны золотые из воды – стадо китов!.. Спины блестят, лоснятся на солнце, когда поворачиваются, в воде лавируют. Красота! И летит по эфиру телеграмма. Спешат наши охотники.

А олени! Мы и оленеводам помогаем. Разбредутся оленьи стада летом, и собрать их – нелегкая штука. Раньше, бывало, к осени многих голов так и не досчитывались. Теперь мы на своих аэропланах и пастухами заделались, по тундрам рыщем. Не то что стадо – и один олень от нас не укроется. Будьте покойны. Бывало так, что не только найдем, да еще и пригоним. Боятся они шуму аэропланного. Вот и начнешь пугать их. Залетаешь с той стороны, откуда гнать надо, снизишься и гудишь. Бегут олени. Круг сделаешь, и снова над ними. Направление дашь, подчас этого довольно бывает.

– Это все отлично, – возразил Игнат, – но нельзя смотреть и на земные дела с высоты своего полета. Высота уменьшает масштабы, и все земные предметы и дела кажутся тебе меньше, чем они на самом деле. Взять хотя бы тот же вездеход «Тайга». Это, братец, совсем не такая ничтожная и бесполезная букашка. Ты не читал отчет Симакова о результатах его первого, пробного рейса по тайге? То-то и есть. А я читал. Вездеход «Тайга» открыл уже в непроходимых доселе лесных дебрях столько полезных ископаемых, что уже сейчас приходится делать пересчет общих запасов золота, угля, нефти, сланцев и прочего. А ведь это только, повторяю, первый рейс. Технически корабль «Тайга», конечно, еще несовершенен. Над его усовершенствованием сейчас работают десятки инженеров и изобретателей. Но толчок этому делу дал Симаков. Перед отъездом я виделся с Симаковым, и он говорил мне, что имел недавно разговор по радио с Кремлем. Теплый, хороший разговор. Его очень ценят и, наверно, наградят орденом. Если хочешь намять ему бока, оставайся в Челюскине. Симаков еще вернется сюда, а отсюда прямо в Москву со своим вездеходом. Но только смотри, чтобы тебе самому бока не помяли, если ты круто обойдешься с ним.

– Намну! Все равно намну, – воскликнул Ольгов. – Намну бока хотя бы за то, что он скрытничал, никому не говорил о своих успехах, если они так велики.

– Но ведь это же был первый, опытный рейс, – сказал Игнат. – Когда испытывают аэроплан новой конструкции, тоже ведь не спешат

трубить об этом до окончания испытаний…

– Аэроплан! – гордо ответил Ольгов. – Это совсем другая материя.

Спор готов был вспыхнуть снова, но тут Джим спросил Ольгова:

– Товарищ Ольгов! Но неужели вас никогда не тянет на юг?

– Никогда не променяю я Север на юг! – решительно ответил Ольгов. – Север – мой дом, обжитое место. Меня на Севере всюду знают, знают и любят. Я везде и нигде. Сегодня я здесь, завтра там. А больше – на Имандре. Охота там хороша. Приезжайте, Смайльс, в гости, охотиться будем. Жаль, что вы свое летное дело бросаете. Вот, говорят, у публики такое мнение, что потерпел летчик аварию – и уже не годен. Сломался человек. Уверенности нет. Бросает воздушную службу. Я не верил этому. Как так? Да знаете ли вы, что за двадцать лет авиационной работы у меня было немало аварий? И ничего. Летаю и бросать не думаю. Еще двадцать лет готов летать. Но вот теперь сам вижу, что есть такие люди, которые бросают. – И он с дружеским упреком хлопнул Смайльса по плечу.

Смайльс вдруг поднялся, немного побледнел от волнения и торжественно сказал:

– Товарищ Ольгов и вы все, товарищи. Я внимательно выслушал, как у вас работает авиация. И только теперь впервые понял разницу. Это же совсем не то, что у нас в Америке. Правда, аэропланы и там широко применяются и для транспорта, и в хозяйстве. Но летчик, работающий на линии, это тот же машинист, кондуктор. Настоящая отвага есть у спортсменов, рекордсменов, которых жизнь заставила рисковать головой. Тщеславие или деньги, или то и другое вместе – ничтожные пружины героизма. Ваша работа осмысленная, целевая, полезная. Тут есть и риск для любителей, тут и будни, согретые сознанием великой важности, полезности дела… Словом, я хочу работать с вами, Ольгов, если вы примете меня…

– Ур-ра! – закричал Ольгов. Все подхватили этот крик и начали качать смутившегося Смайльса.

– Полетел! Летай, летай! – кричали и смеялись вокруг него.

Он беспомощно болтал в воздухе руками и ногами.

Вошедший Ашихин остановился у порога и смотрел на радостных и веселых людей.

25. «Северопуть»

У Веры Колосовой были свои заботы. Трещина в гранитном грунте была забетонирована, и на берегу моря быстро росло величественное здание первой температурной электростанции. Этому зданию не угрожала мерзлота. Но упорная борьба с ней продолжалась. Еще несколько зданий покосились и дали трещины. Приходилось ремонтировать их.

Новое событие внесло большое оживление в жизнь города. Радио сообщило о приближении к мысу Челюскину нового ледокола, открывавшего навигацию в этом году. О ледоколе «Северопуть» писали в газетах, передавали информацию по радио. Это был настоящий левиафан, имевший грузоподъемность в сто пятьдесят тысяч тонн. Его цельностальной сварной корпус оригинальной конструкции может выдержать самое сильное сжатие льдов. Ему не грозила судьба «Челюскина», раздавленного льдами в 1934 году. Пуск его в эксплуатацию означал начало бесперебойного морского сообщения вдоль Великого сибирского пути. Полярный гигант обладал еще электроледорезами. В крайних случаях, когда необходимо было выбиться из слишком тяжелых льдов или бороться с давлением наседавших ледяных масс, ледокол мог пустить в ход эти ледорезы. Металлические пластины накалялись электричеством добела и разрезали ледяные глыбы. Однако это приспособление еще не было пущено в ход, – оно требовало огромного количества электроэнергии. Только после того как все теплопады, расположенные на берегах арктических морей, войдут в эксплуатацию, можно будет, не считаясь с расходами тока, пустить в ход электроледорезы. Челюскинский теплопад должен был дать этим летом первый ток для зарядки аккумуляторов ледорезов.

«Северопуть» является вместе с тем и авиаматкой. На его борту установлено несколько мощных гидропланов, которые в случае аварии могли перенести на континент весь экипаж ледокола. А экипаж этот был не слишком многочисленен, так как все управление было электрифицировано, автоматизировано.

– Сегодня прибывает «Северопуть», – сообщало утром радио. Через несколько минут после этого сообщения на площадку аэродрома спустилась амфибия с первыми пассажирами ледокола – специальными корреспондентами столичных газет. Вечером на горизонте появился сам левиафан полярных морей. Он известил о своем приближении ракетами, пушечным выстрелом и мощным гудком сирены. Берег ответил звуками оркестра.

Город разукрасился флагами.

Когда ледокол подошел ближе и повернулся бортом, береговые зрители увидели второй ледокол, доселе скрывавшийся за огромной массой «Северопути». Второй ледокол казался совсем маленьким. На его борту была надпись: «Челюскин».

Да, это был сам «Челюскин», погибший во льдах, найденный и поднятый Эпроном, отремонтированный и снова вступивший в строй.

Жители города Челюскина знали о подъеме затонувшего ледокола, о том, что он отведен для ремонта в архангельский док. Дальнейших сведений о ледоколе не поступало, и о нем забыли. «Северопуть» готовил для челюскинцев сюрприз. Ледовый ветеран приближался к городу-тезке. Земной Челюскин горячо приветствовал морского.

Гостей поместили в новой гостинице, красовавшейся на берегу моря.

К этой встрече Челюскин готовился уже давно. Теплопад был готов. Оставалось только ждать морозов, чтобы пустить в движение теплопады и дать первый ток на зарядку аккумуляторов ледореза. «Северопуть» собирался в обратный долгий путь. Разве это возможно? Не остановят ли льды даже этот сверхмощный ледокол? Не слишком ли дорого обойдется рейс со сплошным форсированием льдов? Об этом говорили, спорили, читали лекции. Капитан ледокола был уверен, что «Северопуть» справится с задачей.

Несколько дней остановки были употреблены на то, чтобы разгрузить привезенные для Челюскина материалы и машины. Гости за это время осматривали достопримечательности ледяного города. К величайшему сожалению Деда, Челюскин в это время года был уже не ледяным. «Снегурочка» растаяла. И Дед едва не плакал, видя, как солнце уничтожает великолепнейшие изделия ледяной индустрии и скульптуры.

– Приезжайте к нам зимой, и вы увидите настоящий ледяной город, – говорил он, обращаясь к морякам. – Но все же и сейчас у нас есть что посмотреть. Он пригласил их в Музей-ледник, находящийся в одной из пещер вечной мерзлоты.

26. Назойливое солнце

В этот своеобразный музей приходилось спускаться под землю по широкой, хорошо освещенной лестнице с отлогими ступенями. Чем ниже спускались, тем становилось холодней.

– Температура здесь стоит круглый год и круглые сутки ниже нуля, – объяснял Дед. – Большую пещеру мы оставили почти неприкосновенной, сделав только проходы и пол. Вот наш экспонат номер первый.

Почти всю пещеру занимал большой наплыв вечной мерзлоты, а в нем – найденная в этой же пещере огромная туша мамонта. Туловище его осело назад, и задние ноги до брюха вмерзли в ледяную массу. Все тело выражало напряжение: видимо, мамонт когда-то увяз в болотистой почве. Это было, вероятно, осенью – днем или вечером. До наступления ночи мамонту не удалось выбраться, а ночью ударил мороз. Ведь и на протяжении ледникового периода летом было относительно тепло, и температура повышалась намного выше нуля, растопляя ледяной покров. Мамонт вмерз еще живым. Он отчаянно боролся за свою жизнь. У его передних ног почва была изрыта. Камни свалены в кучу. Вероятно, он цеплялся за них хоботом и таким образом стащил в одно место. Его хобот был опущен; нижняя часть выдавалась немного вперед. Громоздкое тело покрыто длинной шерстью. Сохранились даже маленькие глаза, с испугом устремленные вдаль. Что видел он перед смертью? Хмурое небо, ледяные поля, под которыми он искал мох, разбивая ледяной покров своими мощными бивнями… Сколько столетий, быть может, тысячелетий, смотрел он вот так невидящими мертвыми глазами на далекий берег моря, пока геологическая катастрофа не погребла его и не засыпала сверху землей! Случай приготовил ему ледяной склеп.

Дед взял на себя роль проводника и лектора. Надземные владения его были уничтожены солнечными лучами, но оставалось еще это подземное царство. Лучи солнца не смели заглядывать сюда, в эту обитель вечного холода.

Он увлекал гостей все дальше. Показал семейство полярных медведей, стоявших на большой льдине. Устроители музея немало

потрудились над тем, чтобы придать экспонатам естественный вид живых животных. Пока еще не наступило трупное окоченение, их телам было придано нужное положение. Медведица наклонила голову над краем льдины, как бы заглядывая в воду; двое медвежат смотрели туда же. Медведь-самец стоял на высокой льдине и всматривался вперед, приподняв голову. Он стоял на страже.

В следующей пещере находились мелкие полярные животные, дальше птицы, рептилии и даже насекомые.

– У нас здесь представлены почти все животные полярных и приполярных стран, – сказал Верховский. Это первый музей подобного рода. Мы хотим, чтобы он оставался первым и по своему значению, по своей полноте. Подумайте только: пройдут не сотни, а тысячи лет; лицо земли станет неузнаваемым; белые медведи, быть может, исчезнут, а вот эти будут стоять нетленными, неприкосновенными памятниками минувших эпох.

– А если мы изменим климат настолько, что в здешних широтах будет тепло, как сейчас на юге? – спросил один из посетителей.

– Ну, разумеется, тогда придется искусственно охлаждать музей. Технически вещь совершенно простая.

– У нас есть не только «полярная» пещера, но и тропическая. Верочка, веди нас в подземный курорт!

Но Вера запротестовала. Курорт еще не совсем готов. А она уже не раз заявляла, что никому не покажет его до тех пор, пока он не будет окончен.

Обращаясь к гостям, Колосова сказала:

– Вы скоро вернетесь в Челюскин, к тому времени курорт будет готов, и я приглашу вас на открытие.

Вместо подземного курорта пришлось закончить день осмотром полярного зоопарка. Полярные звери жили в природных условиях, под родным небом и прекрасно себя чувствовали. Это был не только зверинец, но и питомник, дававший хороший приплод.

Гости вернулись к себе на ледокол.

На берегу Игнат встретил Джима Джолли.

– А, Джим! Давно тебя не видел. Ты в последнее время, кажется, и ночуешь в своей шахте?

– Да, – ответил он. – И ночую. И, наверно, все полярное лето просижу под землей.

– Что-о? – удивился Игнат. – Просидишь полярное лето под землей? В своем ли ты уме? Не ты ли так тосковал по солнцу? И вот, когда это солнце не сходит с горизонта, ты прячешься от него в кротовую нору.

Джолли нахмурился и отвечал:

– Я обещал Вере Колосовой, тебе, всем вам не уезжать до окончания работы, и я хочу исполнить обещание. Джим хранит данное слово. Но если бы я не дал этого обещания, я уехал бы немедленно. Вашу темную зиму я еще могу с трудом переносить, но ваше полярное лето – нет.

– Но солнце!..

– От него я и хотел бы сбежать. Это какое-то фальшивое, ненастоящее солнце. И назойливое. Оно почти не греет, по крайней мере меня, а только слепит. У нас на родине, во Флориде, света хоть отбавляй, а солнца не видишь. Оно где-то у тебя над головой. Оно светит, греет, но не ослепляет глаз. Только утром и при закате оно стоит низко над горизонтом, но оно быстро поднимается, быстро заходит, наконец, можно отвернуться от него. А здесь, куда бы ты ни посмотрел, оно торчит перед глазами и слепит их. Оно стоит низко над горизонтом. У меня глаза болят. Если я долго буду смотреть на солнце, я ослепну. И потом… Это солнце украло ночь. Я не могу без ночи. На что это похоже? Проснешься часа в два-три ночи неведомо отчего. Откроешь глаза – и снова это солнце ослепляет тебя. Выйдешь на улицу – бродят бессонные люди. Их также солнце подняло с кровати, выгнало на двор. Бродят, говорят тихо, как сомнамбулы. Спят наяву. Ночное солнце! Нелепость какая-то. Тут даже малые ребятишки до часу ночи не спят, по улицам бегают. А мыши, видно, ждали ночи и не дождались, и пустились при свете солнца раздобывать пищу. Разве тут отличишь день от ночи?

– А вот петух отличает, – заметил Игнат. – Однажды я по часам проверял: в полночь поют. Солнце светит, а они поют.

– Я не петух.

– Ты не обижайся. Я к примеру. Оказывается, полярное лето сбеспрерывным днем на некоторых действует более угнетающе, чем полугодовая ночь. Но с этим бороться очень легко. Нужны только плотные занавески на окна, чтобы сделать искусственную ночь…

Грянул оркестр, громкие крики прокатились по берегу. «Северопуть» и «Челюскин» отдали концы и тронулись в путь.

27. Город принимает гостей

Снова музыка, снова крики «ура». Огромный ледокол, как плавающий город, медленно подходит к берегу. Здание температурной станции ярко освещено. Две перекрещивающиеся дуги высоко висят над городом. Дуги увешаны сильнейшими фонарями. А на скрещивании дуг, в зените, горит солнце. Ослепительно-яркое солнце. Нет больше тьмы, нет полярной ночи.

Колосова пригласила моряков осмотреть подземный курорт.

– Волшебство! Сказка из «Тысячи и одной ночи»! – говорили гости, бродя по пещерам.

Над головой виднелась голубая полусфера неба. Ослепительное, горячее солнце двигалось по небу. Здесь были и утренняя заря с ее свежей прохладой, и горячий полдень, и предзакатный ветерок, и изумительный закат солнца. Его последние лучи золотили верхушки пальм – настоящих пальм, лавров, кипарисов, магнолий, банановых, апельсиновых, лимонных деревьев. Мягкий, ласкающий ветер приносил ароматы цветов.

На золотистом песке широкого пляжа, у голубого озера, лежали люди в купальных костюмах, загорали на солнце или плавали и ныряли в воде. Среди кустов и клумб тропических растений били фонтаны. Каскады низвергались со скал. Вдали виднелись уютные уголки, беседки, увитые вьющимися цветущими желтыми розами.

– Уголок вечной весны, – говорила Вера. Она была в легком белом платье; теплые одежды остались наверху. Вера раскраснелась от солнца. – Да, здесь мы победили природу. Здесь мы делаем климат по своему желанию. Нам повинуется солнце. Мы могли бы делать здешние сутки длиннее или короче, но обычно наше искусственное солнце движется с тою же скоростью, как и настоящее на экваторе. Для вас мы сделаем исключение. Вы хотите посмотреть тропическую ночь? Пожалуйста! Солнце начало быстро закатываться за горизонт. Короткий вечер, сумерки, прохлада. Сильнее запахли цветы магнолии. И вот зажглись звезды. Вот восходит красавица-луна. Засеребрилась вода в озере, фосфорически блестят листья деревьев. Тишина. Даже музыка умолкла. Летят минуты, проходит ночь. И снова утро, снова

день. Щебечут птицы. Зеленые попугаи, яркие, как бабочки, колибри порхают с ветки на ветку, с цветка на цветок. Жужжат шмели, пчелы, собирая мед с чашечек цветов.

Гости садятся в лодки, совершают прогулку по озеру, по подземным рекам. Пещеры, утопающие в зелени и цветах. Пещеры со сталактитами и сталагмитами, пещеры, населенные приручеными животными, птицами и амфибиями…

Вот пляж, прибой волн, безоблачное голубое небо. Яркое солнце. За пляжем – роща цветущих платанов, оливковых деревьев, кипарисов. На пляже загорают девушки и юноши. В прибрежном прибое с веселыми криками и смехом плещутся ребята, плавают верхом на «морских лошадках», играют с огромным мячом.

Каналы, реки, озера и автомобильные дороги соединяют пещеры. Рядом с морским пляжем расположена пещера, превращенная в зал водного спорта. За одним стадионом следовал другой. Ожесточенно сражались команды футболистов, теннисисты ловко бросали мячи, а там, дальше, широко раскинулось поле, на котором состязались дискометатели, копьеметатели. В стороне, на зеленой лужайке, шла борьба тяжело– и легкоатлетов, еще дальше – гимнасты поражали зрителей ловкостью и быстротой своих движений. На глазах зрителей возникали и исчезали, как в калейдоскопе, живые пирамиды, геометрические фигуры.

Когда беглый осмотр был окончен, старый штурман ледокола потер лоб и сказал:

– Если бы мне рассказали обо всех этих чудесах, я не поверил бы. Использование дара природы – подземных пещер – это понятно. Техника, которая делает чудеса, – это мне знакомо. Но для меня самое большое и непонятное чудо: когда вы смогли, успели все это сделать?

* * *

Джим торопливо шел к подземному курорту. Ему хотелось присутствовать при осмотре его моряками. Джим шел и думал. Он работал всю свою жизнь, с самого раннего детства. Но там, на родине, труд не доставлял ему никакого удовольствия. Это была житейская необходимость. Он консервировал рыбу. Каждая банка переходила на

склад заводчика, и с нею было покончено навсегда. Здесь же он впервые за всю свою жизнь почувствовал, что оконченный труд не уходит от него. Между Джимом и оконченной работой остается прочная связь. Вот он бетонировал небесный свод в подземном курорте. И теперь разве сам Джим не радуется, опускаясь в свои подземные владения? Разве он не испытывает чувства гордости, самоудовлетворения, когда видит восхищение рабочих курортом? Джим улыбаясь оглянулся вокруг. Давно ли он приехал в Челюскин? Но как неимоверно разросся и изменился город за это время. Прекрасные каменные здания, жилые дома, театры, кино, больницы, библиотеки, школы, магазины, бани, теплопадная электростанция.

И все это сделали такие же рабочие, как и он: Игнат, Вера, Верховский, Ашихин, Пелькин, Власов, Симаков, Фокина, Камнева, Семенов, – Джим вздохнул. Ему вспомнилась Анна Фокина. Где-то она теперь? Скоро ли вернется в Челюскин?

И вдруг… не обман ли слуха? Он услышал ее смех и увидел ее. Она вышла, оживленно беседуя с красивым высоким молодым человеком. Они шли под руку. Джим почувствовал холод в сердце. Он хотел круто свернуть, но было уже поздно. Девушка увидела его, быстро подошла, поздоровалась и познакомила со своим спутником. Джим смущенно поздоровался, сказал «Очень рад», извинился и ушел.

Анна Фокина посмотрела ему вслед, покачала головой, сжала руку своему спутнику, сказала:

– Подожди меня одну минуту, Вячеслав! – и нагнала Джима. – Постойте Джим, куда же вы бежите? Послушайте, мне надо с вами поговорить. Я все вижу и все понимаю. Молчите. Я знаю, вы любите меня. Не огорчайтесь, Джолли, так вышло. Вячеслав и я – мы давно жених и невеста. Но мы, понимаете, потеряли друг друга. Самым настоящим образом. – Фокина нервно рассмеялась. – Это у нас бывает. Мы не виделись с ним почти два года и уже решили, что навсегда потеряли друг друга. Мы встретились сейчас. Совершенно случайно, и чувство любви вспыхнуло снова. А вы… Вы нравились мне… да… и я, но так случилось. Не огорчайтесь, милый Джим. Мы еще увидимся, Джим, не правда ли?

Все это девушка проговорила быстро, горячо, крепко пожала руку Джима и вернулась к своему спутнику, прежде чем Джим мог что-либо ответить.

Джим мрачно зашагал дальше. Ну вот и все. Конец. Больше ничего его не привязывает к Челюскину…

В подземном курорте Джим взял пирогу, собственноручно сделанную им на индейский образец, и по подземной реке уплыл в самую отдаленную пещеру. Там он долго сидел в раздумье, вспоминая весь свой путь от Гурьева до Челюскина, все впечатления, события, людей. Потом медленно поплыл обратно.

28. Джим и его товарищи

Джим шел к Костину, погруженный в свои думы. Джим очень подружился с ним после того вечера, когда увидел на экране дорогу, связывающую Европу с Америкой. Не раз Джим заходил в лабораторию Костина, расспрашивал нового друга о дороге и просил показать картинки на экране.

От Костина Джим узнал, что дорога эта только строится. Прямое сообщение от Лондона – дело будущего, так как постройка тоннеля под Ла-Маншем вновь отложена Англией по политическим и стратегическим соображениям. Полным ходом идет строительство только в пределах СССР.

– Мы считаем, – говорил Костин, – что путешествие в поездах дальнего следования должно быть обставлено с таким же комфортом, как и путешествие на трансатлантических пароходах. И поэтому при проектировании нового транссибирского двухколейного пути наши инженеры решили увеличить ширину колеи больше чем вдвое. Соответственно увеличиваются и все габариты электровозов, мостов, платформ и прочего.

Костин попрыгал со своей палкой-костылем возле аппаратов, и Джим увидел на экране внутреннее устройство новых вагонов. Невидимый диктор начал давать пояснения:

«Весь поезд представляет собой как бы единый комбинат для обслуживания пассажиров дальнего следования. Одни вагоны предназначены для индивидуального, другие – для общего пользования. Вагоны первого рода в большинстве двухэтажные. Они разделены на квартиры в одну, две, три комнаты каждая. При каждой такой квартире – отдельная электрокухня с мусоропоглотительным ящиком, уборная, ванная, душ, поездной телефон, радиотелефон, телевизорный экран, часы поясного времени, внутрипоездной транспорт, при помощи которого можно получать обед и книгу из библиотеки и фрукты и цветы из поездного магазина.

Вы видите, что размер каждой комнаты-купе гораздо больше, просторнее, чем в пульмановских вагонах. Здесь имеются удобные кровати, мягкие кресла и диваны, столы, шкафчики. Кондиционная

установка дает возможность всегда иметь чистейший воздух и климат по желанию.

В окне мелькают придорожные пейзажи. Тепло, светло, уютно, спокойно. Нет толчков, тряски, не слышно лязга и стука колес.

Посмотрим теперь вагоны с местами общего пользования. Вот вагон-ресторан, универмаг. Здесь продают книги, журналы, газеты, конверты, чернила, бумагу. Рядом – парфюмерное отделение, дальше – кондитерское и гастрономическое отделения. В следующем вагоне, в верхнем этаже, имеется парикмахерская, внизу – комнаты для детских игр с игрушками, книжками, мастерскими. Дети в пути не соскучатся. В другом вагоне взрослые пассажиры найдут и для себя развлечение. Здесь и бильярды – представьте, в этом поезде можно играть на бильярде, – настольные пинг-понги, лото. Найдется где и потанцевать, есть кинотеатр с телевизорной установкой. И даже бассейн для плавания. Наконец, имеется амбулатория, зубоврачебный кабинет, хорошо оборудованная операционная и палата на несколько коек для лежачих больных. Словом, пассажир такого поезда не лишается ни одного из тех удобств, которые он имеет и к которым привык, живя в культурном центре.

Создать такие просторные и комфортабельные вагоны и поезда-комбинаты технически было не так уж трудно. Гораздо труднее оказалось строить путь для этих поездов, пролегающий по негостеприимным приполярным и полярным местам. Темнота, холод, метели, вечная мерзлота – все было против нас, но мы вышли победителями.

Чтобы ветер и снежные бураны не мешали движению, решено было весь путь покрыть тоннелем, стенки которого сделаны из прозрачной, прочной пластмассы. Наши изобретатели позаботились о том, чтобы поверхность тоннеля не подвергалась обледенению. Но при устройстве тоннелей пришлось разрешить одну большую задачу. Ведь покрытие пути создавало разницу температуры почвы внутри тоннеля и за его пределами. Поэтому наши изобретатели, ученые, инженеры направили свое внимание на санацию – оздоровление мерзлотной почвы. Они растопляли линзы мерзлотного грунта, а затем пломбировали их. Такая санация тоже недешево стоит, но зато в полосе железной дороги мы навсегда освободились от тех неприятностей, которые причиняет вечная мерзлота».

– Посмотрим теперь, как идет строительство.

И Джим увидел, как в тайге прорубались просеки, укреплялись болота, через полноводные сибирские реки перебрасывались массивные мосты. С особым интересом следил Джим за работами по прокладке тоннеля под Беринговым проливом.

Джима поразила картина железнодорожного пути, который шел по снежным равнинам Сибири, под холодными водами Берингова пролива, переходил на американский континент и шел туда, на юг, к солнечной Флориде.

И у Джима постепенно сложился план, о котором он никому не говорил, даже Игнату. Этот новый путь явился настоящим искусителем: побывать на родине, увидеть друзей и флоридское солнце… А потом… потом видно будет. Может быть, он вернется в СССР и будет работать в Гурьеве, а может быть… там видно будет.

И случилось так, что именно в этот вечер Костин сообщил Джиму свежую новость: строительство окончено, первый поезд прямого сообщения Москва – Нью-Йорк находится уже в пути.

– А во Флориду вагон идет? – спросил Джим.

– Да, идет, – ответил Костин.

Джим захлопал в ладоши и выбежал из лаборатории.

Он бежал к Игнату и Вере сообщить им наконец о своем плане и просить их помощи. Он уже придумал и убедительную фразу, чтобы подкрепить свою просьбу: это не дезертирство, это болезнь – ностальгия.

Игнат и Вера были крайне удивлены заявлением Джима, но все же помогли ему устроиться проводником на европейско-американском экспрессе.

Игнат, провожавший Джима, махнул ему рукой и крикнул дрогнувшим голосам:

– Ладно уж! Кланяйся там своей Флориде! – и стер с лица теплую слезу.

«Не вернется, чертенок», – думал Игнат, провожая глазами экспресс, уходивший в бесконечный тоннель…

* * *

…Джим вернулся. Вернулся через двадцать дней. Он пришел в квартиру Игната смущенный, радостно улыбающийся. А за его спиной стояли еще четыре Джима. Может быть, они не все были Джимы, но все четверо негры, очень похожие на Джима. Они также весело улыбались, чуть-чуть напряженно и выжидательно.

После первых приветствий Вера опросила Джима, дружески кладя ему на плечо руку: что заставило его вернуться?

Джим отвечал очень сбивчиво, неопределенно и не совсем понятно….

Он начал тосковать о Челюскине. И не только о людях, о добрых, веселых, приветливых, внимательных товарищах. Он почувствовал, что тоскует и по северной природе. Он вспоминал северные сияния, нежную красоту зорь.

Игнат многозначительно посмотрел на Веру и сказал:

– Север уже захватил, очаровал Джима. Это происходит почти со всеми.

Тосковал Джим и о работе, которая только здесь так осмысленна и полна внутренним содержанием. Джим заговорил уже совсем непонятно и смутился.

– Одним словом, я испытал настоящую… настоящую.

– Тоску по родине? Ностальгию? – подсказал Игнат.

– Вот именно, тоску по родине. Ностальгию. И я… я останусь работать вот с ними, с товарищами.

1939